

ВАСИЛИЙ ЕРМАКОВ

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ЗАСЛУГИ И ЗАЩИТА ПРАВОСЛАВИЯ
РУССКИМ ДУХОВЕНСТВОМ
В ЭПОХУ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ**



Василий Ермаков

**Национально-государственные заслуги
и защита православия русским духовенством
в эпоху польско-шведской интервенции**

Монография

Санкт-Петербург
«АГАТ»
2002

017708

ББК Э372.24 – 345

УДК 281.93

E 69

Василий Ермаков

E 69

Национально-государственные заслуги и защита православия русским духовенством в эпоху польско-шведской интервенции.
Монография. – СПб.: Агат, 2002. – 160 с.

Монография составлена по материалам диссертации, написанной в 1953 году выпускником Духовной Академии Василием Ермаковым. В книге раскрывается роль духовенства в период тяжких испытаний смутного времени — первой гражданской войны в истории России. Проблемы, затронутые автором, очень актуальны и в наше время.

ISBN 5 – 94300 – 011 – 9

Ермаков Василий

**Национально-государственные заслуги
и защита православия русским духовенством
в эпоху польско-шведской интервенции**

Монография

Редактор М.И. Полевая

Художник Е.П. Фокина

Подписано в печать 10.10.2002

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Усл.печ.л. 5. Уч.-изд.л. 10,1.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1779.

Издательство «Агат».

193036. Санкт-Петербург, Гончарная ул., 29.

www.agatprint.ru

Отпечатано в типографии «Агат».

198020, Санкт-Петербург, Бумажная ул., 17.

ISBN 5 – 94300 – 011 – 9

©«Агат», 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ЧАСТЬ I	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД ОТ СМЕРТИ ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА ДО НИЗЛОЖЕНИЯ С ПРЕСТОЛА ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО	12
Глава 1. Взгляд русских историков на политический кризис русского государства в начале XVII века. Царь Феодор. Возышение при нем Бориса Годунова. Царевич Димитрий. Смерть царевича. Кто виновен в его убийстве. Смерть царя Феодора. Земский собор 1598 г. и участие в нем патриарха Иова. Избрание Годунова и его царствование. Недовольство родословной боярской знати его правлением. Голод 1601 года. Появление Лжедимитрия I. Участие иезуитов в этой интриге. Письмо Лжедимитрия I к папе Клименту VIII. Поход самозванца на Москву и отношение к нему Бориса Годунова.	12
Глава 2. Жизнь патриарха Иова до его избрания русским патриархом. Причины учреждения патриаршества и взгляд на это русских историков. Иов — всероссийский патриарх и его участие во внутренней жизни Русской Церкви. Его отношение к Угличскому событию. Выступление Иова против Лжедимитрия I. Его грамоты. Смерть Годунова. Вступление самозванца в Москву. Низложение патриарха Иова.	31
Глава 3. Вступление Лжедимитрия I в Москву. Папские требования. Отношение Лжедимитрия I к папским требованиям. Его политический расчет. Патриарх Игнатий и его отношение к самозванцу. Брак Лжедимитрия с Марией Мнишек и участие в нем патриарха Игнатья. Биография митрополита Казанского Гермогена. Его приезд в Москву и выступление против Лжедимитрия по поводу брака с Марией. Ссылка в монастырь. Взаимоотношения Лжедимитрия I и епископа Коломенского Иосифа. Его ссылка. Феодосий — архиепископ Астраханский и его выступление против самозванца.	42
Глава 4 . Смерть Лжедимитрия I и воцарение Шуйского. Его грамоты. Перенесение мощей царевича Димитрия. Причины появления второго самозванца. Молчанов и Шаховской и их деятельность. Болотников и характеристика его восстания. Лжедимитрий II и его поход на Москву. Тушинский лагерь. Приезд Марины Мнишек. Иезуитский наказ «тушинскому вору». Гермоген — патриарх Всероссийский. Его призыв к покаянию и объединению. Его воззвания к тушинцам. Митрополит Ростовский Филарет и его «наречение» патриархом. Взгляд современников и русских историков на его пребывание в Тушино. Восстание против «тушинского вора». Народное ополчение. Участие шведов. Смерть Скопина-Шуйского.	57

Глава 5. Значение Троицкой обители для Русского государства. Ее грамоты. Начало осады Лавры польскими интервентами. Бедствия осажденных. Обвинение в измене Голохвастова и Девочкина. Видения преп. Сергия и Никона. Освобождение Лавры. Авраамий Палицын и его деятельность в рассматриваемую эпоху. Дионисий Зобниковский и его заслуги перед Родиной. Переход Польши к открытой интервенции. Осада Смоленска. Переговоры тушинцев с Сигизмундом. Их требования. Участие митрополита Филарета в переговорах с польским королем. Низложение Шуйского.	73
ЧАСТЬ II	
ЗАСЛУГИ ПРЕД ОТЕЧЕСТВОМ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ ОТ НИЗЛОЖЕНИЯ С ПРЕСТОЛА ШУЙСКОГО ДО ВОЦАРЕНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА (1610 – 1613г.)	83
Глава 6. Отношение патриарха Гермогена к боярскому требованию об избрании Владислава. Организация посольства под Смоленск. Содержание наказа послам. Грамоты Сигизмунду и Владиславу с требованием крещения последнего. Цель королевской политики. Протест патриарха Гермогена против занятия Москвы поляками. Занятие Москвы и отношение поляков к московским жителям. Прибытие посольства под Смоленск и их переговоры с Сигизмундом. Неуступчивость послов требованиям польского короля и его сторонников. Составление боярами нового наказа и отношение к нему послов. Отправление послов вглубь Польши и оценка деятельности русского посольства под Смоленском.	85
Глава 7. Отношение народного сознания к королевской политике. Выступление патриарха Гермогена против поляков и русских изменников. Смоленская грамота. Грамоты патриарха, призывающие к восстанию. Московская грамота. Переписка городов. Участие духовенства в народном движении. Руководитель народного движения — Прокопий Ляпунов. Состав народного ополчения. Насилие поляков над патриархом Гермогеном. Восстание московских жителей. Сожжение столицы. Насильственное низложение патриарха Гермогена с патриаршего престола. Его заточение.....	99
Глава 8. Прибытие ополчения под Москву. Организация подмосковного правительства «всех земель». Приговор от 30 июня 1611 года. Ограничение казачьих прав. Вражда среди ополченцев. Смерть Ляпунова и расстройство народного ополчения. Падение Смоленска. Переход Швеции к открытой интервенции. Взятие Новгорода. Протопоп Аммос. Отношение русских людей к критическому положению своего государства. Призыв патриарха к нижегородцам. Его программа действий. Кончина первосвятителя и оценка его заслуг перед Родиной.	109

Глава 9. Призывные грамоты Троице-Сергиевой Лавры. Принятие нижегородцами патриаршой программы. Минин и протопоп Савва. Организация нижегородского ополчения. Избрание воеводой Пожарского. Его происхождение. Поход ополченцев на Москву. Их взаимоотношения с казаками. Остановка ополчения в Ярославле. Деятельность Минина и Пожарского. Битва с поляками и очищение Москвы. Неудачное выступление Сигизмунда. Избрание М. Ф. Романова.....	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
ПРИМЕЧАНИЯ	146
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	158

ВВЕДЕНИЕ

В истории нашего Отечества заслуги русского духовенства разнообразны и обширны. Исторические описания об их заслугах занимают светлые страницы в истории русского народа. Наше русское духовенство всегда принимало самое самоотверженное участие в исторических судьбах русского народа. Особенно ярко обнаруживалась их патриотическая деятельность, когда нормальная государственная жизнь нарушалась какими-либо обстоятельствами, разлагавшими организм отечества.

Сострадательно любя свою веру, отчество, русские пастыри призывали народ объединиться вокруг Церкви и своим единством спасти гибнущее государство.

Особенно велики заслуги нашего духовенства в освободительной борьбе русского народа в первой четверти XVII в. В это время наше отчество подверглось грозному польско-шведскому нашествию. Начало XVII века — это годы тяжелых бедствий и особой молни русского народа. Это было время, когда во всей полноте показались самые высокие и святые качества русского народа, — его религиозность и искренний патриотизм.

В эти годы над русской землей нависла страшная угроза со стороны польско-шведских интервентов, пытавшихся воспользоваться внутренним кризисом русского государства, чтобы лишить его национально-государственной самостоятельности. Этот кризис римские папы сочли за сигнал, решив, что настал удобный момент привести русских «схизматиков» в лоно Апостольской Церкви, взамен отпавших протестантов.

Политика Иоанна Грозного (опричнина) воспитала в государственных сословиях такую среду, в которой и развивались всевозможные самозванческие замыслы. Простой русский народ был раздражен налогами, крепостной зависимостью, голодом и в огромном количестве бежал в вольное казачество. Бояре были унижены тем положением, в котором они находились в период царствования Годунова. Служивое сословие привыкло получать чины и поместья, и поэтому готово было служить любому авантюристу и королю, лишь бы он им оказывал свои милости, повышая в званиях и раздавая вотчины.

При таком состоянии русского государственного сословия не трудно было различным авантюристам-самозванцам набирать себе

войско. Стоило только одним пообещать свободу, другим — вотчины, третьим — важные чины, как около них собирались всевозможные толпы, жаждавшие себе тех или других выгод. О родном Отечестве никто не думал. Каждый думал о своих «животищках».

Эту слабую сторону русских людей XVII века хорошо знали самозванцы, и в своих грамотах они упоминали о тех всевозможных привилегиях, какие ими будут даны, когда кто-либо из них воцарится. Так действовал Лжедимитрий I. Таким способом к себе привлек и второй самозванец Лжедимитрий II — «тушинский вор».

По замечанию летописца, в это время «Россия утопала в пучине крамол»¹. Но это были вызванные самозванцами, внутренние беспорядки Московского государства, которые тяжелым бременем отражались на всей экономике страны.

Еще тяжелее стало русскому государству, когда Сигизмунд III в 1609 году решил оккупировать русскую землю и в качестве колонии присоединить к Польше. Москва была оккупирована поляками, которые чувствовали себя полновластными хозяевами столицы. В это же время главный центр северо-запада России — Великий Новгород — был оккупирован шведами. Юго-восток и юг Московского государства признали своим царем сына Марины — «воренка».

Таким образом, из всех хищников, набросившихся на истерзанное внутренними смутами отчество, львиные доли достались Польше и Швеции. Русский народ перестал быть хозяином своей Родины, так как он был сплошь и рядом ограблен, приведен в ужас и искал спасения в бегстве в лесные трущобы. Обессилевшая страна находилась под пятой польско-шведских интервентов. Они угрожали полным уничтожением государственной независимости нашего Отечества, которое в течение семи прошедших веков ценою больших трудов и войн было собрано нашими предками. Но с потерей своей государственной независимости Руси грозило уничтожение и самой русской нации, языка, вековых обычаяев, к которым с презрением и ненавистью относились иноземцы; а с потерей национально-государственной независимости нашим предкам грозило уничтожение самого драгоценного для них сокровища — православной веры. Иностранные захватчики готовили русским людям ту же участь, которой подверглись еще раньше наши западные соседи — болгары, сербы, чехи.

В это грозное время наши предки надеялись, что только Церковь спасет гибнущее отчество, но ей также, как и государству, угрожала опасность полного подчинения римскому престолу. Искони римские «наместники Бога на земле» стремились подчинить себе православную Русь, но проходили века, менялись папы на римском престоле,

но их главная задача — окатоличить Русь — оставалась неизменной. Они все время зорко следили за Россией и терпеливо ожидали благоприятного случая, чтобы осуществить на деле свою, лелеянную веками, мечту. И вот для них наступил долгожданный момент. К ним, в частности к папе Клименту VIII, обращается за помощью первый самозванец. Неописуемая радость иезуитов, когда они увидели, что папская вековая мечта может осуществиться с их помощью. Искатель престола «царевич Дмитрий» в их руках, и они могут спокойно заняться своей пропагандой в Московском государстве.

Папа через иезуитов обещал оказать самозванцу всестороннюю помощь, но только с тем условием, если он, пред своим вступлением на «отеческий» престол, примет католическое вероисповедание и даст клятвенное обещание о приведении всех своих подданных к подножию апостольского престола. Самозванец с радостью принял предлагаемые условия, а римский папа, приняв его в свое лоно, впоследствии стал всесторонне помогать ему, в основном, снабдив его отцами-иезуитами, которым было поручено утвердить в католической вере «московского царевича», а также среди московских жителей доказывать его истинное царское происхождение, когда он станет во главе всего русского государства. И действительно, в течение всего похода на Москву иезуиты находились с ним; они принимали участие в его свадьбе с Мариной Мнишек.

Нам трудно сделать вывод, что вышло бы из их деятельности, если бы так скоро и неожиданно не был убит их ставленник на московский престол. Однако, несмотря на такой трагический исход их интриги, римские папы не потеряли надежды когда-либо окатоличить русское государство.

Как только появился новый авантюрист — Лжедимитрий II, иезуиты вновь окружили его. Учтя свои первые ошибки, которые произошли с Лжедимитрием I, они стали действовать осторожно. Иезуиты составили «наказ», в котором подробно была разработана деятельность нового самозванца. Но судьба не была столь милостива к «тушинскому вору». Ему не суждено было ходить по древним улицам белокаменной Москвы, он был убит своим приближенным при бегстве в Калугу.

Но и на этом печальном факте римские папы не успокоились; они избрали новую жертву своих страшных притязаний — Сигизмунда III, польского короля. Приступив к открытой интервенции против русского государства, Сигизмунд в письме к генералу иезуитского ордена ясно писал, что московская война начата была им в интересах римско-католической веры: «*Gravis et ardua suscepti a nobis in Moschos*

belli deliberatio, ingentesque divinae gloriae et Catholicae religionis promovendae conatus»².

С самого начала военных действий между польским королем и Римом велась переписка. Так, в одном письме в 1609 году Виленский римско-католический епископ писал папе, что польский король открыл военные действия «помышляя о распространении там (в Московском государстве) римской веры»³.

Когда Смоленск пал — Сигизмунд, благодаря папу за поздравление со взятием Смоленска, в ответном письме своем (в сентябре 1611 г.), обещал и впредь поступать сообразно с интересами св. отца и христианской веры.

В другом письме папе Сигизмунд обещает явить себя благодарным Богу за Его благодеяния и позаботиться о насаждении римско-католической религии в северном княжестве. Во всех приведенных письмах идет речь о пропаганде римско-католической веры в московских областях⁴. С такими целями и двинулись интервенты, возглавляемые Сигизмундом, на Русь. И не зря патриарх Гермоген говорил Салтыкову: «Вижу православной вере поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть».

Весь ужас польской интервенции раскрыли в своей грамоте жители смоленского округа, и русские поняли, какая страшная опасность грозит не только русскому народу и русской государственности, но и православной вере.

Кто же вдохновил и объединил русский народ на борьбу с врагами государственности и веры?

Этой могущественной силой русского народа, уничтожившей врагов и отстоявшей единство и независимость русского государства и восстановившей в ней государственный порядок, — явилась православная вера. «Именно вера святая и являлась часто единственною в таких обстоятельствах утешительницею народа и спасительницею Отечества. В самые страшные минуты для нашей отчины, когда во всем своем ужасе восставал роковой вопрос: быть или не быть России, двигателем народной мысли и силы всегда являлось именно Православие»⁵. Православие объединило враждующих между собой русских князей, тем самым «сплотило политический организм России и укрепило ее могущество; оно всесторонне проникло собою в жизнь русского народа и наложило свою неизгладимую печать на все проявления этой жизни»⁶.

Православная вера явила и основою русского национального патриотизма, воспитав в русском народе мужественную предан-

ность своему отечеству и своей Церкви, о чем свидетельствует наша история. «Восстанем за православную веру», — обращался патриарх Гермоген к своей пастве в своих грамотах. Со словами воодушевления: «Умрем за Пресвятую Богородицу и святых угодников Божиих», — поднимаются москвичи против поляков, бесчинствующих в столице. С призывом: «прольем кровь свою за дом Пресвятая Троицы», — отбивают приступы польских оккупантов мужественные защитники Троицкой обители. «Умрем за святую Софию», — бросаются новгородцы на шведов во время их штурма Новгорода.

Так русский народ самоотверженно защищал свою православную веру, которая для него явилась главнейшей объединяющей силой и оплотом государственного могущества.

В рассматриваемую нами эпоху, когда было уничтожено политическое единство и началась социальная вражда, Церковь напомнила русским людям, что они братья во Христе, и поэтому, во имя веры Православной надо оставить вражду и свои личные счеты и объединиться в единой борьбе с врагом. Представители церкви — архипастыри и безвестные пастыри — явились главными руководителями в этой борьбе за родное Отечество. Не носители государственных функций, не предводители сословий, а русское духовенство объединило народ общим постом и покаянием и, примирившись друг с другом, народ встал на борьбу за свою государственную независимость, о чем свидетельствуют смоленская, московская, нижегородская и другие грамоты.

«Представители Церкви в лице Патриархов — Иова, Гермогена; Митрополитов — Ефрема Казанского, Исидора Новгородского; владык — Тверского Феоктиста (который был убит приверженцами “тушинского вора”), Сузdalского Галактиона (умер в изгнании при Лжедимитрии II), Псковского Иосифа и, наконец, митрополита Ростовского Филарета, платили ценой жизни, чтобы поднять народный дух. Мученики и страдальцы чуть ли не на развалинах спасали веру, национальность и государственность»⁷.

По выражению нашего отечественного историка Н. М. Карамзина в то время «в духовенстве особенно сияла доблесть»⁸.

Историк Н. И. Костомаров, изучивший начальную эпоху XVII века, так говорит о заслугах духовенства перед отечеством в рассматриваемый период: «Государство Московское, как ни долго составлялось, но в эти печальные годы стало показывать признаки разложения. Но в Руси крепче государства была другая соединяющая связь — вера. Пскович, новгородец, русский казанец, сибиряк,

казак — все чувствовали одинаково, что они православные, все люди одной русской веры, принадлежат одной Церкви.

В житейских бедах, не находя ни средств, ни способов избавиться, русский человек видел единственную отраду в уповании будущей жизни, а к ее достижению вела — Церковь. Понятно, что народ сохранял в ней то, что было дороже, что оставалось в утешение тогда, когда все отнималось. Понятно поэтому, что чем угнетеннее его положение, тем он живее ощущает важность Церкви. Тут все одинаково чувствовали, одинаково мыслили и все одинаково поднимались против поляков, когда убедились, что поляки, овладев Москвою, посягнут на эту святыню.

Вообще, следует сказать, что духовенство, главным образом, боролось с врагами веры и отечества, что ему и принадлежит та заслуга, что с одной стороны православие русских в это время осталось целым, а с другой — и государство русское осталось навсегда независимым, самостоятельным»⁹.

Таким образом, «народные массы, отстаивавшие русскую государственность, наряду с Ляпуновыми, Миниными и Пожарскими, имели для себя единственных вдохновителей в своих народных же, сельских пастырях»¹⁰.

К исследованию о заслугах пред Родиной и Церковью нашего русского духовенства в эпоху польско-шведской интервенции мы и переходим.

Отмечая патриотическую деятельность духовенства, мы не говорим, что оно защищало только свои, а не государственные интересы.

Патриотическое движение поднятое народными пастырями, имело своей целью спасти Отечество от иноземного завоевания и восстановить в нем государственный порядок. А для этого необходимо было уничтожить вражду и ненависть и объединить народ в единой борьбе с одним врагом. Все это сделало русское духовенство.

ЧАСТЬ I

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД ОТ СМЕРТИ ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА ДО НИЗЛОЖЕНИЯ С ПРЕСТОЛА ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО

Глава 1

Взгляд русских историков на политический кризис русского государства в начале XVII века. Царь Феодор. Возвышение при нем Бориса Годунова. Царевич Дмитрий. Смерть царевича и кто виновен в его убийстве. Смерть царя Феодора. Земский собор 1598 г. и участие в нем патриарха Иова. Избрание Годунова и его царствование. Недовольство родословной боярской знати его правлением. Голод 1601 года. Появление Лжедимитрия I. Участие иезуитов в этой интриге. Письмо Лжедимитрия I папе Клименту VIII. Поход самозванца на Москву и отношение к нему Бориса Годунова.

Эпоха борьбы русского государства в начале XVII века с польско-шведской интервенцией представляет собою одну из важных страниц в русской истории. В эти мрачные годы все самое святое, дорогое для русского человека: национальность, государственность и православная вера подвергались крайней опасности со стороны интервентов. Историки, изучающие жизнь российского государства в указанную эпоху, по-разному освещают этот период.

Так, одни из них говорят, что борьба русского народа с польско-шведской интервенцией явилась «чем-то вроде политической драмы, главным действующим лицом в которой является тень погибшего таинственною смертью Димитрия, представлявшего последнюю отрасль вымиравшего рода московских Рюриковичей»¹¹.

В «политическую драму» нашего Отечества вмешивались поляки и шведы, цель которых «заключалась не в том, что они желали оказать помощь для занятия Московского престола тому или другому претенденту на него, а в том, что они хотели ослабить наше отечество, хотели внести разложение во весь строй жизни России, поколебать все ее основы, уничтожить ее самобытность как в гражданском, так и в церковном отношении. Особенно деятельно добивались этой цели поляки-католики. России в смутное время грозила двойная опасность: подчинение Польше и

Риму; ополячение и окатолichение. Вот что ожидало наше Отечество в страдную эпоху самозванцев»¹².

Если в рассматриваемой нами эпохе учесть нравственное разложение русского общества и естественные стихийные бедствия — засуху, голод и эпидемические заболевания, посетившие русское государство в начале XVII века, то можно сказать, что все это явилось причиной появления самозванцев и вторжения интервентов в наше Отечество.

Помимо вышеизложенных внешних причин были и внутренние противоречия в жизни русского государства, которые ясно свидетельствовали, что Отечество переживает тяжелое время. Как говорит исследователь этой эпохи проф. С. Ф. Платонов, в «...основании московского государственного и общественного порядка заложены были два внутренних противоречия, которые чувствительно отражались в жизни московских людей. Первое из этих противоречий, можно назвать политическим и определить словами В. О. Ключевского: «Это противоречие состояло в том, что московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации».

Такой порядок вещей привел к открытому столкновению московской власти с родовым боярством во второй половине XVI века.

2. Второе противоречие было социальным и состояло в том, что под давлением военных нужд государства, с целью лучшего устройства государственной обороны, интересы промышленного и земледельческого класса, труд которого служил основанием народного хозяйства, систематически приносились в жертву интересам служилых земледельцев, не участвовавших непосредственно в производительной деятельности страны. Последствием такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремление ее к выходу с “тяглых жеребьев” на черных и частновладельческих землях, а этот выход, в свою очередь, вызвал ряд других осложнений общественной жизни. Оба противоречия в своем раскрытии во вторую половину XVI века создали государственный кризис, последним выражением которого и было так называемое Смутное время¹³.

Осложнения общественной жизни в Русском государстве стали проявляться после смерти Иоанна Грозного. Как только его не стало, как среди дворцовых бояр, окружавших царевичей — слабого и большого Феодора и малютку Дмитрия, возникает страх перед беспорядками, тревога за целостность государства. Новоизбранный

болезненный царь Феодор мало был заинтересован в государственном управлении, и всеми государственными делами при нем управляли его родственники и приближенные бояре. Особенно большими полномочиями при нем пользовался боярин Борис Годунов, на сестре которого был женат Феодор. В это время положение Годунова было исключительно высоким. Иностранные послы, посещавшие Россию в это время, всегда присутствовали у него на приеме. Вполне естественно, что такого положения в государстве Борис достиг не без борьбы.

Боярская партия, возглавляемая Мстиславским, считала за собой большие права на занятие той должности, на которой находился Годунов. Об этой боярской ссоре повествует летописный сборник XVII века. Замечая, что тогда вообще бояре «разделяхуся надвое»: одну сторону составили Борис Феодорович и прочие Годуновы, а с ними «иные бояре»; другую сторону представлял князь И. Ф. Мстиславский, а с ними были Шуйские, Воротынские, Головины, Колычовы¹⁴.

Эта междубоярская война окончилась поражением Мстиславского, и он был сослан в Кириллов монастырь. Шуйские также недолго оставались в покое, и в 1587 году они были высланы в разные области Российского государства.

Так избавился от своих соперников Борис Годунов, но искра ненависти к Годунову продолжала тлеть в роде Шуйских.

В то время, когда Русским государством «управлял» царь Феодор, малолетний царевич Димитрий, вместе со своею матерью и некоторыми другими родственниками, был отправлен в Углич. Слабый, болезненный царь Феодор не подавал надежды, что после него будет наследник и, вполне естественно, все смотрели на Димитрия как на законного престолонаследника из царского рода. Но выдвигаемый кандидат ничего хорошего не обещал для боярской знати, почему они и позаботились заранее избавиться от него.

Как говорит проф. Завитневич, по рассказам и слухам «царевич характером похож на отца, что он жесток, любит смотреть на мучения животных и до того ненавидит бояр, что делает из снега их фигуры, называет определенными именами и потом снимает саблею им головы, приговаривая, что так он будет поступать с ними, когда станет царем»¹⁵.

При такой характеристике царевича бояре скорее ожидали его смерти, чем воцарения.

Весьма ценное известие об этом вопросе нам передает англичанин Д. Флетчер, который издал свою книгу о России в Лондоне еще

до страшного Угличского события. Он прямо говорит, что жизнь царевича «находится в опасности от покушения тех, которые прощают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя»¹⁶.

Желание бояр осуществилось. 15 мая 1591 года десятилетний царевич Дмитрий был убит в Угличе. На место происшествия в Углич была послана из Москвы следственная комиссия во главе с Василием Шуйским, в которую вошли окольничий Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылуггин и митрополит Геласий.

Приехав в Углич, они стали расспрашивать очевидцев, каким образом погиб царевич? Одни отвечали, что Дмитрий зарезан по приказанию Годунова, а другие говорили, что он сам себя зарезал в припадке падучей болезни.

Вернувшись в Москву, следственная комиссия официально сообщила, что «царевич сам себя поколол» ножом и «от того умер»¹⁷. С вышеприведенным официальным сообщением согласился и собор 1591 г., который был созван в Москве по поводу несчастного Угличского события, сказав свое последнее слово: «Царевичу Дмитрию смерть учинилась Божьим судом»¹⁸.

Это соборное решение о смерти царевича было господствующим до 1605–1606 г.

В 1606 году во главе Русского государства становится Василий Шуйский, и в его время писатели начала XVII века стали официально утверждать, что убийство царевича было совершено по приказанию Годунова его сообщниками, впрочем, не объясняя подробно, как произошло убийство.

Утверждение писателей XVII века ясно противоречит официальному сообщению следственной Комиссии о причине смерти царевича, и пред нами встает вопрос: «Кому нужна была смерть царевича Дмитрия? Кто виновен в его преждевременной смерти?».

Весьма ценный ответ на поставленный вопрос дает исследователь этой эпохи Платонов в своем труде: «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник».

Рассматривая литературный памятник XVII века «Повесть 1606 г.», Платонов говорит, что «автор рассказа об убиении царевича Дмитрия был хорошо снабжен источниками, имел в руках много документов, сам принадлежал к числу братии близкого к Москве и влиятельного монастыря, писал в целях и, легко может быть, с покровительством В. И. Шуйского»¹⁹.

Хотя автор рассказа и «имел в руках много документов», но он нигде не говорит о той внешней обстановке, которая была в момент

преступления, о положении родни царевича в Угличе, и об их отношении к царскому престолу.

Автор «Повести» также ничего не говорит об очевидцах этого события и не указывает на свое близкое отношение к лицам, видевшим это преступление. В «Повести» встречаются такие неточности, которые говорят за то, что автор плохо изучил те обстоятельства, при которых произошла смерть Димитрия. Он даже последовательно не познакомился со следственным делом, и это видно из его описания, где он говорит: «для следствия в Углич был послан В. И. Шуйский и патриарх Иов»²⁰. Но как было выше сказано, в состав следственной комиссии входили Шуйский и митрополит Геласий, а не патриарх Иов.

«Повесть» указывает главного виновника убийства — Бориса, но, как говорит Платонов, автор «Повести», начиная излагать обстоятельства убийства, не сообщает никаких доказательств того, как произошло убийство, и не называет никаких улик против Бориса Годунова²¹. Смерть царевича он описывает так же, как об этом свидетельствует следственная комиссия. Автор «Повести» приводит новое свидетельство о том, что у Бориса давно было желание отравить царевича, но на чем обосновано это обвинение, автор подробно не объясняет.

«Если мы примем во внимание крайнюю вражду ее автора к памяти царя Бориса и его зависимость от официальных взглядов правительства Шуйского в других частях его «Повести», — пишет Платонов, — то придем к тому предположению, что в данном случае автор только осветил с точки зрения своей партии те факты, какие были установлены ранее в свою пользу противной партией. Таким образом, и здесь мы должны принимать его показание с крайней осмотрительностью, как голос партии, которая бросила обвинение и, несмотря на его громадную важность, не успела собрать никаких улик и доказательств»²².

На основании вышеприведенного можно сказать, что Платонов своим исследованием старается смыть с памяти Годунова эти ложные обвинения в убийстве царевича, выставляя главного виновника происшествия — боярскую родовую партию во главе с Василием Шуйским.

Шуйский в исторической литературе не обвиняется как убийца царевича, но историки его характеризуют как человека с низменными чувствами, интригана и лжеца. Так он, в зависимости от условий времени, по-разному объяснял убийство Димитрия.

В царствование царя Феодора в следственном деле Шуйский показывает, что царевич сам зарезался. С воцарением Лжедимитрия I

в Москве он уверяет, что Угличский царевич спасся от смерти, а когда он сам стал во главе Русского государства, то официально объявил, что царевич убит по приказанию Бориса Годунова. А потому надо осторожно верить такому свидетелю. Шуйский был ярым противником Годунова и на последнего он мог возвести какие угодно обвинения, а обвиняемый сам за себя ничего не мог сказать, ибо его не было в живых, а его приверженцы еще с царствования Лжедимитрия I находились в опале. «Низкий человек, — справедливо отзыается о нем автор статьи в “Христианском чтении”, — для которого, кажется, не было ничего священного, который даже способен был сделать религию средством для осуществления своих личных планов (канонизация царевича Димитрия в его царствование), Шуйский, скорее, чем Борис Годунов, мог решиться на преступление»²³.

Василий Шуйский, представитель родового боярства, не меньше Годунова, представителя служилого боярства, выставлял свои права на занятие Московского престола в случае бездетной смерти царя Феодора.

По сложившимся обстоятельствам, служилое боярство, в лице Бориса, стало во главе Русского государства; но родовое боярство не желало без борьбы уступить пальму первенства в государстве новым лицам. Они мечтали видеть на Московском престоле представителя своей партии. Особенно потомки удельных князей, взирали на Шуйских как на представителей своих прав и надежд²⁴.

Из удельных князей особенно выделялся Василий Шуйский, умный, хитрый, который и являлся кандидатом боярской партии на занятие Московского престола. Его кандидатура могла осуществиться, т.к. болезненный царь Феодор не обещал оставить после себя наследника. Но одно обстоятельство могло препятствовать Шуйскому в достижении целей — это возможность продолжения царского рода в лице Угличского царевича Димитрия, которого необходимо было убрать со своей дороги, пока он не имеет ни силы, ни власти. Так произошло печальное Угличское событие — 15 мая 1591 года.

Но желания Шуйского пока не осуществились. Смерть царя Феодора открыла дорогу к престолу Годунову, и представитель служилого боярства стал главой Русского государства. Такого сильно-го соперника Шуйский не мог не предусмотреть, ибо еще при жизни царя Феодора он всячески старался отдалить Бориса от царя, предлагая развод Феодора с Ириной, которая являлась сестрой Годунову. Но эта попытка Шуйского не увенчалась успехом. По его

совету был устроен заговор против Годунова, с целью убийства. Но эта интрига была раскрыта вовремя, в результате чего пострадали Мстиславские, а Шуйские остались в стороне от этого события.

Свое временное поражение Шуйский не прости Годунову, за克莱мив последнего для всех последующих поколений позорным именем – убийцы царевича Димитрия.

Его «стараниями» в царствование Годунова пострадали Романовы, влиятельные бояре Московского государства.

Такими действиями Шуйский постепенно очищал себе путь к престолу. Но на этом пути родовое боярство встретило крепкого противника – Бориса Годунова. Необходимо было выдвинуть такое «орудие, которое было бы так могущественно, что могло свергнуть Годунова, и в то же время так ничтожно, что после легко было бы от него отделаться и очистить престол для себя»²⁵.

Таким «орудием» в руках боярской партии и был самозванец, через которого они и стремились освободиться от Бориса. Их интрига удалась. Род Годуновых был свергнут и Лжедимитрий I был признан истинным наследником «отеческого» престола. В его царствование Шуйский внимательно следит за всем совершающимся в Московском государстве. Вместе со всеми он признает Лжедимитрия I «спасшимся царевичем», и в то же время ведет против него заговор, который вначале у него не удается. Вторая попытка заговорщика приводит его к желаемой цели. Перешагнув через труп Лжедимитрия I в 1606 г., Василий Шуйский становится единодержавным русским правителем.

Настойчиво домогаясь престола, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, Шуйский достигает своей желаемой цели, и этим он завершил свой определенный план, а первым шагом к его осуществлению и было убийство последнего потомка некогда славного рода Рюриковичей.

Рассмотрев деятельность родовой боярской партии, во главе которой стоял В. Шуйский, мы задаем вопрос: «Кому же нужна была смерть царевича Димитрия?». Виновником его смерти можно считать бояр во главе с Шуйским. Может быть, и по его личному заданию было совершено убийство, но не без согласия и совета близких к нему лиц. Он мог подослать убийц, которые и совершили это гнусное дело.

Стараясь отклонить от себя подозрение в убийстве, Шуйский умело затемнил факт совершенного преступления «Не хотел ли Шуйский, – говорит неизвестный автор статьи в “Христианском чтении”, – сбить потомство с того пути, который мог вести к откры-

тию убийцы Димитрия и по возможности отклонить его подозрения в сторону?» Но такая забота, такое радение могли быть только в случае сознания своей виновности в Угличском преступлении.

Царствовавший, по выражению Тимофеева, «в кровопролитии неповинных кровей», Шуйский не сознавал ли, что его руки не мenee, если не более других обагрены кровью неповинного ребенка – царевича? Недаром же как передает летописец, Василий Иванович плакал в Угличе над телом зарезанного Димитрия. И не сознанием ли виновности пред убитым царевичем было вызвано прославление его со стороны Шуйского в самые первые дни царствования»²⁶.

Таким образом, автор статьи в «Христианском чтении» «Кому нужна была смерть царевича Димитрия?» считает Шуйского главным виновником Угличского события.

Прошло 12 лет с того времени, когда появилась в богословской литературе вышеуказанная статья.

В начале XX столетия в «Христианском чтении» была напечатана статья Г. Тихомирова: «Царь Борис Феодорович в церковных и гражданских событиях и мероприятиях его времени», в которой автор осторожно указывает на виновника смерти царевича Димитрия – Василия Шуйского. Об этом он пишет так: «Личность царя Бориса Феодоровича (по большей части называемого Борисом Годуновым) связывается обыкновенно в представлении о нем с печальной кончиною в Угличе царевича Димитрия, ставится в близкую прокосновенность к этому событию, – а отсюда основанное на одних подозрениях мрачное впечатление, закрывающее собою добрые и светлые черты. Угличское дело темно; обстоятельства убийства царевича Димитрия доселе сполна не выяснены; оснований к обвинению царя Бориса прямых и положительных в этом деле нет; он подозревается только на том единственном соображении, что смерть царевича ему открыла путь к престолу, – на том соображении, на каком в той же вине мог быть заподозрен каждый, кому пришлось бы в данных условиях вступать на трон и начинать собою новую династию...

Замечательно также, что впервые обвинение высказано было лишь в царствование Василия IV Шуйского, что тяжкое обвинение, если бы оно было серьезно, должно было послужить прямым препятствием к избранию Бориса на царство, чего, однако, не случилось...²⁷.

С. Ф. Платонов в своих «Очерках», рассматривая произведения русских писателей XVII века, которые описывают государственную деятельность Бориса Годунова и его отношение к Угличскому делу, пишет, что если исключить «таких односторонних авторов, как па-

негирист Бориса патриарх Иов и панегирист Шуйских автор «Повести 1606 года», то сделаем над прочими такое наблюдение: во-первых, они все неохотно и очень осторожно говорят об участии Бориса в умерщвлении царевича Димитрия, а во-вторых, они все славят Бориса как человека и правителя²⁸.

Для примера наш историк ссылается на хронографический памятник 1616 – 1617 гг., в котором неизвестный автор о смерти царевича написал «только одну фразу, что он убиен от Митки Качалова, да от Данилки Битяговского. Мнози же глаголаху, якоже убиен благоверный царевич Димитрий Иванович Углецкой повелением московского боярина Бориса Годунова». Далее следует риторическое обращение ко «злому сластолюбию власти», которое ведет людей в пагубу, а в следующей главе дается самая благосклонная оценка Борису как человеку и деятелю... Об участии Бориса в Угличском убийстве автор упоминает с оговоркою, что это лишь распространенный слух, а не твердый факт²⁹.

На основании всего вышеизложенного можно сказать, что обвинение Бориса Годунова в смерти царевича Димитрия обосновано писателями XVII в. на «распространенном слухе, а не на твердом факте». Родовое боярство во главе с Василием Шуйским более винно в пролитии крови невинного младенца, чем Годунов со служилым боярством.

В 1598 г. скончался последний потомок Грозного – царь Феодор Иванович, не оставив после себя наследника престола. С его кончиною закончил свое существование некогда могущественный род Рюриковичей. Умирая, царь не указал себе преемника, и Москва присягнула на верноподданство царице Ирине, сестре Бориса Годунова. Но она не wollteла занять осиротевший престол. Вместе со своим братом Ирина уехала в Новодевичий монастырь, где и приняла монашество.

В этот междуцарственный период русские люди стали искать царя. Из городов в Москву были направлены их представители, которым было поручено избрать достойного кандидата на царский престол. Таким кандидатом и оказался Борис Годунов, который еще в царствование Феодора Ивановича фактически управляем Русским государством. Народ, патриарх и ряд бояр желали видеть Бориса во главе отечества, но он отказывался от престола. Тогда в Москве был созван Земский собор, который по указанию патриарха Иова единогласно избрал Бориса, заставив последнего многократными настояниями и просьбами принять избрание.

Некоторые историки про этот собор писали, что он был создан единомышленниками Бориса. Но как в дальнейшем было выяснено,

избрание Бориса имело не только внешнюю официальную законность, но оно было добровольным и соответствовало общему народному желанию. Недовольных избранием Бориса было меньшинство, и они представляли собой старые боярские фамилии, которые сами охотно заняли бы царский престол.

«Вряд ли кто из серьезных писателей, — говорит историк Платонов, — решится теперь повторять, по поводу избрания Годунова в цари старые обличения, столь горячо обращенные на самого Бориса и на патриарха Иова Карамзиным, Костомаровым и И. Д. Беляевым. Можно считать окончательно оставленным прежний взгляд на царское избрание 1598 года как на грубую “комедию”, и на Земский собор, избравший Бориса, как на “игрушку” в руках ловкого правителя».

Известный исследователь В. О. Ключевский не оставляет сомнений в законности Земского собора 1598 года. «В составе избирательного собора, — пишет он, — нельзя подметить никакого следа выборной агитации или какой-либо подтасовки членов». Собор 1598 года по составу был совсем однороден с собором 1566 года: и на том, и на другом «было представительство по служебному положению, а не по общественному доверию». Подобное представительное собрание, — как бы мало, на наш взгляд, оно ни отражало действительное настроение общества, — все-таки признавалось законным выразителем общественных интересов и мнений. Если мы удостоверимся в том, что собор 1598 года сознательно и свободно высказывался в пользу избрания именно Бориса, мы должны будем счесть его возвведение на престол законным и правильным актом народной воли³⁰. Итак, в 1598 году Русским государством стал управлять Борис Годунов. В его лице победу одержало служилое боярство. Несомненно, для избрания Годунова большое значение имели его личные качества: организаторские способности, природный ум и исключительная память. Как пишет Соловьев, «... народ, стоя на коленях, с воплем и слезами умолял его умилосердиться и принять престол»³¹.

В деле избрания Бориса Годунова на Земском соборе, как мы видели, важную роль играл патриарх Иов. Наши историки, в частности Костомаров, обвиняют патриарха Иова, что он, в знак благодарности за избрание его в патриархи, первый подал свой голос за избрание на царство Бориса. Но в действительности, так ли все это обстояло? Вот как отзывается о действиях патриарха на соборе Н. Соколов: «Нисколько не удивительно, в минуты, важные для всего Отечества, видеть представителя духовной

власти напереди всех руководящим общественною мыслию и около себя соединяющим разнообразные мнения членов общества. Таково именно место патриарха. Было бы, напротив, весьма странно, если бы он, в минуты общей нерешительности, когда всего более нужен голос человека, чуждого всех партий, оставался спокойным зрителем событий или холодным безучастным исполнителем чужой воли, чужих расчетов. Так смотрела и вся Русь на своего первосвятителя во времена безгосударные и трудные для Отечества»³².

Мы не можем согласиться и с тем мнением, что патриарх Иов действовал только по своей воле или по воле партии Бориса. Нет! Как первосвятитель Русской земли, он исполнял волю народа, желаю мира и спокойствия своему Отечеству. Патриарх Иов исполнял народное желание, выбор бояр и московских граждан, которые указывали на Бориса как на всеми желаемого государя. «Все сословия, как не раз свидетельствует грамота, беспрестанно и усердно просили патриарха, чтобы он употребил свое влияние на Ирину и Бориса и упросил последнего принять предлагаемую корону, — пишет далее Соколов. — Но кому же, как не патриарху, всего приличнее было руководить мыслью выборных, прибывших в Москву со всех концов России и, конечно, мало знакомых с вельможами, окружавшими покойного царя, из которых нужно было сделать выбор. И по этому именно праву, как облеченному священным и верховным саном лицо, а не как приверженец Бориса, в видах содействия ему, патриарх высказывал народному собранию свою и боярскую мысль, и притом в форме не окончательного решения, стеснявшего свободу избрания, а для общего обсуждения, в предотвращение бесполезных разногласий»³³.

На основании вышерассмотренных свидетельств, становится ясно, почему так усердно и настойчиво действовал патриарх Иов в пользу избрания Бориса на московский престол. Своими действиями он выражал не свою благодарность за избрание в патриархи, а выполнял волю народа и решение Земского собора.

Являясь народным избранником, Борис Годунов уже с большими полномочиями, чем при царе Феодоре, продолжал свою деятельность по устройству русского государства.

В первое время своего правления, после страшных переживаний, связанных с последними годами царствования Грозного, страна вздохнула свободно и облегченно. Со своими западными соседями, Польшей и Швецией, Борис заключил мирные договоры. С Англией и другими «городами Ганзейскими» были возобновлены самые

оживленные торговые отношения. Единоверной стране — Грузии, Борис послал для восстановления богослужебного порядка русских священников и иконописцев для украшения храмов живописью.

Заботясь о просвещении России, Борис послал за границу несколько молодых людей учиться, но они, к сожалению, не вернулись на родину.

Сохранились документы, которые свидетельствуют о том, что Годунов жестоко расправлялся со взяточниками, казнокрадами, ворами, разбойниками и своей государственной деятельностью немало способствовал дальнейшему укреплению Русского государства.

Несмотря на широкий размах государственной деятельности, когда Борис «в первые годы своего царствования был всеми любезен и Россия цвела благами»³⁴, — он пал потому, что «... навел он на себя негодование чиноначальников всей Русской Земли»³⁵. Как пишет Платонов: «он далеко не был другом и сторонником родословной знати, и эта знать, в свою очередь, не могла его любить»³⁶.

Вышеприведенные исторические свидетельства указывают нам главных виновников гибели Бориса.

Не являясь другом и сторонником родословной знати, Борис не замедлил с ними расправиться. После спокойного двухлетнего царствования он стал преследовать родовую боярскую знать. Так, по доносу и шпионажу пострадали Бельский, Мстиславский, Шуйские и Романовы. Создавшееся положение заставляло бояр подумать о спасении своих голов. Народную массу они не в силах были поднять, и всякая попытка открытого выступления против Годунова была обречена на неудачу. Бояре решили воспользоваться другими средствами, чтобы свергнуть Годунова. Средство у них было одно. События жизни подсказывали, что Борис царствует потому, что прямого наследника из династии Рюриковичей не было. Феодор не оставил после себя наследника, а Угличский царевич Димитрий был убит. От ненавистного боярам Бориса можно было освободиться только путем «воскресения» царевича Димитрия, который имел больше прав на отеческий престол, чем Борис. Таким образом, мысль о самозванце впервые зародилась среди бояр и от них она получила движение к осуществлению ее в жизни.

Помимо внутренних противоречий в Русском государстве в 1601 году наступили естественные причины, которые еще более усилили недовольство подданных правлением Бориса. Трехлетний неурожай со страшными последствиями голода постиг все государство. Общественное бедствие, по свидетельству историка Соловьева,

было так велико, что «отцы покидали своих детей, мужья — жен, мерли люди, как никогда от морового поветрия не мерли. Видели людей, которые валялись по улицам, щипали траву, подобно скоту, зимою ели сено...»³⁷.

Бедственное положение государства заставляло народ искать лучшей доли, и они массами уходили в украинные места, организовываясь в разбойничьи шайки.

В таком печальном положении находилось Русское государство перед появлением самозванца.

«Новые приходцы, — говорит Платонов, — только что перенесшие ужасы голодовки, видавшие и на себе испытавшие гнет «сильных людей» и правительственные преследование, могли только обновить на Украине (Украине) чувства неудовольствия на общественный и правительственный порядок. Этим-то моментом в настроении сумел воспользоваться самозванец или люди, руководившие его предприятием, в частности иезуиты»³⁸.

Говоря словами М. Кояловича, «наша самозванческая смута была глубоким, внутренним потрясением русского строя жизни, поколебавшим ее основы, и кроме того, это была самая систематическая интрига иноземцев, злоумышлявших на пагубу России с поразительной дальновидностью и поразительным знанием наших слабых сторон»³⁹.

Таковы события, которые предшествовали появлению в Русском государстве Лжедмитрия I, ставленника польских интервентов и иезуитов.

В то время, когда Московское государство страдало от голода и крестьянских волнений, польско-литовские паны внимательно следили за теми событиями, которые происходили в нем. Крестьянские волнения и борьбу родовой боярской партии с Годуновым они решили использовать для захвата исконных русских земель и ввести в ней католичество. Чтобы до времени скрыть свои действия от русских, польско-литовские магнаты решили выдвинуть во враждебном России государстве самозванца и под его именем творить свои темные дела. С именем «воскресшего» Димитрия они и решили действовать против Русского государства, но выступить на открытую вооруженную борьбу пока не решались.

Биографические данные о темной загадочной личности первого самозванца — малоизвестны. Для нас важно свидетельство по этому вопросу историографа Платонова, который так пишет об этом: «... Самозванец был действительно самозванец и притом московского происхождения. Олицетворив собою идею, бродившую в

московских умах уже во время царского избрания в 1598 г., и снабженный хорошими сведениями о прошлом подлинного царевича, очевидно, из осведомленных кругов, самозванец мог достичь успеха и пользоваться властью только потому, что его желали привлечь в Москву владевшие положением дел бояре. Но, с другой стороны, бояре могли это сделать только потому, что, самозванец имел православно-русский облик и народу казался своим московским человеком»⁴⁰.

Таким образом, автор «Очерков по истории смуты» ясно указывает нам, что самозванец был олицетворенной идеей боярства, приближенный к народу через свой православно-русский облик.

Идея самозванства, выдвинутая родовой боярской знатью, могла осуществляться в такой соседней стране, какою была Речь Посполитая «с ее своевольным панством и хищным украинским казачеством»⁴¹.

Во время появления самозванца Польша всецело находилась под влиянием иезуитов. Они, как только услышали, что в вотчине одного из крупных польских землевладельцев князя Адама Вишневецкого в 1602 году появился авантюрист-самозванец, выдававший себя за младшего сына Иоанна Грозного – Димитрия, то и решили его использовать для своих коварных целей. Новопоявившимся авантюристом решил воспользоваться литовский канцлер Лев Сапега, который и пообещал поддержать «царевича».

«Если заподозрить, – говорит С. М. Соловьев, – кого-нибудь из вельмож польских в подстановке самозванца, то, конечно, подозрение прежде всего должно пасть на Льва Сапегу, но можно ли заподозрить одного частного человека в начинании такого дела? Гораздо более основания заподозрить могущественных тогда в Польше иезуитов, которым появление самозванца, как орудия для введения католицизма в Московское государство, было очень нужно; на Сапегу же можно смотреть как на поверенного иезуитов»⁴².

О том, что «первый самозванец был прямым орудием поляков и иезуитов», говорит А. Лилов в своем сочинении «О зловредных действиях иезуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века»:

«Знаменитый исследователь отечественной старины, князь Оболенский, в предисловии к книге *«La légende de la vie et de la mort de Démétrius l'imposteur»*, *imprimée à Amsterdam en 1606 an*, («Легенда о жизни и смерти самозванца Димитрия», напечатанная в Амстердаме в 1606 году – прим. ред.) пишет: «Ныне всем известно, что самозванец был не Гришка Отрепьев, но какое-то другое лицо. Во время пребыва-

ния своего в Варшаве в 1831 г. я встретил современный самозванцу манускрипт под заглавием: “*L'instruction des Jesuites à Demetrius sur la maniere, dont il doit regner*” (“Инструкция иезуитов Димитрию о правилах, которым он должен следовать” – прим.ред.).

Всякий, прочитавши эту рукопись, убедился бы, что Димитрий был плодом политики иезуитов, был воспитан ими в уверенности, что он истинный царевич. С другой стороны, вся его жизнь, все поведение доказывают эту уверенность; и даже когда никто не хотел более верить, что он был истинный Димитрий, сам он оставался непоколебим в этом убеждении, и с ним помер».

Далее князь Оболенский пишет: «Одним из главных участников драмы, разыгранной Лжедимитрием был Лев Сапега, воевода литовский...». Доказательством того, что Сапега был из числа главных двигателей предприятий Польши против России, является то, что когда все честолюбивые замыслы Польши на покорение России не удались, то есть после Деулинского перемирия (1618), «... в полном собрании сейма торжественно обвиняли Сапегу в том, что он был главным виновником предприятий, последствия которых, тягостные для Польши, повели только к невыгодному миру. Напрасно Сапега протестовал против обвинений и издал историю Гришки Отрепьева; современники этому не поверили»⁴³.

Вышеизложенное свидетельство Оболенского, приведенное Лиловым (А. Лилов приводит факты из книги князя Оболенского, опубликованные в “Bibliografia Critica...”, Sebastiano Ciampi, Firenze, 1834–1842 – прим.ред.), ясно говорит, что самозванец является прямым ставленником иезуитов, которые, прикрываясь его именем, подготовляли польских интервентов для уничтожения самобытности Русского государства, а русских православных людей хотели привести к подножию папского престола взамен отпавших от католицизма протестантов. Последнее можно было выполнить только тогда, когда «русский царь» сам будет верным сыном апостольского престола.

Итак, новопоявившийся ставленник на московский престол, до своего открытого выступления против Годунова, проходил в Польше под руководством иезуитов идеологическую обработку своих религиозных убеждений. Основными действующими лицами в его окатоличивании были Юрий Мнишек и папский нунций в Польше, кардинал Рангони. Стараниями последнего на Святой неделе в 1604 г. Лжедимитрий I принял католичество, в честь чего нунций подарил ему в золотой оправе агнца и 25 дукатов, а тот вручил ему собствен-

норучное письмо к папе. По содержанию «это письмо имело характер письменного отречения от православия и было формальным актом его присоединения к католичеству»⁴⁴.

Считаем своим долгом привести подлинный текст этого письма.

«Святейший и блаженнейший во Христе Отец! Кто я, дерзающий моим письмом обеспокоить В[аше] С[вятейшество], изъяснил В[ашему] С[вятейшествоу]. Высокопреподобный В[ашего] С[вятейшес]тва при Е[го]В[величестве] короле польском посол, которому я открыл причины возникновения всех моих помыслов. Я избегнул рук людяшего тирана и ушел от смерти, от которой еще в самом течении моего детства избавил меня Всемогущий Бог дивным и воистину необычным своим промыслом, направил в эту страну, подвластную Е[го]В[величеству], королю польскому, и сохранил доныне в безвестии и тайне. Но настало время, когда я должен был, наконец, открыться и предстать перед Е[го]В[величеством] королем. Когда явился я к нему, и когда я прилежнее присмотрелся к цветущему состоянию католической веры по обряду с[вятой] Римской церкви, я постепенно стал прилагать свое сердце к восприятию и познанию ее и обрел, наконец, сокровище ценнейшее и царство многое славнейшее и лучшее чем то, которого я лишился из-за величайшего нечестия тирана. *Ad quem cum me contulisset, et florentem statum religionis Catholicae iuxta ritum Sanctae Romanae Ecclesiae Paulo attentius considerassem, paulatim ad degustandum complectendumque animum adjicere coepi, invenique tandem thesaurum pretiosiorem et Regnum multo nobilior ac praestantius eo quo per summam Tyranni impietatem exutus sum.*

И когда, заботясь о спасении моей души, я стал размышлять, то ясно я понял, в какой опасности вместе со мной находится вся Московия, по причине схизмы греков, враждебных воссоединению с католической церковью, и сколь незаслуженно позорят непорочное и древнейшее учение и веру католической и апостольской римской церкви греки, виновники и зачинщики схизмы.

Et dum de salute animae meae sollicitus consilia captarem, agnovi evidenter, quanto in periculo universa Moscovia tecum una ob schisma Graecorum unioni cum Ecclesia Catholica inimicorum versetur versetur, et quam immerito immaculatam eamque antiquissimam doctrinam ac fidem Catholicae et Apostolicae Romanae Ecclesiae Graeci schismatis auctores et antesignani traducant.

А посему, укрепленный духом, силою исключительной благодати Божией, без всякого промедления приступил я к помянутому воссоединению и римско-католической вере и, укрепленный цер-

ковными таинствами, стал смиренною овцою В[ашего] С[вятейшес]тва как верховного пастыря всего христианства.

Qua re absque ulla mora ad eandem unionem et fidem catholicam Romanam, singulari gratia divina robur animi mihi suppeditante accessi, et sacramentis Ecclesiae confortatus, factus sum ovicula Sanctitatis Vestrae, summi Pastoris Christianitatis universae.

Но в силу моих обстоятельств я должен еще доселе скрываться в чаянии того, что решит обо мне Бог всего мира, избавивший меня от стольких опасностей и сохранивший доселе. Уповаю, однако же, на Его Божию благость в том, что после стольких ниспосланных мне благодатий, восстановит Он на отчем царстве меня, рожденного от славной и древней крови державнейших московских князей, если на то будет Его святая воля, коей я себя всецело поручаю. Но, если и не будет сие Ему благоугодно, достаточно мне будет и того даже, что я познал католическую истину и приступил к воссоединению с церковью Божией, которое поможет привести меня к вечному царству.

Quodsi etiam non fuerit beneplacitum illius, mihi sane vel hoc ipsum sufficient, quod veritatem Catholicam agnoverim, et accesserim ad Ecclesiae Dei Unionem quae me and Regnum illud aeternum perducere poterit.

Буде же Всеблагий и Всемогущий Бог откроет мне путь к отчemu моему престолу и воззрит на мою справедливость и правоту всенижайше молю В[аше]С[вятейшество] не оставить меня без покровительства и благоволения. Может, ведь, Всемогущий Бог много недостойным (рабом своим) расширить свою божественную славу в обращении к истине заблудших душ и в воссоединении с церковью столь великого народа. Кто знает, на что благоволил Он присоединить меня к Своей церкви?

Potens est enim Praepotens Deus, per me indignum in conversione animarum errantium, et unione ad Ecclesiam tantae gentis Divinam Gloriam suam propagare. Quis novit, ad quia me Ecclesiae suae adiungere voluerit.

Лобызаю ноги В[ашего]С[вятейшества], как Самого Христа (*Oscular pedes Sanctitatis Vestrae, tamquam ipsius Christi*) и неизменно преклоняюсь, возношу должное повиновение и подчинение Верховному Пастырю и отцу всего христианства (*et profunde inclinatus eam quam debo obedientiam et subjectionem offero supremo Pastori et Patri universae Christianitatis*).

Все сие излагаю ныне пока в тайне и униженно прошу В[аше] С[вятейшество] благоволить сохранить сие до времени в тайне. Дан в Кракове 24 апреля в год спасения 1604. В[ашему] С[вятейшеству] нижайший слуга Димитрий Иванович, царевич России и наследник Московской монархии⁴⁵.

Из содержания письма видно, что самозванец выражал свою радость по случаю присоединения к Римской церкви; по восшествии на Московский престол он обещает «обратить заблудшие души» русских людей и воссоединить их с католической церковью, но при этом просит милость и поддержку у всесильного владыки апостольского престола.

Приняв католичество, заверенный тайной поддержкой польского короля Сигизмунда III, новоявленный царевич стал деятельно готовиться к походу на Москву. Инициаторами его похода явились князь Адам Вишневецкий, Лев Сапега, Юрий Мнишек и другие.

Для большего осуществления похода вышеуказанные инициаторы рассчитывали использовать тех русских людей, которые, изменив родине, бежали в Польшу. Перед тем как вступить в пределы Московского государства, Лжедимитрий I предложил Марине Мнишке свою руку. Его предложение Мнишеками было принято, но их свадьба была отложена до восшествия на престол самозванца. Хитрые паны не надеялись на успех дела Лжедимитрия I, но они потребовали от него записку, в которой 25 мая 1604 года он обещал своему новому родственнику выплатить 1 миллион польских злотых, а своей невесте Лжедимитрий обещал передать в вечное владение Новгородские и Псковские земли, в которых она имела право «строить католические церкви и монастыри [...] и основывать школы латинские. При дворе своем Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Димитрий, соединился уже с Римскою церковью и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению»⁴⁶.

Таким образом, Лжедимитрий I выступал как прямой агент иезуитов и польско-литовских магнатов, которые под его именем надеялись захватить Московское государство и воссоединить русский народ с папским престолом.

Свои действия соперник Бориса начал с Северной Украины, где были чувства неудовольствия на общественный и правительственный порядок, чем и сумел воспользоваться самозванец. «Движение войск самозванца было направлено именно в Московскую Украину с тем расчетом, чтобы сделать область северских и польских городов операционным базисом для наступления на Москву»⁴⁷.

Покидая пределы Польского государства, Лжедимитрий I еще раз высказал свое намерение «всех русских людей в латинскую веру привести»⁴⁸.

В таких вышеизложенных условиях развивались политические события в Польше.

Нам интересно будет проследить, как эти события восприняло правительство Годунова. Как только до Москвы дошли известия о появлении в Польше самозванца, то Борис «решительно заявил, что это затея бояр»⁴⁹.

Д. Иловайский также говорит, что Годунов «предполагал их (т.е. бояр) участие в приготовлении самозванца, и прямо говорил, что это их дело»* и он сразу оценил, какая опасность грозит Русскому государству от новопоявившейся интриги иноземцев.

Желая прекратить доходившие известия о новоявленном «воскресшем» царевиче, Борис приказал усилить пограничные заставы, а сам в это время срочно направляет в Польшу своих агентов, которым было поручено все узнать о новопоявившейся личности. Но их миссия оказалось неудачной. Чтобы основательно разоблачить появившегося авантюриста, Годунов послал к польскому королю Отрепьева-Смирнова, дядю самозванца. Однако и его поездка оказалась безрезультатной, т.к. ему Лжедимитрия не показали, ибо, по словам Д. Иловайского, «подвергать подобному следствию личность названного Димитрия было совсем не в интересах его покровителей и руководителей. Напротив, в их интересах было поддержать заблуждение московских правителей»⁵⁰.

Вместе с Борисом активное участие в борьбе с надвигающейся опасностью приняла Церковь в лице своих достойных представителей. Духовенство призывало народ забыть разногласия, объединиться единой любовью к бедствующему Отечеству и спасти Родину от национально-государственного порабощения со стороны интервентов и сохранить в целости православную веру от притязаний Римского папы.

Одним из главных деятелей этого периода был патриарх Иов, деятельность которого мы и рассмотрим в следующей главе.

* Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 18. (Ср.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Т. 8. С. 746–747).

Глава 2

Жизнь патриарха Иова до его избрания русским патриархом. Причины учреждения патриаршества и взгляд на это русских историков. Иов — всероссийский патриарх и его участие во внутренней жизни Русской Церкви. Его отношение к Угличскому событию. Выступление Иова против Лжедимитрия I. Его грамоты. Смерть Годунова. Вступление самозванца в Москву. Низложение патриарха Иова.

Время рождения патриарха Иова историки относят ко второй половине XVI века. До вступления в монашество мирское имя патриарха было Иоанн. Еще в молодых летах Иоанн был отдан в мужской Старицкий Успенский монастырь, где он и получил первоначальное образование и религиозно-нравственное воспитание. Его современники отзываются о нем, что он в монастыре был «добре обучен»⁵¹.

В прекрасно настроенном юноше рано созрела мысль оставить мир. Исполняя просьбу Иоанна, архимандрит Герман постригает его в монахи с именем Иова. 15 лет провел Иов в Старицком монастыре, начав свое служение простым иноком и достигнув сана архимандрита.

Старицкий Успенский монастырь часто посещал Иоанн Грозный. Молясь в святой обители, он видел архимандрита Иова, который своими личными качествами заслужил внимание Грозного. По его повелению в 1571 году Старицкий архимандрит переводится на ту же должность в Московский Ставропигиальный Симонов монастырь, а в 1575 г. — в Новоспасский.

Кротость, мягкость характера, какими отличался архимандрит Иов, его церковная начитанность и красноречие — все это легло в основу дружественных отношений между царем и Иовом.

1581 год был знаменателен для Иова тем, что он назначается на епископскую кафедру в Коломну.

Вот как описывают современные ему летописные памятники о его епископской деятельности в Коломне: «Егда убо епископ бысть в Коломне, и тогда за многое изуст памятное учение явлено в церкви Божии бысть: понеже убо всю Псалтирь, и Апостол, и Евангелие без книги толкование сказуя и чтяще, и на всех молениях церковных и предание по уставу сказование: и егда же исходжаще на Богоявление день и на Происхождение Честного Креста, и в ходех, и во всех установленных вокруг града большаго, и не токмо еже Евангелие чести ему изуст с прилагаемыми святыми, но и молитвы различных потреб изуст прочитая, и на воде, и во всяких действиях священных. Паче же всю службу Великого Василия всегда без книги Господеви Богу возсылаше»⁵².

Таким образом, Коломенский епископ обладал необычайной памятью, он мог «без книги» толковать Св. Писание Ветхого и Нового Завета, совершать литургию Василия Великого и на память читать положенные молитвы на Богоявление и на Происхождение Честного Креста и при различных требах. Иов имел и прекрасный голос «прекрасен бо бяще в пении и во чтении и во умерении, яко труба дивна, всех веселяя и услаждая слухи сердца слушателей»⁵³.

В своем жизненном обиходе он был прост и доступен для всех приходящих к нему, любил молиться, сам совершал ежедневно Богослужения.

Прослужив на коломенской кафедре до 1586 г., Иов переводится при царе Феодоре Ивановиче на Ростовскую архиепископию, а в следующем, 1587 г., он был возведен на Московский митрополичий престол вместо низверженного Дионисия. Недолго протекала деятельность последнего митрополита древней Руси, и в 1589 г. митрополит Иов стал первым всероссийским патриархом.

Учреждение патриаршества в России было одним из выдающихся событий в Русской церковной истории. Русские историки высказывают разнообразные взгляды на причины учреждения патриаршества. Так, одни из них — светские писатели Карамзин, Соловьев, Костомаров, говорят, что патриаршество введено в России по лично-му честолюбивому желанию Бориса Годунова; другие — церковные писатели митрополиты Платон и Макарий, в этом видят личное желание благочестивого царя Феодора возвысить Русскую церковь и Московское государство.

С этими односторонними взглядами историков трудно согласиться, так как в деле учреждения патриаршества они видят одно случайное явление, которое не имеет крепкой исторической основы.

Совсем иные взгляды на учреждение у нас патриаршества высказывают писатели, Зернин, Знаменский, П. Николаевский, специально занимавшиеся исследованием этого вопроса. Как говорит П. Николаевский, «причины учреждения патриаршества они видят как во внутреннем росте нашей церковно-исторической жизни, в частности, в истории развития и усиления нашей церковной иерархии, в отношениях к ней русской светской власти, так и во внешнем положении нашей церкви в общей судьбе христианского мира, в состоянии церквей востока и запада, обусловливавшем собою появление у нас патриаршества»⁵⁴.

Таким образом, вековое желание русского народа иметь своего первовосвятителя в Москве осуществилось при царе Феодоре Ивановиче.

В 1588 г. с Востока в Москву прибыл Константинопольский патриарх Иеремия II, которому и суждено было возвести русского митрополита в патриарший сан. Русское правительство, еще до его прибытия в Россию, вели переговоры с восточными патриархами об учреждении у нас патриаршества. Восточные святители прислали свое разрешение Русской церкви иметь своего патриарха, и в 1589 году Московскому митрополиту Иову суждено было закончить счет русских митрополитов и самому украсить русскую церковь патриаршим саном.

Став во главе Русской Церкви, патриарх Иов обратил свое внимание на внутреннюю жизнь церкви. Так им была изменена система русского епархиального управления, которое состояло из следующих лиц: первое место принадлежало патриарху; второе — Новгородскому митрополиту; третье, четвертое и пятое — митрополитам Казанскому, Ростовскому и Сарскому, далее шли архиепископы и епископы.

Вслед за изменением епархиального управления, первосвятитель русской земли обратил свое внимание на быт низшего русского духовенства, в котором было много недостатков. Им было утверждено восемь, вместо семи, назначенных стоглавым собором, поповских старост, которым было поручено наблюдать «за церковным благочинием и нравственностью духовенства»⁵⁵.

В тесной связи с улучшением церковного благочиния патриарх Иов заботился об издании богослужебных книг. В новозавоеванных областях первосвятитель всецело заботился о просвещении иноверцев светом истинного Христова учения. Так, в Казанском крае, в Сибири, в Корельской области его заботами и старанием были устроены церкви и монастыри. Стремясь поднять религиозно-нравственный дух русского народа, он установил дни празднования Московским святителям — Петру, Алексию и Ионе; Казанским святителям — Гурию, Варсонофию и Герману.

Заботясь о процветании своей национальной церкви, патриарх Иов также принимал деятельное участие в политических событиях своей страны. Так, в 1591 г. он участвовал в соборном рассмотрении дела о смерти царевича Димитрия. Мы не будем вновь описывать это горестное событие, так как оно изложено в начале нашей работы. Нам важно разобрать приговор, сделанный патриархом Иовом, после рассмотрения им следственного дела, которое представил на собор Шуйский. Приговор этот гласит так: «Смерть царевича Димитрия учинилась судом Божиим»⁵⁶. Историк Карамзин, объясняя эти события, обвиняет патриарха Иова, под-

писавшего упомянутый приговор, «в человекоугодничестве и притворстве, недостойных сана патриарха»⁵⁷.

Для того, чтобы понять всю сущность этого события, необходимо разрешить следующие вопросы: 1) почему патриарх с соборным решением составил вышеизложенный, а не другой приговор; 2) можно ли было на основании имевшегося у собора следственного показания произнести совсем иной приговор?

Известно, для расследования преступления в Угличе была послана из Москвы следственная комиссия во главе с Василием Шуйским, а по желанию патриарха был назначен и митрополит Геласий Сарский и Подонский. Следственная комиссия в Угличе пробыла около двух недель. По своем возвращении в Москву, результаты следствия были прочитаны царю, который, выслушав дело, отоспал его на соборное рассмотрение, чтобы там было вынесено окончательное решение.

Таким образом, единственным материалом об убийстве царевича и было следственное показание, которое в ложном виде Шуйский представил царю, в таком же виде оно и было представлено на собор.

Было бы странно, если соборное присутствие стало искать новые данные об Угличском событии, не доверяя следственной комиссии, царскому утверждению и показаниям свидетелей. Надо было бы знать всем присутствующим на соборе, как производилось следствие на месте происшествия, чтобы не доверять тем сведениям, которые были переданы на соборное рассмотрение.

Далее, мог ли знать патриарх Иов со всеми присутствующими, как производил допрос свидетелей Шуйский, как он заставлял свидетелей делать угодные ему показания. Без такого знания события, всякое сомнение в достоверности следствия скорее обнаружило бы больше подозрения, неосновательной недоверчивости, чем истинного правосудия.

По юридическому положению, патриарх Иов со всем собором должен был основательно рассмотреть следственное дело — собрать вновь показания очевидцев события, опросить свидетелей и на основании таких новейших данных и вынести приговор. Но так ли поступили все присутствовавшие на соборе?

Внимательно рассматривая следственное дело, мы видим, что из всех свидетельских показаний, собранных Шуйским, только трое — Михаил Нагой, архимандрит Феодорит и Савватий, игумен Алексеевского монастыря, показывали, что Димитрия зарезали Осип Во-

лохов, Никита Качалов и Данила Битяговский. Остальные же свидетели, около 30 человек, говорили, что царевич сам зарезался в припадке падучей болезни.

Из приведенных двух показаний собор принял за достоверное последнее свидетельство. Первое показание не имело авторитета, так как оно было малочисленно, и из трех приведенных свидетелей ни один не был очевидцем события. Феодорит и Савватий передавали только слух об убийстве царевича указанными лицами, а Михаил Нагой прибежал на место преступления по колокольному звону Спасской церкви. Следовательно, их показание было не авторитетно. Второе показание свидетелей было многочисленно и авторитетно, и это ясно говорит за то, почему патриарх Иов и все, присутствовавшие на соборе, вынесли вышеуказанный, а не другой приговор.

Изложив мнения относительно Угличского события и разобрав приговор, который произнес патриарх Иов на основании следственного показания, можно сделать следующий вывод: «Мы не находим во всем этом ничего такого, что давало бы право заподозрить искренность и правдивость патриарха, что указывало бы в нем сторонника Борисова, действующего по его влиянию. Приговор несправедлив, но не потому, что сделан недобросовестно, не сообразно с обстоятельствами дела, представленного судье, но потому, что основания, по которым он сделан, ложны, и чем вернее и крепче держался их судья, тем суд его был дальше от истины. Надлежало или не верить следственному делу, показаниям митрополита, искать других источников для дознания истины, или, приняв их за основания суждения, необходимо было прийти к ложному решению»⁵⁸.

Но можно спросить, почему же патриарх не мог найти достоверные данные об Угличском происшествии? Но какими данными мог воспользоваться русский первосвятитель? Единственным источником недоверия могла быть народная молва, но известно, что она не всегда бывает достоверна и на нее не всегда можно положиться. Было бы странно видеть, если патриарх, отвергнув свидетельства Шуйского, не поверив митрополиту Геласию, всецело положился на народную молву. Эту народную молву первосвятитель считал новой боярской сплетней, которую они распустили из ненависти к Борису. Поэтому, «когда все духовные и светские члены собора согласились с составленным приговором, когда сам царь, который имел особенное побуждение быть более всех внимательным к делу, не выразил никакого сомнения в следствии и утвердил соборный приговор, тогда

патриарх, конечно, еще более мог успокоиться насчет несправедливости суда и следствия»⁵⁹.

Из всего изложенного можно сказать, что «судил патриарх искренно, хотя и несправедливо; но последнее происходило оттого, что он основывался на ложных данных. И замечательно, в XVII веке никто за этот приговор Иова не обвинял»⁶⁰. Поэтому мы и не можем согласиться с мнением Карамзина, что патриарх Иов был человекоугодник и слабый пастырь.

После смерти Феодора Ивановича, патриарх вместе с народом участвовал в избрании на царство Бориса Годунова, но не как его ярый приверженец, а как выразитель воли всего русского народа — Земского собора, о чем было выше сказано.

Особые заслуги пред Отечеством принадлежат патриарху Иову в его борьбе против Лжедимитрия I. Как только до Москвы стали доходить известия о появлении самозванца, российский первосвятитель принял самые энергичные меры, чтобы обличить авантюриста и удержать народ от измены законному царю. Ставясь новопоявившееся движение уничтожить в корне, патриарх от лица всего русского духовенства послал с Андреем Бунаковым грамоту польскому духовенству. «Духовенство российское, — пишет Бутурлин, — со своей стороны всячески старалось предостеречь от обмана духовенство польское. Патриарх, митрополиты и архиепископы и епископы послали к оному гонца Бунакова с грамотою, где все они священным словом своим изобличали Отрепьева в самозванстве»⁶¹. В конце грамоты святитель пишет «мира ради» не верить Лжедимитрию I; но его грамота не дошла по назначению, потому что Бунаков был задержан в Орше.

Первосвятитель русской земли также посыпал грамоту Киевскому воеводе Константину Острожскому и литовским панам, в которой он описывал, что Лжедимитрий I есть самозванец, надругавшийся над диаконским саном. Во имя мира между двумя государствами патриарх Иов просил вышеуказанных лиц поймать самозванца и прислать в Россию для наказания⁶². Эта патриаршая грамота также не имела успеха, и стремление первосвятителя в корне предотвратить надвигающееся бедствие не дало никаких положительных результатов.

В 1604 г. Лжедимитрий I со своим войском оставляет пределы польского государства и вторгается в Россию, всемирно в грамотах извещая о том, что он есть «истинный царевич Димитрий», сохраненный Господом от смерти, и идет на законный наследственный престол своих прародителей. В грамотах он призывает народ оста-

вить царя Бориса и идти к нему на службу, «обещая всем счастье и благополучие»⁶³. Грамоты Лжедимитрия I разрушительно влияли на народное самосознание. Северские украинные города — Моравск, Чернигов — быстро перешли на его сторону, только Новгород-Северский, под умелым командованием Петра Федоровича Басманова, первый оказал сопротивление авантюристу. Мужественное сопротивление Новгород-Северского гарнизона навело панику в войсках Лжедимитрия I. Поляки намеревались оставить «искателя трона», но гнусная измена путинского воеводы Мосальского спасла его положение. Переход на сторону самозванца крупного оборонительного центра, каким был Путинль в Северской земле, принесло положительные результаты интервентам.

Вслед за Путинлем ряд северских украинных городов: Рыльск, Курск, Севск, Болхов — признали Лжедимитрия I законным царевичем. Так что по свидетельству С. Соловьева, «на протяжении 600 верст от запада к востоку Лжедимитрий уже признавался истинным царевичем»⁶⁴.

Переживая вместе с Отечеством горестное событие — предательство Путинля, «патриарх Иов, желая образумить мятежников, послал в Путинль троих монахов, убеждая народ оставить самозванца. Несчастные монахи были схвачены приверженцами самозванца и подверглись жестокой пытке. Двое молодых вытерпели жестокие мучения и остались верными законному государю; третий, дряхлый старик, уступил жестокой боли и изменил»⁶⁵.

Все действия первосвятителя не приносили положительных результатов; народ продолжал волноваться.

Патриарх Иов понимал, какое зло несут с собой польские интервенты и их наемник для всего русского государства и для православия. С патриотической настроенностью патриарх Иов вновь в Москве с Василием Шуйским призывает народ не верить самозванцу. Помимо своего выступления, он вновь пишет грамоту всем церквам, призывая духовенство совершать молебны. В грамоте патриарх Иов говорит, что «литовский король Жигимонт преступил крестное целование и, умыслия с панами радными, назвал страдника, вора, беглого чернеца — расстригу Гришку Отрепьева князем Димитрием Углицким для того, чтобы им, бесовским умышлением своим, в Российском государстве церкви Божии разорить, костелы латинские и люторские поставить, веру христианскую попрать и православных христиан в латинскую люторскую ересь привести и погубить»⁶⁶.

Далее первосвятитель в своей грамоте излагает всю историю Угличского события и говорит: «Сбыточное ли дело, чтобы князь

Димитрий воскрес из мертвых прежде общего воскресения и Страшного суда. Нет, это невозможно до общего воскресения: так мы все веруем и исповедаем. А это дело короля Сигизмунда и панов, они назвали беглеца князем Димитрием, желая отнять Северские города»⁶⁷.

Указав цель похода польских интервентов, понимая страшную опасность для православия от торжества самозванца, первосвященник в своей грамоте призывает восточные города России сохранить свою верность Борису, а «государевых изменников, которые государю изменили, а тому вору и богоотступнику последствуют и именуют его князем Димитрием, а вперед кто начнет на то прельщатися и ему верить, а государю похочет изменити, соборне и всенародне прокляли и вперед проклинать велели, да будут они вси проклятии в сем веце и в будущем»⁶⁸.

В этой грамоте ясно выражена вся патриотическая деятельность патриарха Иова. В ней он освещает вопрос о целях польских интервентов под именем Димитрия захватить Русскую землю, тем самым уничтожить национальную самобытность и государственность родного отечества и русский народ привести к апостольскому престолу римского папы. Историк Костомаров так отзывается о грамоте: «Первопрестольник церкви взялся объяснить запутанное дело русской земли; по его словам, все это дело происходило из крамолы врага и поругателя христианской церкви Жигимонта, Литовского короля. Грамота оповещала, что патриарху и всему освященному собору и всему миру известно, что Димитрия царевича не стало еще в 1591 г., 14 лет тому назад. Святейший первосвященник русской Церкви счел уместным покрыть благоразумным молчанием вопрос о том, как не стало этого дитяти; довольно, казалось, припомнить отпевание его»⁶⁹.

Объясняя в своей грамоте смерть и погребение царевича, патриарх не счел нужным объяснить это темное дело русской земли в такое тяжелое время для русского государства. В своем труде мы выше изложили, в каком положении находился патриарх Иов по отношению к Угличскому событию и нам становится ясным, почему он и обошел «благоразумным молчанием вопрос о том, как не стало этого дитяти». Патриарх Иов не знал во всех подробностях этого события, а следственное дело было запутано ловкой рукой Василия Шуйского. Поэтому святитель не стал подробно раскрывать это запутанное трагическое событие, чтобы тем самым не возбудить народную толпу, которая каждый момент готова была признать Лжедимитрия I истинным царевичем. Россий-

ский первосвятитель имел одну цель — спасти Отечество от тех бед, которые нес ему самозванец.

Не вдаваясь в глубокий анализ этого вопроса, мы приведем взгляд на патриаршую грамоту священника Иванова, который так говорит: «Очевидно, патриарх имел в виду не объяснить запутанное дело смерти царевича и оправдать Бориса, но показать народу, что повиновение законной власти и противодействие самозванцу охранит землю русскую от нестроений и бед, между которыми могла представляться опасность и для веры православной, так как самозванец двигался с помощью Польши, готовой воспользоваться этим моментом для окатоличивания схизматиков-русских»⁷⁰.

Политические события на северо-западе Русского государства продолжали развиваться в худшую сторону для самозванца. В январе 1604 г. под Добрыничами произошло сражение, которое принесло поражение Лжедимитрию I.

Избегая плена, он отступил к Путивлю, теснимый войсками Годунова. Видя свое положение безвыходным, он хотел было уехать в Польшу, но Борисовы воеводы не решились преследовать его. Вместо того чтобы одним объединенным ударом добить разбитое войско, царские воеводы разбросали свои силы на борьбу с восставшими городами и селами. Недовольные правлением Годунова, воеводы сами не прочь были присягнуть Лжедимитрию I, но на открытую измену пока решались лишь немногие, другие же ожидали удобного случая.

Среди такой напряженной обстановки новое несчастье постигло Русское государство. 13 апреля 1605 г. скончался Борис Годунов, приняв пред смертью монашество.

После смерти Бориса преемником на царство был избран его сын Феодор Борисович, и боярская знать вместе с московским народом присягнули новому царю.

В целях сохранения спокойствия в войсках патриарх вместе с Басмановым отправил под Кромы Новгородского митрополита Исидора, чтобы он привел к присяге войска. Но счастье недолго служило юному царю. Басманов с братьями Голицыными и Салтыковым изменили царю Феодору, признав царем самозванца. Вслед за изменой войска, города, стоявшие на пути к Москве, также перешли на сторону Лжедимитрия, тем самым открыв ему свободный доступ к Москве. Вслед за изменой войска юному царевичу изменили и бояре, и 1 июня 1605 г. на Красной площади в Москве была прочитана грамота агентами самозванца и «народные массы склонились на сторону нового царя»⁷¹.

Среди такого всеобщего беспорядка остался верным своему долгу патриарх Иов, который «именем Бога заклинает бояр спасти православие, которому грозит явная опасность с воцарением самозванца, со слезами умоляет спасти жизнь и честь законного русского царя, которому присягнули они на верность и повиновение»⁷². Но эта последняя попытка святителя не имела успеха. Москва волновалась и ожидала въезда «потомка Грозного».

Самозванец писал, что он не явится в Москву, пока не будут истреблены его враги. В числе его главных врагов были Годуновы и патриарх, с ними заговорщики и постарались расправиться. Годуновы — мать и сын, были убиты, а патриарх, под впечатлением тяжелых событий последнего времени, искал утешения в молитве. Он мало заботился о том, что его ждет впереди. Всероссийский первосвятитель совершил Литургию в Успенском соборе, когда вооруженная толпа приверженцев Лжедимитрия I ворвалась в алтарь. Мятежники не дали ему окончить Божественную Литургию и здесь же в алтаре стали срывать с него святительские облачения. В эту тяжелую минуту своей жизни святитель нашел в себе твердость и мужество. Подойдя к чудотворному образу Владимирской Божией Матери, он «начат со слезами у образа глаголати: «Милостливая Владычица Богородица, сия панагия и сан святительский возложен на мя недостойного в храме Твоем у Честнаго образа Твоего чудотворные иконы. Сию же аз, грешный, исправлял в хвалу Сына Твоего Христа Бога нашего 19 лет. Сия праведная христианская вера нерушима была; ныне же грех наших ради мы видим на сию православную христианскую веру находяща еретика. Мы же, грешные, молим, умоли Пречистая Богородица Сына Твоего Христа Бога нашего, утвердити сию православную христианскую веру непоколебиму. И плакався на мног час, ту панагию положи у образа Пречистыя Богородицы»⁷³.

Искренняя святительская молитва не подействовала на мятежников, они его одели в простую черную монашескую рясу и отвезли в Успенский Старицкий монастырь, откуда он был призван к обширной деятельности на пользу родного Отечества. В это время обителю управлял архимандрит Дионисий, впоследствии знаменитый настоятель Троице-Сергиевой Лавры.

Находясь в Старице, патриарх Иов более не участвовал в политических событиях своего времени. Но незадолго до своей смерти, по приглашению царя Василия Шуйского и патриарха Гермогена, он приезжает в Москву и здесь, в Успенском соборе, при многочисленном стечении народа снимает с народа клятвопреступления.

На закате своих дней всероссийский патриарх Иов давал последнее святительское благословение своему бедствующему Отечеству, призывая народ честно хранить крестное целование.

Заканчивая свой обзор о взаимоотношениях между патриархом Иовом и Лжедимитрием I, можно сказать, что в начальную эпоху польской интервенции патриарх Иов стойко охранял интересы своего Отечества. В своих грамотах первосвятитель русской земли безбоязненно и твердо защищал правительство своего времени, православную веру и национальные достоинства своего государства. За свою патриотическую деятельность патриарх Иов терпел оскорблений от самозванца. Ближайшее поколение русских людей высоко оценило всю деятельность патриарха Иова, и это видно из слов патриарха Иосифа, который сказал царю при перенесении останков Иова из Старицы в Москву. «Вот, смотри государь, как хорошо за правду стоять! И по смерти слава»⁷⁴.

Вся политическая деятельность патриарха Иова была направлена на восстановление государственного порядка и мира в своем Отечестве.

Глава 3

Вступление Лжедимитрия I в Москву. Папские требования.
Отношение Лжедимитрия I к папским требованиям. Его политический расчет. Патриарх Игнатий и его отношение к самозванцу. Брак Лжедимитрия с Мариной Мнишек и участие в нем патриарха Игнения. Биография митрополита Казанского Гермогена. Его приезд в Москву и выступление против Лжедимитрия по поводу брака с Мариной. Ссылка в монастырь. Взаимоотношения Лжедимитрия I и епископа Коломенского Иосифа. Его ссылка. Феодосий – архиепископ Астраханский и его выступление против самозванца.

В июне 1605 года ликующая Москва встречала «царевича Димитрия». Явившись в Москву по старинному обычаю предков, Лжедимитрий I посетил в Кремле все церкви, где он слушал молебны. Для большего своего подтверждения, что он является истинным сыном Иоанна Грозного, была привезена М. В. Скопиным-Шуйским царица – инокиня Марфа (Мария Нагая), она, по выражению Соловьева, «очень искусно представляла нежную мать; народ плакал, видя, как почтительный сын шел пешком подле кареты материнской»⁷⁵.

Так встречала Москва Лжедимитрия I.

Но еще более было радости в папском Риме, откуда властолюбивые преемники апостольского престола внимательно следили за тем, что совершается в далекой Москве. Как только до их слуха дошли известия о воцарении самозванца, то папа Климент VIII напоминает ему о данном им обете – ввести католичество в России. Клименту VIII не суждено было получить ответ, так как он вскоре умер. О его смерти и о восшествии на папский престол Павла V Лжедимитрию I объявил папский нунций Рангони, который отправил ему портрет нового папы и советовал поздравить Павла V с вступлением на престол.

«Павел V, – говорит Левитский, – по своим взглядам на папскую власть прямой преемник Григория VII и Иннокентия III, человек, проникнутый, так сказать, до мозга костей мыслью о главенстве папы, о неизмеримом величии папской власти, которой все должно подчиняться и пред которой все должно преклоняться. Такому человеку, естественно, хотелось как можно скорее видеть себя главою Русской церкви»⁷⁶.

Нунций прислал Лжедимитрию I подарки от папы, в числе которых была латинская библия последнего издания, в которой Рангони указывает самозванцу на текст Св. Писания: «Ныне аще послушанием послушаете гласа моего и соблюдете завет мой, будете мои люди суще от всех языков»⁷⁷.

Эти слова папский нунций адресует к Лжедимитрию I, говоря ему, что в благодарность за благодеяние Божие он должен ввести католичество в России. Но нунций при этом дает Лжедимитрию мудрый иезуитский совет: вести дело «не оплошно, и мудро, и бережно, чтобы не потерпеть вреда»⁷⁸. Но все его действия имели цель не религиозную, а политическую.

Такая осторожность была необходима Лжедимитрию, так как вскоре, по его восшествию на престол, был обнаружен заговор Шуйского, обвиняющий самозванца в оскорблении православной веры, но заговор не увенчался успехом.

Ввиду такого положения, иезуит Левицкий вновь призывает самозванца к осторожности в своих действиях. В ответ на просьбу Рангони Лжедимитрий I пишет свое письмо папе Павлу V, в котором он рассказывает о своих отношениях к покойному папе Клименту VIII, но о введении католической веры среди русских он ничего не говорит. Однако, не полагаясь всецело на Лжедимитрия I, папа в августе 1605 г. пишет три письма: к польскому королю Сигизмунду, кардиналу Мацеевскому и Юрию Мнишку, в которых просит указанных лиц повлиять на самозванца и поддержать в нем расположение к католической вере.

Вскоре Лжедимитрий I был венчан на царство патриархом Игнатием. Этим необычайным событием папа решил вновь воспользоваться и написал свое послание, призываю Лжедимитрия ввести в России католицизм: «Мы уверены, — пишет папа, — что католическая религия будет предметом твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могут поклоняться Господу и снискать Его помощь; убеждаем и умоляем тебя стараться всеми силами о том, чтобы желанные наши чада, народы твои, приняли римское учение; в этом деле обещаем тебе нашу деятельную помощь, посылаем монахов, знаменитых чистотою жизни; а если тебе будет угодно, то пошлем епископов»⁷⁹.

Нам интересно будет проследить, как же относился к требованиям «наместника Бога на земле» самозванец? Имея перед собой определенное наставление, действовать «не оплошно, мудро и бережно», он решил, прежде всего, внешним богослужением отвлечь русских от своих родных обрядов и постановлений православной Церкви. Для этой цели прибывшим к нему отцам иезуитам он отвел прекрасное помещение, где они могли торжественно совершать свое богослужение и проповедовать. Лжедимитрий I также разрешил католикам построить свой храм в Москве. Но их миссионерская

деятельность мало приносила пользы апостольскому престолу. Русские твердо продолжали хранить веру своих отцов⁸⁰.

Самозванец давно вынашивал мысль начать войну с Турцией. Кроме того, он должен был жениться на католичке Марине. Во имя своих расчетов он и поддерживал отношения с Римским престолом и покровительствовал католикам.

Сообщая Павлу V о своих намерениях воевать с врагами христианства — турками, Лжедимитрий I просит папу убедить Сигизмунда, польского короля, чтобы тот помог ему в его мероприятии. В этой грамоте, как и в предыдущих, он ни единым словом не говорит о своем желании распространить католичество в России.

Такое холодное отношение Лжедимитрия I к папским требованиям заставляло последних призадуматься над своим планом окатоличивания Русского государства. Но вот на фоне взаимоотношений между Лжедимитрием I и папой вновь появился луч надежды ввести папизм в русском государстве через бракосочетание Марины Мнишек с самозванцем. В этом браке все римское духовенство, начиная от «святого отца» и кончая иезуитами, видело удобный момент — присоединить Русскую церковь к западной церкви. В честь их бракосочетания Павел V пишет свое послание Лжедимитрию I и Марине, в котором он восхваляет достоинство невесты. От их супружества католическая церковь ожидает великой пользы⁸¹. «Мы верим, — продолжает папа в своем письме, — что ты хочешь привести к свету католической истины и в лоно римской церкви народ московский... Верь и ты, что предназначен Богом к обращению москвитян в лоно древней матери, горячо их любящей, с нетерпением жаждущей принять их. Ныне мы тем более приветствуем твой счастливейший брак, что он, по нашим надеждам, окажет тебе большое вспоможение в совершении этого спасительного подвига»⁸². Такие духовные плоды от их бракосочетания ожидал римский папа. Но, к огорчению папы, в этом браке оказались серьезные препятствия, выдвинутые самим «возлюбленнейшим сыном» Лжедимитрием. Он решил, что его невеста втайне может быть католичкой, а для внешней формы она должна принять русское вероисповедание. Римская курия была недовольна таким распоряжением самозванца. Кардинал Боргезе писал нунцию Рангони в феврале 1606 г.: «Пусть Марина остается непременно при обрядах латинской церкви, иначе сам Димитрий будет находить новые оправдания своего упорства»⁸³. Но, несмотря на такой категорический наказ, Лжедимитрий I не изменил своего решения. В этом действии самозванца католики видели,

что католичество в Москве является нетерпимым, так как оно может существовать только тайно.

Таким образом, «настаивая на том, чтобы Марина была принята в православную церковь и соблюдала ее обряды, Лжедимитрий признавал неизменным то положение, что русская царица *de jure* непременно должна быть православною, хотя *de facto* может и не быть ею»⁸⁴. На такой оскорбительный шаг как для православных, так и для католиков мог решиться только человек, который не имел никаких религиозных убеждений. А таким, видимо, и был Лжедимитрий I.

Последний луч надежды папы на окатоличивание России погас после того, как он узнал, что ближайшими советниками «московского царевича» являются братья Бучинские — протестанты по своим религиозным воззрениям.

Наконец в жизни Лжедимитрия I наступил радостный момент — приезд в Россию его невесты Марины. Вместе с ее приездом в Москве началось деятельное приготовление к свадьбе. Вполне естественно, при таких событиях у них не было времени заниматься религиозными вопросами. В это время бездействовали и иезуиты, так как самозванец был окружен иными друзьями — Бучинскими, даже его бывший духовник К. Савицкий едва добился его аудиенции.

Кратко рассмотрев факты взаимоотношений между Римской церковью и Лжедимитрием, поставим вопрос, был ли «сын Иоанна Грозного» насадителем католичества в России, как говорят наши церковные историки — митрополиты Платон и Макарий, или же он, по взгляду наших светских историков — Карамзина, Костомарова, Соловьева, Платонова, принял католичество по своему политическому расчету, и мысль о насильственном присоединении Русской Церкви к Западной совершенно чужда была ему. Свое мнение мы присоединим к взгляду светских историков.

Действительно, за годовое пребывание на русском престоле Лжедимитрия мы видим, что его внимание было всецело поглощено политической жизнью своей страны, а не указаниями римского папы. Его голова была занята подготовкой войны с турками и жаждою славы. До самой своей смерти он все время мечтал о торжестве русского оружия в борьбе с мусульманским миром, о своих военных подвигах, о внешнем блеске своего царствования. С этой целью он и стремился поддержать свои дружественные отношения с папой и Польшей, которые не дали никаких положительных результатов. Вместо союза между двумя государствами стали возникать недоразумения, так как Речь Посполитая требовала обещанных ей северных

земель. По мере того как эти недоразумения увеличивались, у Лжедимитрия I охладело всякое желание соединить две церкви под одним папским владычеством. Брак царевича с Мариной Мнишек также отвлек его внимание от миссионерских целей в своем государстве. Да к тому же, самозванец сам чувствовал, что он непрочно сидит на «праородительском троне». «В то время, — говорит Соловьев, — как в Москве происходили брачные торжества и велись переговоры о великих предприятиях, на юго-восточных границах государства обнаружилось явление, которое показывало опасное состояние государственного организма, показывало, что рана раскрылась, и дурные соки начали приливать к ней: при жизни первого самозванца уже явился второй»⁸⁵ из среды терских казаков. Таковы внешние причины, ослабившие ревность Лжедимитрия I к католической вере.

Помимо внешних причин, были и внутренние, которые ясно указывали Лжедимитрию I в деле «обращения схизматиков» поступать мудро и осторожно, чтобы не принести вреда.

Прошедшая печальная история митрополита Исидора, стремившегося ввести унию в России; трагическая деятельность двух епископов южнорусских церквей Ипатия Поцея и Кирилла Терлецкого, вручивших папе послание о соединении церквей — ясно говорили о том, что его нововведение не может обойтись без борьбы со стороны русского народа. Борьба православных русских людей на юго-западе России с католичеством в это время ясно свидетельствовала о том, как крепко русский народ привержен к Православию.

Его нововведению необходимо было выждать благоприятный момент, т.е. «самому крепко утвердить свою власть в России, чтобы тогда уже приступить к решительным мерам для достижения своих целей»⁸⁶.

За год своего царствования Лжедимитрий не смог выполнить всех требований папы. Он понимал, если коснется самого дорогое и святого для русской души — Православия, то ему и дня не удержаться на престоле, почему папские указания не были им исполнены. Теперь о Лжедимитрии можно сказать, что католицизм он принял по политическим расчетам, в надежде получить помощь Польши для занятия «праородительского престола». Он не был и не мог быть фанатиком-католиком. Находясь в Польше, он дал свое слово иезуитам привести к папскому престолу все Русское государство. Но его обещание, как оказалось впоследствии, было преувеличено. Воцарившись в Московском государстве, самозванец сразу же не смог отказаться от своего обещания в силу

исторических обстоятельств. Временно он должен был уделять свое внимание католикам. (Имеем в виду его разрешение совершать католикам свое богослужение и построить храм).

Все это самозванец делал с той целью, чтобы отблагодарить поляков за их помощь в занятии Московского престола. Он опасался, как бы его прежние благодетели за неисполнение им обещаний не стали его врагами и тем самым разоблачили бы его самозванство. Но самое главное — поддерживать дружбу с Польшей и Римом ему было необходимо ввиду его желания развязать войну с Турцией и жениться на Марине Мнишек. Несомненно, последнее обстоятельство было важнее первого.

Так относился Лжедимитрий I к католикам. Нам интересно будет проследить его отношение к Русской Церкви и Православию. Летописные памятники его времени называют самозванца «еретиком»; «отступником от православной веры», «антихристом» и т.д. Эта характеристика явилаась после его смерти. Но, как было выше рассмотрено, он индифферентно относился к вере, на которую смотрел как на самое удобное средство к достижению своих политических целей. Известно, что весь русский быт рассматриваемого времени носил печать церковности. Отсюда наши предки и обвиняли Лжедимитрия в нарушении церковного устава, и самые незначительные факты, как вкушение телятины, непосещение бани и т.д., ставили ему в вину и называли его «еретиком».

Таким образом, «с точки зрения народной психологии, по которой только русское свято и православно в религии, самозванец явился еретиком, нанесшим поругание всему православному християнству»⁸⁷.

В заключение мы приведем взгляд современника событий, католического писателя, который так отзыается о Лжедимитрии I: «В Димитрии мало-помалу совершилась печальная перемена. Горячую ревность Неофита во время похода на Москву сменил холодный расчет политика, который думает воспользоваться религией как средством политическим. В Москве стало еще хуже. Он не только вполне удалил иезуитов, которым покровительствовал, хотя и очень мало, со времени вступления, но окружил себя советниками — еретиками (Бучинские) и они пользуются всем его доверием»⁸⁸.

В рассматриваемое нами время, когда патриарх Иов был низвергнут приверженцами самозванца, Русскую Церковь стал управлять патриарх Игнатий. История нам сохранила крайне скучные его биографические данные. Родом Игнатий был грек. Свое образование он получил на Западе. В сане архиепископа он управлял церко-

вью на о. Кипре. Находясь там, Игнатий благосклонно относился к католикам, которые в это время владели островом. Как только турки заняли остров, Игнатий им чем-то не понравился. Как говорит Левитский, это «что-то» было именно его тяготение к западу⁸⁹.

Изгнанный с своей кафедры Игнатий отправился в Рим, «очевидно по своей симпатии к нему»⁹⁰. Нелегка была жизнь Игнатия в Риме, почему он и решился покинуть папскую столицу и искать счастья в далекой русской стране. Во время царствования Феодора Ивановича он появился в России, где и жил милостью и щедротами богообязненного государя. При патриархе Иове Игнатий получил в управление обширную рязанскую кафедру. Во время похода самозванца на Москву Игнатий первый из епископов признал его истинным царевичем и явился к нему в Тулу.

Вполне естественно, смелый шаг «русского» архиерея понравился Лжедимитрию I, и последний постарался приблизить Игнатия к себе. Это действие Игнатия было на руку самозванцу, который мог засвидетельствовать пред русским народом, что высшие иерархи, которых так уважает народ, признают его «истинным» сыном Иоанна Грозного.

С Тульской встречи Игнатий до своего низвержения неотлучно находился при Лжедимитрии. Он торжественно сопровождал его въезд в Москву через Серпуховские ворота, шествуя перед ним с образами и в преднесении патриаршего посоха. Все видевшие Игнатия в такой славе, понимали, что это будущий патриарх Московский, что, действительно, вскоре и произошло. Как только Лжедимитрий сам укрепился на царском престоле, то объявил, что с согласия русских святителей Игнатий избирается Московским патриархом. 24 июля 1605 года Игнатий торжественно был посвящен в патриархи. По своем посвящении новый патриарх обратился к своей пастве с окружной грамотой, в которой призывал русских людей к молитве за нового царя Димитрия и его мать.

Сделавшись патриархом, Игнатий должен был венчать на царство Лжедимитрия. Приверженцы самозванца советовали скорее стать ему под защиту религии, и тем самым укрепить свое положение на троне.

21 июня в Успенском соборе Лжедимитрий был торжественно венчен на царство патриархом Игнатием. За литургией в обычное время самозванец причастился св. Таин и помазан св. елеем⁹¹.

Но самым важным делом в царствование самозванца, в котором Игнатий принимал активное участие, – был брак Лжедимитрия I с католичкой Мариной Мнишек. В этом важном деле самозванцу

нужен был единомысленный ему святитель, а таким мог быть только Игнатий. В этом деле патриарх принимал самое деятельное участие, действуя в интересах своего государя. Но к осуществлению этого плана, относительно брака встретились серьезные затруднения вероисповедного характера. Марина была католичкой, и католическое духовенство настаивало на том, чтобы она осталась таковой, сделавшись московской царицей. Но посадить на трон католичку — дело для самозванца было невозможное, так как русские такого поругания своей веры никогда бы ему не позволили. Из затруднительного положения самозванцу помог выбраться Игнатий, благодаря которому он и достиг успеха. Вопрос о чиноприеме Марины в православие является важным в рассматриваемую нами эпоху.

«Обычное убеждение, всех православных христиан, всей русской церкви в этот период было таково, — пишет свящ. Иванов, — что латинян-католиков следует перекрещивать»⁹². Хотя эта практика русской церкви в указанное время канонически была неправильной, но это был общий взгляд русских на католиков в рассматриваемую нами эпоху. Впоследствии вопрос о перекрещивании западных христиан был решен в 1620 г. на соборе под председательством патриарха Филарета. Поговорив наедине с Игнатием, самозванец представил свое брачное дело на соборное рассмотрение русских епископов. На соборе произошло разделение: большинство русских иерархов представили это дело на рассмотрение самого Лжедимитрия, говоря: «На твоей, царю, воле буди»⁹³. Только двое русских святителей, присутствующих на соборе — Гермоген, митрополит Казанский, и Иосиф, епископ Коломенский, твердо настаивали на перекрещивании Марины, за что они и пострадали. Их деятельность мы рассмотрим подробно в продолжении этой работы.

Получив благоприятный ответ собора, Лжедимитрий благополучно вышел из затруднительного положения, и брак был совершен по иезуитскому плану, намеченному им и патриархом Игнатием.

Таким образом, патриарх соглашается принять Марину по такому чину, как желательно было Лжедимитрию. 8 мая 1606 года состоялось венчание Марины и Лжедимитрия I. За литургией она была миропомазана и причастилась св. Таин, хотя и не отрекалась от католической веры. После литургии Марина была повенчана с самозванцем Благовещенским протопопом Феодором.

Об исторической достоверности миропомазания и причащения Марины патриархом Игнатием подтверждает собор 1620 года, состоявшийся под председательством патриарха Филарета. Являясь очевидцем события, он так отзывает о патриархе Игнатии: «Введе

еретические папские веры Маринку, святым же крещением совершенным христианского закона не крестил ю, но токмо единственным святым миром помаза и потом венчал ю с тем растрогою и якоже Иуда предатель и сей поругася Христу, и обоим убо сим врагом Божиим растриге и Маринке подаде пречистое Тело Христово ясти и святую и честную Кровь Христову пити, его же Игнатия за такую вину священноначальницы великия святыя Церкви Российская, яко презревшаго правила св. апостолов и св. отцов от престола изринута в лето 7114 (1606)»⁹⁴.

О причащении Марины свидетельствуют митрополит Макарий в «Истории русской церкви», Добролонский и Левитский в своем труде: «Игнатий, патриарх Московский».

Из всего сказанного мы сможем сделать следующий вывод: Марина, оставаясь, в сущности, католичкой, внешне приняла православие, и все это выставляло ее в глазах русского народа православной. Но в этом кощунственном деле участвовал не только один Лжедимитрий с советниками, но и патриарх Игнатий.

Так совершился знаменательный и единственный в Русской истории обряд принятия в православие и бракосочетание «русского царя» с польской панной-католичкой Мариной. Но недолго продолжалось счастье новобрачных. 8 мая 1606 года состоялось их бракосочетание, а на рассвете 17 мая раздался звон набатного колокола, призывающий народ к восстанию против Лжедимитрия. Восставшие убили самозванца, а Марина успела убежать. Со смертью Лжедимитрия наступил конец и патриаршему управлению Игнатия. По мнению некоторых летописцев, Игнатий тотчас же был низложен, а другие говорят, что он был осужден собором епископов по воцарении Василия Шуйского и заключен в Чудов монастырь. Находясь в монастыре против своей воли, он ожидал благоприятного момента, чтобы вновь вернуться к своей прежней славе. В несчастные годы лихолетья он вновь появляется на арене общественной деятельности. В то время, когда в удушиловом застенке Чудова монастыря страдал патриот своей родины — патриарх Гермоген, русские изменники объявили Игнатия своим патриархом и возвестили об этом польского короля Сигизмунда. Однако, не чувствуя под собой крепкой почвы, он бежал в Литву, где и поселился в Виленском униатском монастыре. Здесь он принял унию и, таким образом, подвел итог всей своей деятельности. Явившись на сцену истории с самозванцем, он и сошел с неё врагом православной церкви.

Из всего представленного обзора деятельности Игнатия о нем можно сказать следующее: это был случайный человек, приносящий

все в угоду своему самолюбию, не отвергавший никакие средства для достижения своих намеченных целей, как и его покровитель, выдвинувший его на высший иерархический пост русской церкви.

Преследование своих личных интересов в политике довели Игнатия до отречения от православия, что объясняет все поступки его, в том числе и принятие им унии.

Среди славных имен разбираемой нами эпохи во всей полноте и величии выступает имя Казанского митрополита Гермогена. Родился он в Казани. В юности он обучался в Казанском Спасо-Преображенском монастыре под умелым руководством славного деятеля православной веры — святого Варсонофия. Имея прекрасные природные дарования — светлый ум, хорошую память, Гермоген прекрасно разбирался во всех сложных вопросах своего времени, о чем свидетельствуют его литературные произведения. Гермоген любил читать книги. «Эта любовь сделала то, — говорит С. Кедров, — что Гермоген был не только одним из образованных людей своего времени, но и самым образованным. Его творения изобличают в нем человека с глубоким религиозным чувством, хорошо знающего Священное Писание, церковную и гражданскую историю; первую — по преимуществу, агиологическую литературу, каноны, церковные уставы. Священное Писание он знает настолько, что умело применяет его мысли и тексты к подходящим случаям. Он знаком с творениями Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. На свои литературные занятия он смотрит как на долг, как на служение обществу, а на писательство — как на высокую кафедру»⁹⁵.

Такому святителю суждено быть главным руководителем в воодушевлении народа в эпоху польской интервенции, явиться истинным богатырем и спасителем отечества, способного во имя национально-государственных интересов, во имя православной веры пожертвовать своею жизнью. Это был «крепкий адамант», который не страшился никаких угроз, ни пыток, ни мучений. Нам неизвестно время выступления Гермогена на поприще общественного служения церкви и родине. В 1579 г. мы видим его священником Николо-Гостиннодворской церкви в Казани. В этом же году Казань постигло страшное бедствие. Огромный пожар уничтожил большую часть города. Особенно пострадал христианский квартал, где много было христианских храмов.

Постигшее несчастье дало повод мусульманам в этом видеть гнев Божий на христиан за то, что они поклонялись иконам. «Истинная православная вера бысть в притчу и поругание, источника целебного не бе тогда в Казани»⁹⁶ — писал Гермоген. Но вместо печали

величайшая радость ожидала скорбящих казанских христиан. На пепелище дома стрельца Даниила Онучина, чудесно явилась икона Божией Матери. В этом чудесном явлении верующие Казани видели явное торжество Евангелия над кораном. Первым, кому суждено было принять величайшую святыню из земли, и был Николо-гостинский священник, будущий святитель Российской — Гермоген.

О чудесном явлении иконы было сообщено в Москву Иоанну Грозному, который приказал на месте явления построить деревянную церковь во имя Богородицы, которая явилась основанием будущей женской обители. Все чудеса, совершающиеся от иконы, были описаны самим Гермогеном. Мы не имеем исторических данных, какова была пастырская деятельность Гермогена после 1579 г. Известно, что в 1587 г. он скрывается от суеты мира в стенах Казанского Спасо-Преображенского монастыря с именем Гермогена.

Вскоре братия монастыря избирает его настоятелем обители. В новой должности он пробыл не более трех лет и в 1589 г., когда в России было учреждено патриаршество, Гермоген возводится в епископский сан, с дарованием ему митрополичьего титула, с преимуществом быть вторым после патриарха. Новому митрополиту открылось широкое поле деятельности в своем родном крае. Святитель Гермоген на своем высоком посту явил себя достойным преемником первосвятителя Казанского края — Гурия. Вся его архиепископская деятельность в Казани была направлена на воспитание религиозно-патриотических чувств среди русского и инородческого населения. В целях возвеличения и прославления христианской веры, митрополит Гермоген, как ревнитель православной веры и русской нации, пишет жития святителей Гурия и Варсонофия, сказание о явлении и чудесах Казанской Божией Матери, устанавливает прославление мучеников Иоанна, Стефана и Петра, пострадавших в Казани за православную веру. Одновременно святитель старался возжечь дух патриотизма среди казанских жителей ежегодным поминовением русских героев, павших во время взятия Казани.

Радовался митрополит Гермоген, видя добрые плоды многолетней трудовой миссионерской деятельности в восточной окраине русского отечества, но его светлое лицо все чаще и чаще выражало тяжелое внутреннее переживание. До его митрополии доносились отдаленные раскаты социально-политической борьбы, собиравшейся над русским государством. Своим чутким сердцем святитель чувствовал, какая беда грозит отечеству от происшедшего печального

Угличского события. Выставленный боярами «спасшийся царевич Димитрий» открыл военные действия на западе русского государства против Бориса Годунова. В разгаре напряженной борьбы Годунов скончался, открыв дорогу самозванцу к сердцу России — Москве.

Нет сомнения, казанский святитель глубоко переживал страдания родного отечества, скорбел и за дорогой свой казанский край, боясь, что все дорогое, за что он отдал лучшие силы своей жизни, может погибнуть под напором развивающейся политической драмы. Беззаветная преданность дорогому отечеству и пламенная любовь к своей нации вдохновляли святителя приложить все силы своего ума и воли, чтобы удержать Казань в подчинении законной власти. И действительно, являясь истинным архиастырем в своей разноплеменной и разноверной епархии, он сумел воспитать свою паству в подвигах христианской жизни и русского патриотизма, вложить в нее чувство преданности национально-государственным интересам и православной Русской Церкви. Его паства не признала авантюриста истинным царем.

Московская драма продолжала развиваться. В июне 1605 года Москва торжественно встречала ставленника польских интервентов, и государственный корабль очутился в руках ловкого самозванца. События русской жизни тяжело переживал митрополит Казанский. «Он, умудренный книгами и опытом, лучше других и сразу разгадал самозванца с его планами, выработанными в Риме и направленными к сокрушению православия на Руси, как основы русского национального самосознания»⁹⁷. Стойкость и мужество Казанского архиастыря проявились в Москве, куда он был вызван по случаю венчания Лжедимитрия. Здесь он сразу же определил, что ожидает русское государство от этого брака. Святейший Гермоген первый из русских иерархов выступил на защиту православной веры.

В то время, как иерархи молчали, а приверженец Лжедимитрия патриарх Игнатий по-иезуитски уклончиво отвечал царю: «На твоей воли буди, государь», тогда, мужественно подвергая себя опале, выступил Казанский митрополит Гермоген.

Зашитник православия и истинный пастырь, он смело сказал авантюристу: «Непристойно христианину царю брать замуж неправославную, вводить ее во Св. церковь и строить для нее римские костелы. Не делай так, царь; из прежних государей никто так не поступал, кроме нечестивых»⁹⁸.

Он требовал, чтобы Марина, по обряду православной церкви его времени приняла крещение. Твердая решимость святителя вызвала злобу Лжедимитрия, который сослал его в Казань «даже со снятием сана»⁹⁹. «Окаянный же Расстрела разъярился яростию от всего свое-

го мерзкого темного сердца и гневом великим дыхая и повеле митрополита сослати в Казань, и тамо повелевает с него святительский сан сняти и в монастырь заключити»¹⁰⁰. История нам не сохранила, в какой из казанских монастырей был сослан страдалец за веру и действительно ли он был лишен сана. Можно признать за достоверные данные, что, находясь в изгнании, он не управлял своей митрополией.

Так святитель Гермоген ценою своей жизни защищал национально-государственные интересы своего народа и свою православную веру. Но недолго пришлось страдать доблестному пастырю, так как заговор Василия Шуйского окончил дни царствования самозванца.

В своем патриотическом выступлении против Лжедимитрия Казанский митрополит был не один. Его поддержал Коломенский епископ Иосиф, который также требовал, чтобы польская панна признала православие. Коломенского епископа самозванец сослал в заточение¹⁰¹. Соловьев и Левитский в своих трудах говорят, что его оставили в покое неизвестно по каким причинам¹⁰². В неизвестной судьбе епископа Иосифа Левитский видит «милосердное» отношение Лжедимитрия к русскому духовенству¹⁰³. Но можно ли согласиться с его мнением? Самозванец – русский по происхождению, начитанный в литературе своего времени, хорошо помнил взаимоотношения Иоанна Грозного с митрополитом Филиппом. Иоанн Грозный смелого владыку выслал из Москвы, а потом приказал своим опричникам цинично его убить. Такая же участь могла постичь и ревностных архиастырей; если бы самозванец укрепился на русском престоле, то впоследствии таким же образом расправился с влиятельными лицами в своем государстве, чтобы своими обличиями они не мешали ему в его действиях, он счел за нужное сослать их в отдаленные места. Заговор Шуйского помешал самозванцу в будущем выполнить это гнусное дело. Проф. Завитневич также говорит о том, что Иосиф был выслан Лжедимитрием, а не оставлен в покое: «Некоторые из святителей и протоиереев, например Казанский митрополит Гермоген и Коломенский епископ Иосиф, прямо протестовали против этой формы присоединения к православию Марины, за что и высланы были из столицы»¹⁰⁴.

Так защищал православие своей Родины Коломенский епископ Иосиф. О дальнейшей его деятельности история нам не сохранила никаких данных.

Во времена Лжедимитрия I, когда русские святители защищали интересы своего отечества в сердце родины – Москве, на востоке нашего государства, в далекой Астрахани, подвизался «первопрестольник» Астраханской кафедры – Феодосий.

В 1556 году Астраханское царство окончательно было присоединено к Московскому государству. Территориально войдя в состав Москвы, в церковном отношении оно подчинялось Казанскому митрополиту.

Во время утверждения патриаршества в России пред русским правительством в миссионерских целях встал вопрос о даровании самостоятельной епископской кафедры городу Астрахани. К тому же, этот край издавна был заселен вольными «гулящими людьми», которые представляли благоприятную почву для распространения всевозможных волнений. Русское правительство не могло там держать крупную военную силу для установления порядка, и оно решило «по крайней мере, воздвигнуть силу духовно-нравственную в лице архиепископа Астраханской церкви»¹⁰⁵.

Первым Астраханским архиепископом был Феодосий. Год рождения его неизвестен. Родился он в семье священника. 20-ти лет вступил в брак и был посвящен в иереи преосвященным Никандром, архиепископом Ростовским и Ярославским. Через шесть лет у него умерла жена, и он принял монашество с именем Феодосия в Ярославском Томском монастыре. При патриархе Иове и царе Феодоре Ивановиче он назначается игуменом Астраханского Троицкого монастыря. В царствование Бориса Годунова в 1602 г. Феодосий возводится на вновь открытую Астраханскую кафедру.

В печальных событиях своего времени Феодосий принимал самое энергичное участие. Как только в 1605 году он получил грамоту от патриарха Иова с извещением о появлении самозванца, то по долгу пастыря, силою слова Божия и собственного убеждения увещевал народ не верить обманщику, говорил, что именующий себя царем Димитрием Ивановичем, неправедный и нечестивый похититель царского имени — самозванец¹⁰⁶.

Сила пастырского внушения не повлияла на разбушевавшуюся толпу. Подстрекаемая агентами самозванца, она бросилась к архиерейскому дому, разграбила его. Самого архиепископа, угрожая убийством, заключили под стражу в Троицкий монастырь, а оттуда он был отвезен в Москву к Лжедимитрию. При появлении мужественного патриота Церкви и Отечества перед лицом авантюриста, последний закричал на него: «Астраханский все смуты от тебя исходят. Ты меня называешь не прямым царем, да кто же я?». Архиепископ отвечал безбоязненно: «Ведаю — де, что ты называешься царем, но прямое, де твое имя Бог весть; ибо де прирожденный царевич Димитрий Иванович убиен на Угличе и моши его тамо»¹⁰⁷.

Смелый ответ архипастыря смущил Лжедимитрия, и он оставил его в покое. Архипастырь же после смелого обличения самозванца жил в Москве «на дворе у святителя Гермогена и тамо питаяся», как говорит его житие. К этому великому ратоборцу русской земли архиепископа Феодосия могло притягивать и полное единомыслие с ним по вопросам государственной и церковной жизни данного времени. Быть может именно здесь, «на дворе» митрополита Гермогена, за его хлебом и солью, у двух русских святителей созревал план освобождения Руси от самозванца. Так называемая Морозовская летопись, говоря о недовольствах русских людей правлением Лжедимитрия, прямо заявляет, что «не покоряющиеся его проклятому повелению, от царских палаты вельможи и бояре и дьяки и многие служилые люди всякого чину и святительского, обличающие его проклятого ересь»¹⁰⁸.

В царствование Василия Шуйского архиепископ Феодосий участвовал в перенесении в Москву мощей царевича Димитрия. За участие в этом деле Шуйский наградил архиепископа и отпустил его в родную епархию. По пути к месту своего служения он скончался в 1607 году в городе Царицыне.

Так первосвятитель Астраханский в грозное время на Руси мужественно защищал интересы своего отечества и крепко стоял за православную веру своего народа.

Подводя итог о взаимоотношениях русского духовенства с Лжедимитрием I, мы можем сказать, что русское духовенство в начальный период польской интервенции твердо защищало национально-государственные интересы родного отечества, крепко стояло за православную веру своего народа.

Живыми яркими борцами за государственные идеи были патриарх Иов, Гермоген, митрополит Казанский, Иосиф Коломенский, Феодосий Астраханский. Их заслуги велики пред русским государством,

шло два дня после кровавой расправы с самозванцем, и бояре «выдвинули» на Московский престол Василия Шуйского.

Таким образом, затаенная мечта Василия Шуйского исполнилась, он — властелин Русского государства. Избрание на царство Шуйский принял, не дожидаясь созыва Земского собора. Как говорит проф. Завитневич: «... этот переворот к тому именно и велся, чтобы посадить царя не по воле народа, а по воле руководивших движением бояр, которые, согласно имеющемуся известию, заблаговременно договорились, что тот из них, кто поставлен будет царем, должен управлять государством “по общему совету”, на что, как показал опыт с Годуновым, Земский собор не согласился бы¹¹². Таким образом, по словам Платонова, «боярско-княжеская реакция в Москве, овладев политическим положением, возвела на царство своего родовитейшего вожака»¹¹³.

Вступив в управление русским государством, Василий Шуйский не имел под собой крепкой основы. Народная масса не желала признать его царем за то, что он правил государством только с согласия «общего совета» бояр. Это и не нравилось народу, так как его правление шло вразрез с исконными традиционными народными взглядами. По своем восшествии на престол, в целях успокоения народной массы, он выпустил несколько грамот. В грамоте, в которой он сообщал о своем воцарении, Шуйский разъяснял последние события, произошедшие внутри государства. Он писал, что убитый самозванец был простой монах — Гришка Отрепьев, а не царевич Дмитрий¹¹⁴. От имени инокини Марфы, матери убиенного царевича Дмитрия, также была разослана грамота, в которой она уверяла, что бывший царь не сын, а Гришка Отрепьев, который заставил ее публично признать своим сыном¹¹⁵. Как бы в доказательство истинности своего свидетельства о самозванстве Лжедимитрия I, Шуйский устроил торжественное перенесение мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву. 3 июня 1606 года Москва торжественно встречала новоявленные мощи царевича, которые были поставлены в Архангельском соборе, где «инокиня Марфа, винясь пред целью Россиею в том, что страха и прельщения ради потворствовала самозванцу, торжественно просила царя велеть отпустить ей грех, тяготящий ее совесть. Василий объявил ей прощение в уважение памяти ее супруга царя Иоанна Васильевича и сына, нового Угодника»¹¹⁶. «Сам Василий Шуйский, — по выражению автора «Очерков», — этому церковному торжеству придавал особенную политическую цену, полагая, что присутствие мощей в Москве сделает самозванщину невозможной. Но он жестоко ошибался»¹¹⁷. Ошибка Шуйского заключалась в том, что

Тот самозванец. Причины его прихода

Глава 4. Смерть Лжедимитрия I и воцарение Шуйского. Его грамоты...

не все русские люди были довольны его правлением. Выдвинутый боярской партией, он не имел крепкой народной поддержки. По выражению Соловьева, для всех недовольных «... нужен был предлог к восстанию, нужно было лицо, во имя которого можно было действовать, лицо, столь могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйского, и вместе с тем ничтожное, чтобы не могло быть препятствием для исполнения известных замыслов. Одним словом, нужен был самозванец; Шуйского можно было свергнуть только так, как свергнут был Годунов. Вот причина появления второго самозванца и успеха его внутри государства»¹¹⁸. Под именем нового самозванца в северских областях России и стал действовать Михайло Молчанов, который бежал из Москвы во время переворота 17 мая и к которому присоединился путинский воевода Григорий Шаховской. «Молчанов и Шаховской, — говорит И. И. Смирнов, — подымая массы против Шуйского, оставались теми же, кем они были и раньше — политическими авантюристами, ведущими борьбу за власть. Отсюда их тактика: использование «царистской» психологии народных масс с помощью легенды о «царе Димитрии», при одновременном стремлении сохранить и поддерживать старые связи с теми польскими кругами, на которые опирался первый самозванец»¹¹⁹.

Дав толчок к восстанию против Шуйского, указанные личности не могли взять инициативу руководства в свои руки и ходом событий они были оттеснены на задний план.

Инициатором движения против Шуйского, вождем народных масс становится И. И. Болотников. Интересно отметить идеологическую сторону его восстания. «Эта сторона истории восстания Болотникова неразрывно связана с проблемой “царистской” психологии у восставших крестьян, что находило свое выражение в лозунге “царя Димитрия”, являвшемся одним из центральных лозунгов, под которыми проходило восстание». Таким образом, «не трудно видеть, что исходным положением при анализе идеологии восставших крестьян и холопов являлась сталинская формула о том, что восставшие крестьяне выступали против помещиков, но за «хорошего царя»¹²⁰.

Волна восстания быстро разливалась по северским областям русского государства. Путивль, Кромы, Елец, Рыльск, Болхов и многие другие города приносили присягу «предполагаемому в живых Димитрию»¹²¹.

История не сохранила многих подробностей о биографических данных Болотникова. В молодых летах он убегал от своего господина к казакам в степь. Впоследствии он был пойман татарами и

продан в рабство в Турцию. Там Болотников работал на галерах, откуда его освободили немецкие корабли и перевезли в Венецию. Из Венеции через Германию он направился в Польшу, где и встретился с самозванцем (Молчановым), который и сделал его большим воеводой¹²². Собрав войско, Болотников двинулся на Москву. Услышав о начале восстания, Шуйский послал своих воевод против восставших. 23 сентября 1606 года в районе Калуги произошло сражение между восставшими и царским войском. Эта битва не принесла желаемой цели царским воеводам. Победа досталась первым, и восставшие спешно продвигались к Москве. В октябре 1606 г. Болотников подошел к Москве, и московский гарнизон стал готовиться к обороне. Ставясь вызвать восстание внутри Москвы среди горожан, Болотников писал им свои грамоты, призывая их отказаться от царя Василия Шуйского и целовать крест царю Димитрию¹²³. Видя всю тяжесть осадного положения, Василий Шуйский решил действовать обманом, и своим главным оружием разложения лагеря восставших он избрал политическую интригу, сыграв на противоречиях, которые крылись в самом составе лагеря Болотникова. С одной стороны в его лагере находились крестьяне и холопы, а с другой — дворянско-помещичьи отряды Прокопия Ляпунова, воеводы Сумбулова. Последние в решающий момент изменили Болотникову, перейдя на сторону Шуйского. К ним впоследствии пристал и Истома Пашков, который не хотел уступать первенство Болотникову.

Видя создавшееся критическое положение, Болотников вынужден был отступить к Калуге, а затем — к Туле, где впоследствии и был выдан Шуйскому.

Приведенные данные ярко демонстрируют «царистские» черты в движении Болотникова.

Как записал в своей «Хронике» К. Буссов, «... вера в “царя Димитрия” была в равной мере присуща и самому Болотникову, считавшему себя “большим воеводой царя Димитрия”». Недаром и в польских источниках Болотников фигурирует под именем «гетмана царя Димитрия» (*Hetman Dymitrow*), а одна из разрядных записей называет его «боярином» «царевичем» Петра.

«Царистская» идеология — важнейшая черта крестьянских движений в России XVII–XVIII вв.¹²⁴

Товарищ Сталин так говорит о крестьянских движениях: «Говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были “царистами”; они выступали против помещиков, но за “хорошего царя”. Ведь таков их лозунг»¹²⁵.

«Эта сталинская формула, вскрывающая сущность идеологической оболочки восстаний крестьян в России против феодального гнета, целиком приложима и к восстанию Болотникова»¹²⁶.

Хотя стремление политических авантюристов Молчанова и Шаховского не увенчалось успехом, но все-таки польско-литовские паны вновь решили воспользоваться напряженной внутренней борьбой в Русском государстве, чтобы повторить позорно провалившуюся попытку посадить на русский престол своего агента. Наскоро была придумана новая версия «о чудесном спасении» Лжедимитрия и был подобран новый авантюрист, который впервые появился в Стародубье-Северском. Новому самозванцу русские люди XVII века дали меткое прозвище — «тушинский вор».

Основной силой нового самозванца были «ратные люди, вышедшие из Речи Посполитой искать в Московии военного счастья и добычи»¹²⁷. Под его знамена пришли и такие знаменитые личности, как Лисовский, Ян Сапега, родственник известного нам Льва Сапеги.

Осенью 1607 года Лжедимитрий II, набрав трехтысячное войско, двинулся на Москву. Нерешительность Шуйского, общая дезорганизованность, дала возможность «вору» подойти к близким подступам Москвы. В 15 верстах северо-западнее Москвы, в селе Тушино, интервенты построили свой укрепленный лагерь. Открыто штурмовать столицу захватчики не решались, хотя у них для этого было достаточно сил. Лжедимитрий II и сопровождавшие его поляки хорошо помнили тот прием, который оказали москвичи прежнему авантюристу. Столицу Русского государства интервенты решили взять блокадой. Для этой цели они перерезали главнейшие дороги, соединявшие Москву с жизненными центрами страны. Блокирование столицы было поручено Лисовскому, Сапеге и Хмелевскому. План «вора» всецело не осуществился: Хмелевский в районе Коломны был разбит Д. М. Пожарским, а «соединение тушинских отрядов у Коломны не удалось и полная блокада Москвы не осуществилась»¹²⁸.

Страясь военной силой поддержать вновь появившегося авантюриста, интервенты иными мерами стремились укрепить положение своего агента.

На сцену вновь появляется Марина Мнишек, которая признала «тушинского вора» своим мужем и тайно была повенчана с ним одним иезуитом. В ее лице римский папа вновь возлагает надежду окатоличить Россию. Для этой цели в Польше иезуитами был составлен наказ «для введения унии в Московском государстве»¹²⁹. В нем указывалось, как Лжедимитрий II по своем воцарении дол-

жен осторожно вводить русских людей в лоно Римской церкви. По иезуитскому плану мысль об унии должна исходить не от царя, а как бы от самих русских, для чего католикам и униатам, окружавшим царя и царицу, в глазах светских лиц, необходимо было понять православное духовенство. Они должны были среди русского духовенства возбуждать ненависть между белым и черным духовенством, обещая монашествующим — льготы, а белому — их достоинства. Католики должны были стараться, чтобы русские порвали связь с греческой патриархией, удалили опасных лиц, греческих монахов и протестантов. В целях более усиленной пропаганды католичества в России необходимо открыть Семинарии с католическими учителями, молодых русских людей отправить для обучения в Вильну, Италию, Рим, «где нет отщепенцев»¹³⁰. Московским жителям разрешить присутствовать при совершении католического богослужения; в Москве построить костел. В свиту царя принимать только таких лиц, которые всецело будут содействовать распространению унии среди русских, особенно из среды высшего духовенства, которых всегда сам царь назначает в места управления. Царские приближенные должны непременно быть сами склонны к унии.

Все эти и другие меры и средства должны применяться крайне осторожно и постепенно, чтобы не возбудить подозрения среди русского народа. При царе вначале должно быть самое малое число католиков; письма, относящиеся к унии, особенно из Рима, должны отправляться тайно. Католики должны быть осторожными в беседе с русскими, потому что преждевременное раскрытие секрета может погубить все дело. Когда будет подготовлена почва для насаждения унии, тогда царь пусть издаст закон о подведении всего под постановления соборов и отцов греческих и поручить исполнение этого закона своим сторонникам. Все эти действия приведут к тому, что поднимутся ссоры, дело дойдет до царя, который явится как бы при-мирителем, посредником между враждующими. Он созвет собор, тогда, с Божией помощью, к вопросу об унии можно и приступить.

Но Лжедимитрию II — «тушинскому вору» — не суждено было этот иезуитский наказ претворить в жизнь. Русский народ не допустил его в сердце своей Родины — в Москву, и он со своим иезуитским планом находился в Тушино до тех пор, пока его не разбил М. В. Скопин-Шуйский.

В это тяжелое, бедственное время для отечества в защиту национально-государственных интересов выступил патриарх Гермоген.

Еще после совершенного майского переворота 1606 г., когда был вместе с самозванцем низвергнут и патриарх Игнатий, собор рус-

ских епископов избрал патриархом митрополита Казанского и Астраханского Гермогена. Зиля 1606 года Гермоген стал всероссийским патриархом. В тяжелое время святитель вступил в управление русской церковью. С воцарением Шуйского и уничтожением самозванца Лжедимитрия I идея самозванщины не была уничтожена. «Достаточно было однажды возбудить и взволновать умы именем близким сердцу народа, чтобы беспрестанно являлись новые самозванцы и новые изменники, с которыми тщетно боролся Василий в четырехлетнее свое царствование»¹³¹.

Находясь на патриаршей кафедре, Гермоген заслужил от современников славу «твердого аманта», «непоколебимого столпа веры». Его высокая личность производила могущественное влияние на современников. Внимательно наблюдая за политическою жизнью страны и исходя из твердого убеждения, что беспорядки в Москве разлагающие отражаются на состоянии всего русского государства, святитель пришел к выводу, что только при крепком государственном управлении будет сохранена государственность, нация и православие, почему он так основательно защищал правительство своего времени. Он действовал не в интересах «злосчастного венценосца на престоле» — Шуйского, а в интересах государственных.

Когда Московское правительство В. Шуйского потеряло уверенность в своих силах, «в эту-то роковую минуту, наоборот, обнаружил великую силу духовную и мужественное самообладание «начальный человек русской земли» — патриарх Гермоген. Отлично понимая, что враги спокойствия государства сильны не правою и даже не уверенностью в спасении от смерти Лжедимитрия, а главным образом, греховною, нравственною и политическою распущенностью, объявшую народ русский, он, прежде всего, направил мысль и сознание народное на покаяние пред Богом¹³².

С этой целью патриарх Гермоген призвал народ к трехдневному посту и покаянию, разослав по городам грамоты, призываю народ постоять за веру и отечество. Призыв святителя упал на добрую почву народных сердец, и многие люди пошли в Москву спасти свое отечество от появившихся авантюристов. Расстроенный государственный организм первосвятитель российский обновляет новым патриотическим выступлением — устройством всеобщего народного покаяния в Московском Успенском соборе, куда был вызван страдалец за отечество, слепец — патриарх Иов. По призыву патриарха Гермогена московские жители заполнили Успенский собор, но многие стояли и вне его. Патриарший диакон читал послание, в котором народ каялся в своих клятвопреступлениях.

Народ умолял первосвятителей российских простить их согрешения. Подъем религиозных и патриотических чувств народа от этого действия был громадный. Вопль покаяния потрясал своды и обильные народные слезы орошили плиты Успенского собора. Не эти ли народные слезы вдохновили святителя Гермогена на его дальнейшую патриотическую деятельность? Там, где льются слезы при мысли об отечестве — там еще не все потеряно, там еще есть у народа место для святых героических подвигов во имя своей Родины. Народ полюбил московского святителя, и «он теперь стоял выше всех на Руси. При твердости религиозных и патриотических убеждений патриарха, непреклонности его характера и силе авторитета, он поистине теперь духовно царил над всем московским государством»¹³³. Казалось, что московские жители успокоились, и буря волнений окончилась. Но ожидания правительства не сбылись, и трон Шуйского вновь зашатался при известии о появлении Лжедимитрия II.

Правильно оценивая значение применения решительных мер в подавлении беспорядков и понимая, какое важное значение имеет присутствие царя среди войска, первосвятитель призывает Шуйского, чтобы он сам выступил против самозванца. Медлительность Шуйского дала возможность новому авантюристу укрепиться в Тушине. Беспорядки вновь с новой силой стали волновать родное отчество. Поляки, как хищные звери, терзали государство; иезуиты направили свой удар на православную веру, готовя Московской Руси ту же горькую участь, что и юго-западной униатской Руси. Слабость правительства привела к тому, что многие бояре стали служить и тушинскому «царику» и московскому «полуцарю» — Шуйскому, впрочем, кому выгоднее. Среди этих беспорядков вновь выступил патриарх Гермоген. Святитель видел, что ожидает Русское государство от политических неурядиц, и он, со своей стороны, употреблял все зависящие от него средства, чтобы поддержать и спасти от гибели родное отчество. Имея только духовные средства, он предписывает духовенству собирать пожертвования на защитников Москвы; рассыпает во все концы отечества грамоты к народу, призывая его снаряжать и вооружать ополчения и присыпать их в Москву¹³⁴.

Но в это бедственное время что может сделать один человек, когда пламя раздора охватило все слои русского населения!

Время шло, и положение Шуйского все более и более ухудшалось. Успехи «тушинского вора», с одной стороны, и медлительность и малодушие царя Василия — с другой, явились причиной появления толпы мятежников, которые требовали свержения «полуцаря». Но

важным препятствием в исполнении задуманного плана являлся патриарх Гермоген. В разгаре своих страстей мятежники ворвались в Успенский собор, где святитель совершал богослужение, требуя, чтобы оншел вместе с ними на Лобное место судить царя. Святитель ответил им отказом, и мятежники, забыв святость места, силою потащили патриарха, издеваясь над ним по дороге. Но насилие не склонило мужественного защитника на сторону мятежников. Напрасно они требовали подтверждения Гермогена, что Шуйский избран незаконно, одной Москвой, что из-за него льется кровь, и он виновник мятежей, распрай и самозванцев. Мятежники кричали, что они хотят избрать нового царя. В ответ на заявление мятежников первосвятитель российский сказал следующее: «Дотоле, Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков, и некоторые города не указывали, а указывала Москва всем городам»¹³⁵, тем самым, подчеркивая значение Москвы в жизни всего государства. «Вы восстаете на Бога, — говорил он, — и против всего народа христианского, вы хотите веру святую обесчестить, царству и людям беду великую сделать... наперед в такой вражде вашей к нам не обращайтесь, потому что совет ваш — вражда на Бога и погибель царству»¹³⁶.

Грозные слова святителя произвели ошеломляющее действие на мятежную толпу. Народ безмолвствовал. Спокойно и величаво направился патриарх в свои покои, а народ стал расходиться. Видя безуспешность своей агитации, изменники отечества бежали к «тушинскому вору».

Являясь добрым пастырем и стражем христианских душ, в целях умиротворения отечества патриарх Гермоген пишет два красноречивых послания ко всем русским людям, находящимся в тушинском лагере врагов. Эти грамоты первосвятителя — вопль больного сердца за истерзанную Родину. Своим задушевным словом он призывает русских людей опомниться, оставить врагов, сжалиться над страдающим отечеством.

«Бывшим православным христианам всякого чина и возраста же и сана, ныне же грех ради наших, сопротивно обретеся, не ведаем как вас и называть»¹³⁷, — пишет святитель в одной из своих грамот. — «Не достает ми слово, болезнует ми душа, болезнует сердце и вся внутренняя утерзается и вся составы мои содрогают, и плачуся, глаголю и рыданием воплю: помилуйте, помилуйте, братья и чада единородныя, возникните и вразумейте и возвратитесь!.. Вспомяните, на кого воздвигаете оружие, и не на Бога ли, сотворившего нас? Не свое ли отечество разоряете?»¹³⁸. Так святитель страдал за бедствующее отечество.

В другой грамоте патриарх Гермоген призывает народ подражать своим предкам, которые ценою своей крови собирали и укрепляли свое отечество, не разоряли его, а с мужеством и геройством всегда защищали свое государство: «Отцы ваши не токмо к московскому царству врагов своих не припущали, и сами морские отоки, в дальнюя расстояния и в незнаемые страны, яко орли острозрящие и быстролетящие, яко на крылах паряще, и вся под руку покаряху Московскому государю царю, и тому свидетели вы сами»¹³⁹.

Внимая отеческому святительскому призыву, некоторые русские люди, ушедшие в Тушину, стали возвращаться в Москву. Так, по свидетельству С. Кедрова, возвратился князь Гагарин — зчинщик заговора 25 февраля. Он всенародно объявил в Москве о том, «чтобы русские люди не прельщались тушинским “царем” он прямо истинный “вор”, и завод весь литовского короля, который хочет попрать православную веру»¹⁴⁰.

Таким образом, святительский голос патриарха, исполненный патриотического энтузиазма, не остался «гласом вопиющего в пустыне» среди неурядиц рассматриваемого нами времени. Воодушевленные слова первосвятителя вдохновляли русских людей на борьбу с иноземными захватчиками.

Энергичными помощниками первоиерарха в его патриотическом выступлении были и другие русские иерархи. История сохранила для будущего поколения их имена. Вот эти светлые личности — сподвижники патриарха в его борьбе против «тушинского вора». Казанский митрополит Ефрем, удержавший свою паству от целования креста Лжедимитрию II. Тверской епископ Феоктист в начале движения «тушинского вора» к Твери оказал ему мужественное сопротивление, но впоследствии был взят в плен и доставлен в тушинский лагерь, откуда при попытке к бегству был убит сторонниками авантюриста¹⁴¹. Сузdalский епископ Галактион скончался в изгнании. Коломенский епископ Иосиф, пострадавший при первом самозванце, был взят в плен тушинацами и ими привязан к пушке для устрашения своих противников. Епископы Геннадий Псковский и Сергий Смоленский всячески старались удержать своих пасомых в повиновении законному русскому правительству. Новгородский митрополит Исидор удерживал новгородцев от измены правительству Шуйского и перехода на сторону «тушинского вора»¹⁴². «Все это были истинные герои, которые вслед за патриархом, по его указанию и примеру самоотверженно выступили пред мятежным народом на спасение отечества. И многие из них жизнь свою положили за землю родную, умерли изгнаниками и страдальцами»¹⁴³.

Из всех русских иерархов рассматриваемой нами эпохи, в иных условиях пришлось служить родине Ростовскому митрополиту Филарету (в миру Феодор Романов), нареченному тушинскому патриарху. В ноябре 1606 г. митрополит вступил в Ростовскую кафедру, но недолго пришлось ему управлять Ростовской митрополией. «В тушинском лагере, однако, знали, что этот человек не был из числа лиц, искренно преданных Шуйскому, — писал Костомаров. — Филарета нужно было достать. Прежде послали ему увещания. Он не принял их. Тогда решили достать его силою»¹⁴⁴. В октябре 1608 г. один из отрядов польских интервентов, осаждавших Троицкую лавру, вместе с переяславскими воинами выступил к Ростову. Услышав о приближающейся беде, ростовские жители со слезами умоляли своего владыку скорее покинуть их город и уйти в Ярославль. «Он же государь великий, — по свидетельству летописца, — аки столп непоколебимый, приводяще людей Божиих на то, чтобы стояли за веру истинную христианскую и за государство по крестному целованию, чтоб стать против тех злодеев, и многими словами утверждаше глаголя: аще мы побиты будем от них, и мы от Бога приемем венцы мученические»¹⁴⁵.

Невзирая на такие слова, ростовские жители продолжали просить его покинуть их город, которому грозит разрушение. Мужественный архипастырь таким отвечал: «Я хочу подражать своему Учителю и не желаю быть наемником, а настоящим пастырем врученных мне овец, и за них положу душу свою»¹⁴⁶.

Видя такое решительное действие своего митрополита, часть жителей осталась с ним, а другие, малодушные, убежали в Ярославль. С оставшимися жителями Филарет Никитич облачился в святительские ризы, сам причастился и причастил всех находившихся с ним, заперся в соборном храме, ожидая своей участи. Польские интервенты захватили Ростов и, грабя и уничтожая его, наконец подошли к соборному храму. Осаждавшие стали ломать двери, и, видя невозможность защищаться, святитель решил подействовать на русских изменников-переяславцев силою своего слова. Он приказал открыть двери и вышел к ним с символами мира — хлебом и солью. Филарет Никитич призывал их во имя православной веры оставить интервентов и сохранить свою верность правительству Шуйского. Но его речь не имела успеха. В церковных дверях произошла битва, которая закончилась тем, что митрополита схватили, сорвали с него архиерейское облачение, одели его в изношенные одежды и в татарскую шапку, посадив на воз с какою-то пьяною женщиной, повезли к «тушинскому вору»¹⁴⁷.

Так описывают летописные источники о пленении Ростовского митрополита Филарета Никитича. В таком жалком виде митрополит был доставлен в тушинский лагерь, где его Лжедимитрий II встретил очень ласково и «нарек его патриархом, подарив ему богатую святительскую ризу»¹⁴⁸.

Этот «милосердный» акт «тушинского вора» по отношению к митрополиту Ростовскому в своем труде по русской церковной истории так объясняет Преосвященный Макарий: «Самозванец действовал под влиянием поляков или литовцев: ибо только в литовской митрополии существовал обычай, что святители, назначаемые государем на ту или другую кафедру, назывались сперва «нареченными», пока кафедра та была еще занята другим иерархом, или пока они сами не были посвящены, а в Руси Московской такого обычая не было никогда»¹⁴⁹.

Совсем иную точку зрения на «наречение» Филарета в патриархи высказывает Смирнов в своем исследовании. Он пишет: «Причиною этого не была ли польская инструкция самозванцу, в которой, между прочим, были такие пункты: не нужно много хлопотать о титуле императора и потому, что для принятия его необходимо новое венчание, которое патриарх совершить не может, предложить вопрос об отношении патриарха Московского к Византийскому — откуда его власть раздавать должности людям, приверженным к унию. Особенно высшее духовенство должно быть за унию, оно должно руководить народ к предположенной цели, а это в руках его царского величества»¹⁵⁰.

Таким образом, это была новая попытка ватиканских агентов привести русский народ к подножию апостольского престола. В таких своих коварных целях они и решили использовать врага Шуйского — Филарета Никитича, дав ему сан патриарха. Это было уже заранее изложено в их наказе Лжедимитрию II, рассмотренному в нашей работе. Но эта попытка агентов Ватикана не имела успеха, и по замечанию Авраамия Палицына, «... Филарет, разумен сый, и не преклонися ни на десно, ни на шуе, но пребыть твердо в правой вере»¹⁵¹.

Итак, в лице пленного митрополита самозванец встретил сильного противника своим интересам и стойкого борца за свою родину и православную веру. Летописные источники по-разному освещают пребывание Филарета в тушинском лагере. Так, одни из них признают его пленником «царя Димитрия Ивановича», а другие обвиняют его в добровольном служении Лжедимитрию II. Принимавший сам непосредственное участие в тяжелых судьбах

родины патриарх Гермоген, упоминая в своих грамотах имя Филарета, называет его не изменником, а пленником. «А которые взяты в плен, как и Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но чужею, и на христианский закон не стоят и крови православных братий своих не проливают, на таковых мы не порицаем», — писал Гермоген¹⁵².

Из вышеприведенных слов патриарха Гермогена ясно, что он (очевидец всех событий) не осуждал митрополита Филарета за его нахождение у «тушинского вора», тогда как некоторые из его современников совсем иначе смотрели на его поступок. Интересно об этом пишет Смирнов в своем исследовании, говоря: «Патриарху незачем было бы защищать правоту пленных, если все так смотрели на попавших в Тушино нуждою, как смотрел сам он; незачем было бы упоминать, что таковых мы не порицаем, если бы не было порицающих»¹⁵³.

Таким образом, по замечанию проф. Платонова, «... заявлениям Гермогена русские люди позднейшего времени охотно давали веру: трудно было подозревать в добровольном служении “вору” того иерарха, который при первой возможности отстал от “вора”, желал на Московский престол Владислава и, возвратясь в Москву из Тушина весной 1610 года, стал затем в рядах правительства, безусловно враждебного “вору”»¹⁵⁴.

Итак, патриарх Гермоген и с ним «русские люди позднейшего времени» считали Филарета Никитича пленником «тушинского вора».

Подобно современникам митрополита Филарета, наши отечественные историки также различно смотрят на его пребывание в тушинском лагере. Преосвященный Макарий, С. М. Соловьев в своих трудах говорят только о его пленении, а факт «наречения» патриархом называют унизительною почестью¹⁵⁵.

Костомаров пишет, что митрополит Филарет признал самозванца, обвинил его в том, что он «не обличил пред всеми “вора”, хотя прежнего Димитрия он знал лично очень хорошо и никак теперь не мог ошибиться... Но в Тушине все-таки побаивались Филарета, не доверяли ему и подстерегали за каждым его словом и мановением. Было отчего. Признав первого Димитрия и получив от него милости, он потом служил Шуйскому; открывал моши младенца Димитрия, теперь же служил второму Димитрию и, конечно, не мог быть ему столько же предан, сколько сам ему был нужен. Тем не менее, именем новонареченного патриарха писались грамоты, и признание Филаретом Димитрия усиливало доверие и расположение к этому новому Димитрию»¹⁵⁶.

Но это мнение Костомарова ясно опроверг Смирнов. «Филарета Никитича, — пишет он, — обвиняют и говорят, что признание его Дмитрием “царика” усиливало доверие и расположение народа к новому самозванцу. Мы не можем согласиться с таким мнением. Нам, во-первых, ниоткуда неизвестно, чтобы Филарет Никитич признавал истинного сына Ивана Грозного в первом ли или во втором самозванце; но всякому было известно, что он открывал моги убитого царевича в Угличе. Да и могли в мнении народном митрополит стать выше царя Шуйского и патриарха Гермогена своим признанием? Его голос заглушали в то время грамоты из Москвы против “тушинского вора”. В митрополите скорее видно пассивное отношение к тому, что вокруг него делалось, и напрасно приписывать наплыв русских к “царику” именно Филарету Никитичу. Мы знаем, что не всегда и не во всем он был свободен, живя в Тушине, хотя иногда и действовал в качестве патриарха»¹⁵⁷.

Смысл пассивного отношения Филарета Никитича ко второму самозванцу в Тушине раскрывает и наш исследователь проф. Платонов. Он говорит, что «нареченный патриарх» не намеревался преклоняться ни перед «вором», ни перед Шуйским, но терпеливо выжидал, во что выльется эта борьба. Он не пожелал купить себе свободу тем методом, которым решил воспользоваться Тверской архиепископ Феоктист, который был убит ворами «на пути ко царствующему граду в бегстве». Когда ясно было видно, что скоро наступит конец царствованию Шуйского, то Филарет отошел от «тушинского вора» и вступил в переговоры с королем. Таким образом, если только возможно вообще характеризовать поведение Филарета, оно скорее всего заслуживает названия оппортунизма и “политики результатов”¹⁵⁸. Так разрешен вопрос о взаимоотношениях между Филаретом Никитичем и «тушинским цариком» в нашей исторической литературе.

Самоотверженный призыв святителей вдохновил русский народ на героическую борьбу за освобождение своей Родины. Призыв духовенства объединил разъединенные враждой и ненавистью народные силы и, как говорит летописец, «учинилось нечаемое отцем отец, боголюбивый патриарх Гермоген стал за православную веру, несомненно и не убоясь смерти; он призвал православных крестьян, укрепил и за веру православную всем велел стоять и помереть»¹⁵⁹.

Действительно, совершилось великое дело: во всей своей моги выступал исконный народный патриотизм, объединенный в народ-

ное ополчение под знаменами М. В. Скопина-Шуйского. «Умрем за дом Божией Матери, за православную веру», — разносились возгласы по обширной русской земле.

Итак, по меткому выражению нашего историографа проф. Платонова: «... восстание против “вора” началось сразу во многих местностях». Поднялась на тушинцев Устюжна Железопольская, Галич, Кострома, Вологда. Изыскивались средства для борьбы, собирались люди, вырабатывался план действий, крепло национальное чувство, осмысливались политические и социальные отношения, словом, подготовлялся подъем народных сил для борьбы со смутою¹⁶⁰.

Как было выше сказано, вождем восстания стал Скопин-Шуйский. В середине 1608 г. он был отправлен царем Василием в Новгород, чтобы заключить союз со шведским королем Карлом IX. Шведский король давно стремился вмешаться во внутренние дела русского государства, чтобы во время раздоров захватить себе лучшую часть русской земли. Этот «благородный» момент наступил в союзе двух государств. Противником этого союза вновь выступил патриарх Гермоген. Своим проницательным умом он предвидел последствия этого союза и раскрывал пред Шуйским весь вред для государства от этого сближения с западным соседом. Он понимал, что шведы, оказав помощь, почувствуют себя хозяевами Русского государства и будут вмешиваться во внутренние государственные дела. Проницательность ума не обманула первосвятителя. Шведы, почувствовав себя хозяевами севера, оккупировали Новгород, заставляя его жителей присягнуть в верности шведскому королю. С Новгорода они стремились распространить свою власть на все Русское государство. Долго Новгород страдал под тяжелым оккупантским игом интервентов.

Народное ополчение, возглавляемое Скопиным-Шуйским, одерживало победу за победой над поляками и тушинцами, очищая дорогу к столице отчизны — Москве. Под ударами ополченцев «тушинский царь» бежал в Калугу, и 2 марта 1610 г. москвичи торжественно встречали своего освободителя — Скопина-Шуйского. Но не долго продолжалась радость русских людей. Эта новая победа царя Василия, по выражению автора «Очерков», «оказалась столь же мимолетной»... Король Сигизмунд открыл военные действия под Смоленском, и для Московского государства стала неизбежна борьба с новым врагом¹⁶¹. Народ обратил свой взор вновь на своего героя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, ожидая от него дальнейших указаний для борьбы с новым врагом. Хотя он и решил после весенней распутицы идти на врага, но ему не суждено было исполнить эту

великую миссию для родного государства. 23 апреля 1610 года на одном крестильном боярском пиру он умер.

Безвременная смерть народного героя вновь явилась причиной государственных беспорядков. Со смертью Скопина-Шуйского были сочтены и дни царствования Василия Шуйского, так как народная молва в гибели героя обвиняла царя Василия. 17 июля царь Василий Шуйский был насильно пострижен в монахи и царствование княжат окончилось.

Оценивая патриотическую деятельность русского духовенства в царствование Шуйского, можно сказать, что оно боролось не за Шуйского, а за интересы родного Отечества. И в этом их заслуги перед русским государством в этот период царствования.

Глава 5

Значение Троицкой обители для Русского государства. Ее грамоты. Начало осады Лавры польскими интервентами. Бедствия осажденных. Обвинение в измене Голохвастова и Девочкина. Видения преп. Сергия и Никона. Освобождение Лавры. Авраамий Палицын и его деятельность в рассматриваемую эпоху. Дионисий Зобниковский и его заслуги перед Родиной. Переход Польши к открытой интервенции. Осада Смоленска. Переговоры тушинцев с Сигизмундом. Их требования. Участие митрополита Филарета в переговорах с польским королем. Низложение Шуйского.

Обитель преп. Сергия всегда играла важную роль в жизни русского государства. В эпоху Лжедимитрия II святой обители суждено было стать оплотом православия с северной стороны Московского государства. В этот период ее насельники крепко отстаивали государственные интересы своего бедствующего отечества пред польскими оккупантами Сапегой и Лисовским. Летописец Авраамий Палицын в начале 17-го века так писал о значении Троице-Сергиевой Лавры в царствование Василия Шуйского: «Велика же тогда польза царьствующему граду бысть от обители чудотворца Сергия ради святых его молитв: иже бо к морю на полночь живущии людие на краех Студеного моря окияна к царьству всяк промысл возвещают и способляют. От Великого бо Новаграда и от Вологды и по Двине реце до моря и на восток вся Сибирская земля и яже за него вси способствоваху к Москве. Тако же и от Нижегородских земли и от Казани вси безизменно служаще и с тех всех прежереченных мест, егда кому некуды минути, то вси во обитель чудотворца притекаху».

Тогда же в той велицей Лавре архимандриту Иасафу и келарю старцу Авраамию Палицыну, и с прочими доброхотствующими к царьствующему граду, со всем усердием велико тщание о сем показуяще. И велик промысл бываше от обители чудотворца всем людем, к Москве правящим во всяких нуждах и в провожениих; и всяку весть там подаваху и от них восприемляху, себе убо соблюдающе и тех сохраняюще, до конца монастырскую казну истощеваху»¹⁶².

Таково было религиозное и материальное значение св. обители для Русского государства. Во времена Лжедимитрия II Троицкая обитель стойко защищала централизованное правительство своего государства, о чем свидетельствуют тушинцы.

«Иноки Троице-Сергиево монастыря, — писали сторонники «тушинского вора», — наипаче же повсюду имеют многи советники и вся грады развращают, служаще сим и любящие сих; и всех всяко укрепляют, еже не покорятися твоему величеству и не бреши о тво-

ем благородии, но служити учат царю Шуйскому. Печатлеют же всяко писание с лестми глаголюще: «Да сохранят убо вас всегда молитвы великих чудотворцев Сергия и Никона»¹⁶³.

История не сохранила до настоящего времени содержания «писаний» Троице-Сергиевских насельников, но предполагается, что были такие грамоты, которые в тяжелый момент «междуцарствия» сыграли важную роль в деле спасения родного отечества от польских интервентов.

Троицкая обитель, являясь важнейшим центром в религиозно-нравственном отношении, также имела громадное стратегическое значение, — она находилась на важном торговом пути, соединяющем Москву с Заволжьем. По этому торговому пути происходила доставка продовольствия в Москву. Вот почему польские оккупанты Сапега и Лисовский решили его пересечь, взяв твердыню севера — Троицкий монастырь, и тем самым блокировать всю столицу.

23 сентября 1608 г. Сапега с Лисовским подступили к стенам монастыря и началась его продолжительная осада. В обители находилось около 300 человек братии, гарнизон войск под командованием воевод Голохвастова и Долгорукова и местные крестьяне, которые укрылись от интервентов за ее крепкими стенами. Интервенты мечтали быстро расправиться с осажденными, но они встретили мужественное сопротивление. Милостями, убеждениями и угрозами польские паны призывали сидельцев сдать обитель, но их обещания были напрасны. Защитники помышляли «не о том, передаться ли “царю тушинскому” от царя Московского, но о том — предать ли гроб великого чудотворца на поругание врагам православной веры»¹⁶⁴, и они стойко защищали драгоценную святыню своей обители. Интервенты многократно штурмовали Лавру, но ее насельники мужественно отбивали их нападения. Видя бесполезность штурма обители, осаждавшие писали грамоты к осажденным, призывая последних покориться Лжедимитрию II. Лаврские сидельцы на их грамоты отвечали так: «Да ведает ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо — православных христиан. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света, и преложить ложь на истину; как же нам оставить вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими патриархами? Или какое приобретение оставить нам своего православного государя царя и покориться ложному врагу и вам Латыне иноверной...»¹⁶⁵.

Этот ответ осажденных лишний раз показывает, как инохи Троицкой обители защищали национально-государственные интересы и православную веру своего Отечества.

16 месяцев интервенты осаждали монастырь, но все их попытки взять обитель были безуспешны. За этот продолжительный срок много бедствий перенесли и Троицкие сидельцы. С наступлением зимы среди них стали появляться разного рода болезни, появилась цинга. Тяжелое положение осажденных привело к тому, что в измене стали обвинять монастырского казначея Иосифа Девочкина и воеводу Алексея Голохвастова¹⁶⁶.

«Нет возможности, — говорит Костомаров, — добраться до истины, справедливо ли подозревали в измене этих лиц. Раздраженные беспрерывными и долговременными опасностями, среди болезней, тесноты, духоты, под непрестанным страхом смерти, люди всегда способны давать волю воображению и видеть друг в друге виновников своих бед»¹⁶⁷.

Несмотря на физические бедствия, «гроб каменный» продолжал стоять твердо и непоколебимо. Особенно осажденные полагались на небесную помощь своих покровителей: преп. Сергия и Никона. И по свидетельству Авраамия Палицына многим из осажденных являлись видения. Так, пономарь Иринарх видел преп. Никона.¹⁶⁸ Старец Иринарх во сне видел преп. Сергия, который предсказал о получении помощи от Василия Шуйского¹⁶⁹.

12 января 1610 г., опасаясь нападения Скопина-Шуйского, оккупанты сняли осаду с обители. Таким образом, твердыня Московского государства — Троицкая обитель — с честию выдержала испытания. Троице-Сергиев монастырь действовал в пользу родного государства, своими посланиями и грамотами призывая народ защитить православную веру и спасти отчество от польских оккупантов — друзей «тушинского вора». Своим мужественным стоянием защитники обители показали непоколебимый пример преданности родному отечеству и заставили иноземцев с позором отойти от монастырских стен. Успех обороны обители всецело зависел от несокрушимого мужества и самоотверженной любви к Родине самих обороняющихся.

Мужественный пример крепкого стояния Троицкой обители вдохновил на защиту национально-государственных интересов и другие монастыри русского государства. Так, Кирилло-Белозерский монастырь долгое время боролся с врагами отечества. Соловецкий монастырь материально помогал бедствующему своему государству. Устюжский и Архангельские монастыри посыпали в Москву

ратных людей. Но в это Смутное время многие монастыри были разграблены и уничтожены иноземцами.

В рассматриваемую нами эпоху видным ее деятелем был Авраамий Палицын. История не сохранила до настоящего времени подробных биографических данных этого старца. Он происходил из древнего рода Палицыных, вышедших из Литвы в 1373 году. Из этого рода происходил и Авраамий, в мире Аверкий Иванович. При царе Феодоре Ивановиче он подвергся опале; его имение было отобрано в пользу государства, а сам был сослан в заточение, но куда и по каким причинам, определенно ничего неизвестно. Исследователи его жизни предполагают, что опала Палицына тесно была связана с опалой Шуйского, которая произошла в 1587 году «вследствие замыслов против Годунова»¹⁷⁰. До воцарения Шуйского он жил простым монахом в Соловецком монастыре. Только с приходом к власти Шуйского Палицын становится келарем Троице-Сергиева монастыря. И с этого времени в жизни Авраамия наступает новая эпоха. До своего избрания на этот высокий пост он был мало кому известен, но со своим возвышением Палицын становится почетным и могущественным старцем.

Знаменитая деятельность Авраамия Палицына в пользу отечества начинается со времени осады поляками Троицкого монастыря. В это бедственное для монастыря время он находился в Москве, управляя монастырскими вотчинами. Как только до него дошло известие о замышлявшейся измене Голохвастова и Девочкина, келарь писал инокам, чтобы они помнили свое крестное целование и стояли храбро и непоколебимо против иноверных. Ясно представляя тяжелое положение осажденных, Палицын обращается к Шуйскому с просьбой послать небольшое воинское подкрепление Троицкому гарнизону. В это время Москва находилась под ударами тушинского «царика» и Шуйский не мог послать помочь монастырю. Но Палицын действовал энергично, склоняя на свою сторону влиятельных лиц в государстве — бояр, патриарха. Им он говорил: «Если теперь не окажать помощи монастырю, то через месяц много, как обитель будет взята». Прискорбный конец осады мог печально отразиться на всем русском государстве, почему, в особенности, патриарх Гермоген, как говорит Палицын, успел разъяснить Шуйскому о необходимости послать помочь осажденным. Сознавая значение обители, как охранительного пункта на севере, задержавшего здесь разлив тушинского восстания, патриарх Гермоген сказал царю, что, если враги возьмут Лавру, то и весь предел северной Руси погибнет; тогда и Москве настанет конечная теснота¹⁷¹. Убежденный политическим доводом свя-

тителя, Шуйский послал помочь осажденному монастырю – 60 человек казаков под командованием атамана Сухова-Останкова.

Энергичное участие принимал Авраамий Палицын и в московских событиях. Положение Москвы было тяжелое. Блокированная «тушинским вором» и польскими оккупантами, столица чувствительно переносила недостаток в продуктах питания, так как главные магистрали, по которым шла доставка продовольствия, были отрезаны врагами. В эту-то критическую минуту для Москвы и выступил Троицкий келарь. Когда местные хлеботорговцы, пользуясь критическим положением, стали продавать хлеб по повышенной цене, Палицын открыл монастырские житницы и продавал хлеб по весьма низкой цене¹⁷². Это мероприятие Авраамия было рассчитано на то, чтобы сорвать расчеты местных хлеботорговцев. И, как говорит автор «Сказания», «паки бысть радость миру и болезнь житопродавцем»¹⁷³.

Такова общественная деятельность Авраамия Палицына в царствование Шуйского. Всеми зависящими от него средствами, грамотами, материальной помощью он помогал своему страдающему отечеству в период польской интервенции при Лжедимитрии II.

В это же бедственное время достойным защитником национально-государственных интересов явился другой представитель Троицкой обители – Дионисий Зобниковский. Дионисий происходил из неизвестного рода. Родиной Давида (Дионисия) был Ржев, откуда семи лет он был отдан родителями учиться в Старицкую монастырскую школу. По окончании Старицкой школы он принял священство. Шесть лет Давид исполнял подвиг пастырского служения. Со смертью своей жены и двух детей он удаляется в Старицкий монастырь, где принимает пострижение с именем Дионисия. Среди монастырской братии Дионисий выделялся своей внешней красотой, но при этом он имел «голос дивен: вси бо слышащии глас его поюща или чтуща веселяхуся сердцы, и радовахуся душами, сладкому гласу его удивляющеся»; «аще и тихо слово от уст испущаше на чтении, но и в задних углех и в притворех простирашеся глас его, и ничых ушей не минуя, всеми явно слышан был»¹⁷⁴. Примерная жизнь, его начитанность в богословских книгах скоро выдвинули на высокий пост Дионисия. В 1605 году братия Старицкого монастыря выбрала его своим архимандритом, и с этого времени началась его патриотическая деятельность.

Этот год был тяжелым годом для Московского государства. На престоле Рюриковичей восседал самозванец, который удалил всех сторонников Годунова. В Старицкий монастырь был сослан

патриарх Иов. В своей обители архимандрит Дионисий сблизился с первоиерархом русской земли, от которого он получил много полезного . Так постепенно Промысел Божий подготовлял Дионисия к великому служению своей Родине. Мрачные дни самозванчины миновали, и на колеблющийся царский престол вступил Василий Шуйский. В его царствование для разрешения клятвопреступлений в Москву был вызван страдалец за русскую землю, слепой патриарх Иов. Вместе с ним отправился и Старицкий архимандрит Дионисий. Может быть здесь, в покаянной торжественной обстановке Успенского собора произошло знакомство Дионисия с патриархом Гермогеном, который впоследствии так сильно полюбил Старицкого архимандрита и сделал своим помощником. Как только появился второй самозванец, Дионисий, вместе с патриархом Гермогеном, защищает свое отчество, призывая народ оставаться верным своему правительству¹⁷⁵. Любовью к родине он был проникнут и во время совершения церковных служб. Его усердие к церковным службам было так велико, что сам патриарх удивлялся его бодрости. Святитель Гермогенставил Дионисия в образец своей пастве. «Зрите, — говорил он, — на Старицкого архимандрита, как он сподвижаясь, от соборных церкви никогда не отлучается»¹⁷⁶. Дионисий всегда находился с патриархом, помогая ему своею деятельностью. Так 23 февраля 1609 года, когда агенты «тушинского вора» возбудили народ, чтобы свергнуть Шуйского, Дионисий «ни мало отступи от патриарха, но умолял народ от божественных писаний... Якоже мнози о сем самовидцы свидетельствуют, дивящиеся многому дерзновению и разуму его, от инех — же и писанием известихся»¹⁷⁷.

Следовательно, еще являясь Старицким архимандритом, преподобный Дионисий показал себя патриотом отечества, которому так дорога мирная жизнь родины. Охранителем отчизны он показал себя и тогда, когда стал Троицким архимандритом, призывая народ в своих грамотах объединиться и изгнать с родной земли польских интервентов.

Бедственное положение Московского государства в царствование Шуйского достигло своего предела, и его завершителем явился польский король Сигизмунд. Прекрасно осведомленный о политических событиях русского государства, о вражде бояр против Шуйского и непрочности тушинского «царика», он решил воспользоваться этими обстоятельствами, перейдя к открытой интервенции. Как говорит Костомаров, «... до сих пор Польша косвенно, через частных удальцов, вредила Московскому государству, теперь сам король

двинулся с войском и объявил себя против Шуйского»¹⁷⁸. Польские паны, вдохновляемые римским папой, перешли к открытой интервенции и вторглись в пределы русского государства. Теперь они не прикрывались никакими самозванцами. Провал стратегического плана тушинцев в захвате Москвы, разгром Скопинским-Шуйским войск Сапеги, Хмелевского и Рожинского во всей полноте показал польским заправилам, что добиться поставленных целей, при помощи «тушинского вора» им не удастся. Поэтому они и перешли к открытой интервенции, и «целью королевского похода было покорение Московского государства Польше, а не возведение на московский престол сына королевского»¹⁷⁹.

В сентябре 1609 года польский король Сигизмунд перешел русскую границу и подошел к Смоленску. Он послал грамоту воеводе Шеину, предлагая сдать город. На предложение о сдаче смольяне ответили, «что у них обет положен в дому у Пречистой Богородицы: за православную веру, за святые церкви, за царя и царское крестное целование всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться»¹⁸⁰.

Хотя в начале своего похода Сигизмунд III и обещал в своей грамоте смольянам сохранить православную веру, но, как говорит Соловьев, «трудно было полагаться на обещания самого Сигизмунда, который, уверяя смольян, что будет охранять их веру, в Польше объявил, что начал войну преимущественно для славы Божией, для распространения католической религии»¹⁸¹.

Получив отказ смоленского гарнизона в сдаче города, Сигизмунд приступил к его осаждению. В то время это была сильнейшая крепость, расположенная на левом берегу Днепра, которую было очень трудно взять. Осаджая Смоленск, Сигизмунд одновременно послал посольство в тушинский лагерь, надеясь привлечь на свою сторону те польские войска, которые находились у Лжедимитрия II.

В декабре 1609 года в Тушино прибыли королевские послы из под Смоленска. Они имели цель привлечь на сторону короля не только поляков, находящихся в тушинском лагере, но и русских людей, служивших «вору». Польское посольство имело большой успех. Когда они объявили московским людям, что король вступил в русскую землю не с завоевательными целями, а с намерением прекратить неустройство и кровопролитие и предотвратить набег на русскую землю татар и турок, и в подтверждение своих слов вручили им королевскую грамоту, извещавшую о целях похода Сигизмунда и о будущих милостях, — русские люди, находящиеся в Тушино, поверили его обещанию, но об одном они просили польского

короля — сохранить в неизменности православную веру. Так свидетельствовали о своем успехе среди русских пред своим королем польские послы.

Подлинный же текст ответа, который был дан польским послам, гласит: «Русские люди, благодаря короля за милостивое к ним обращение, представляли ему, однако, что при всем желании видеть на Московском государстве его величество с его потомством, они не могут решить столь важного дела без совета всей земли»¹⁸².

Таким образом, русские люди, в сущности, отвергли польское подданство. Но они вступили на другой важный политический путь: завели переговоры с Сигизмундом, чтобы он дал на русский престол своего сына. С этой целью русские тушинцы отправили в польский стан посольство, которое в середине января 1610 г. прибыло на место назначения. Вступая в переговоры с польским королем, русские предложили следующие условия, на основании которых мог бы Владислав, сын Сигизмунда, занять московский престол. Некоторые из условий таковы: будущий «русский» царь должен отречься от католической веры и принять православную веру и «чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкасновенною; чтобы учителя римские, люторские и других вер, раскола церковного не чинили»¹⁸³. Окончательно текст договора был редактирован 4 февраля 1610 г. и его сущность заключалась в следующем: чтобы Владислав неизменно соблюдал православие, обеспечил независимость русского государства и неприкасновенность национальной жизни.

Таким образом, с самого начала переговоров русские люди указывали королю Сигизмунду III «на неприкасновенность религии и государственного строя»¹⁸⁴.

В переговорах с польским королем участвовал митрополит Филарет, и невольно возникает вопрос, как же оценить и понять эту деятельность «нареченного патриарха»? Но, как было указано выше, вся деятельность Филарета в стане врагов сводилась к «политике результатов». В своем исследовании о митрополите Филарете, Смирнов так описывает его участие в переговорах с Сигизмундом: «Нельзя отрицать участие Филарета во всем этом деле как лица, занимавшего первое место, по крайней мере, формально, в ряду всех москвитян, бывших в лагере; но нельзя не заметить и той осмотрительности и осторожности, с какою он вел дело. Самовольный поступок послов, требовавших открытия немедленных переговоров о Владиславе, он ослабил своею грамотою к Сигизмунду, в которой признавал высшую над собою власть — общий голос народа в деле избрания нового царя. Он никак не хотел даже и в звании патриарха

Московского и всяя России без совета и полномочия от всего Московского государства и всего освященного собора брать на себя лично великую ответственность. Нужно думать, что его слово и совет, всегда осмотрительные в толпе бояр, бывших в лагере, не всегда были выслушиваемы, и тем не менее принимаемы во внимание. Формально, пред лицом Сигизмунда и польских сенаторов бояре выставляли Филарета Никитича на вид как патриарха, как руководителя делом; но в лагере — все были равны, или, по крайней мере, хотели казаться равными; всякий мог не уважать голоса и прав другого, хотя бы и высшего»¹⁸⁵.

Как человек рассудительный и политически развитый, митрополит Филарет видел, что Шуйский не в силах умиротворить страну и бороться при нерасположении к нему народа с таким сильным врагом, каким являлся Сигизмунд. Ему было ясно, к какому печальному концу может прийти борьба Шуйского с польским королем, вступившим в русские пределы с многочисленным обученным войском. Поэтому, не желая подвергать отечество еще большим опасностям, он согласился с избранием Владислава на царство. Оставляя по договору весь прежний московский уклад жизни и требуя от Владислава непременного соблюдения православной веры, Филарет Никитич, в сущности, не рисковал ничем. Впоследствии с этим планом Филарета согласился и патриарх Гермоген, которого в двое-дущий нельзя обвинить.

Между тем, таким актом русские отодвигали страшную опасность — оккупацию поляками всей русской земли, ибо по этому договору Сигизмунд должен был оставить свои захватнические планы — вывести свои войска с русской территории.

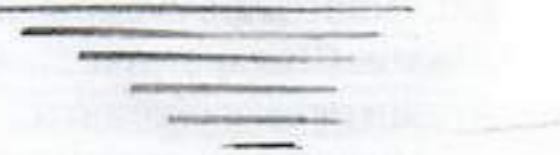
Может быть, это и был хитрый политический маневр со стороны русских, чтобы тем самым благополучно выйти из затруднительных обстоятельств, в которых находилось родное отчество. Впоследствии поляки действительно считали избрание несовершеннолетнего Владислава хитрым действием московских бояр, которые желали тем самым избавиться от войны с Сигизмундом.

Таким образом, митрополит Филарет по политическим соображениям соглашался на избрание Владислава на русский престол. Соглашаясь на избрание польского королевича, митрополит Филарет действовал не по своей вражде к Шуйскому. Летописные источники говорят о желании Филарета Никитича поддержать на шатающемся престоле «злосчастного венценосца». Так при первой попытке мятежников свергнуть Шуйского, Филарет, находясь в Москве, взошел на Лобное место и обратился к шумевшей толпе:

«Не прельщайтесь злым прелестным королевским листом, никако то истина быти не может, то мне самому подлинно ведомо то королевское злое умыщение над московским государством, хотя московское государство с сыном к Польше и Литве завладети, и нашу истинную непорочную христианскую веру разорити, а свою латинскую веру во всем московском государстве утвердити»¹⁸⁶. Но его голос не умиротворил толпу.

После смерти Скопина-Шуйского и Клушинской битвы участь Шуйского была решена. Польские интервенты и тушинский «царик» из Калуги двигались к Москве. Всем стало ясно — с царем Василием не спасти Родину. Пред москвичами встал вопрос, кого же из двух противников избрать в правители — Сигизмунда или «тушинского вора»? В пользу первого — говорили его грамоты, в которых он обещал успокоить русскую землю и прекратить кровопролитие. Тем более приверженцы «царика» обещали его покинуть, как только будет низвергнут Шуйский. Москвичи во главе с Захарием Ляпуновым 17 июня 1610 года низложили Шуйского. Он был пострижен в монахи.

С низвержением Шуйского русское государство вступало в период междуцарствия, начиналось правление «семибоярщины».



ЧАСТЬ II

ЗАСЛУГИ ПРЕД ОТЕЧЕСТВОМ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ ОТ НИЗЛОЖЕНИЯ С ПРЕСТОЛА ШУЙСКОГО ДО ВОЦАРЕНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА (1610 – 1613 г.)

Свержение Шуйского с престола не принесло спокойствия Русскому государству. Страшные тучи иностранной интервенции грозно нависли над истерзанной самозванцами родиной. До этого времени в государстве была хотя какая-нибудь власть, защищавшая национальные и государственные интересы. Теперь же Москва осталась без правительства. Государство – без главы, а народ – без руководителя. В это время кругом Москвы бродили алчные враги, ища слабое место, куда можно было бы нанести удар. И в этот тяжелый период времени ярко выступили представители Церкви, особенно патриарх Гермоген, как защитники национально-государственных интересов и православной веры. Сознание государственного единства было уничтожено, поэтому необходимо было «пробудить в народе сознание иного объединяющего начала, пред которым эгоизм личности погас бы, как разлагающее начало. Такое объединяющее начало, пред которым эгоизм личности уступает и даже охотно покоряется обществу, заключается, как известно, в церкви – свободном единстве всех по вере и вытекающей отсюда любви друг ко другу, как брату во Христе. Это начало – основной закон жизни церкви – и было пробуждено в народе представителями Церкви и сплотило его в едину силу»¹⁸⁷. В это безгосударственное время в лице патриарха сосредоточивается все. «Он является блюстителем веры и бескорыстным вождем безначального общества; взоры всех сынов отечества устремлены теперь на него и в нем ищут защиты и вразумления среди ужасов того времени, так как доверенность к Москве и московским боярам уже ослабела, вследствие опытом дознанной (изученной) способности их прельщаться и изменять истинным интересам государства и веры. Это внимание, эту доверенность народа патриарх справедливо защищает своею неустанною деятельностью: он убеждает и вразумляет во многих случаях бояр, пишет грамоты и послания по городам, призы-

виях всех к единодушной помощи страждущему отечеству и православной вере; до конца своей жизни деятельно и ревностно служит отечеству, являясь начальным лицом земли русской, и, наконец, полагает жизнь свою в жертву за отечество и веру. Дух патриарха служит примером и побуждает к деятельности все духовенство: оно все силы и средства истощает на пользу государства, является с своею деятельностью повсюду, во всех делах и случаях, где только оно могло и считало необходимым проявить свою преданность отечеству; смерть патриарха не прекращает деятельности духовенства и не повергает его в уныние. С каждым часом, с каждым новым бедствием усилия духовенства возрастают, доходят до решительного самоотвержения и приносят огромные, неоценимые услуги и пользу государству и вере»¹⁸⁸.

После мученической кончины русского первосвятителя патриотическое его дело продолжала Троице-Сергиева Лавра. Грамоты из обители призывали народ к объединению и изгнанию интервентов с родной земли. В этой борьбе с польско-шведскими интервентами русское духовенство объединило народ, помогло ему изгнать иноземцев, сохранив тем самым свою национальность от иноземного порабощения, государственность — от уничтожения и православие — от окатоличивания. Таковы заслуги русской иерархии в рассматриваемый нами период.





Глава 6.

Отношение патриарха Гермогена к боярскому требованию об избрании Владислава. Организация посольства под Смоленск. Содержание наказа послам. Грамоты Сигизмунду и Владиславу с требованием крещения последнего. Цель королевской политики. Протест патриарха Гермогена против занятия Москвы поляками. Занятие Москвы и отношение поляков к московским жителям. Прибытие посольства под Смоленск и их переговоры с Сигизмундом. Неуступчивость послов требованиям польского короля и его сторонников. Составление боярами нового наказа и отношение к нему послов. Отправление послов вглубь Польши и оценка деятельности русского посольства под Смоленском.

С низвержением Шуйского во главе русского государства стали именитые бояре. О том, что совершилось в Москве за последнее время, бояре известили в грамотах. Хотя через свержение Шуйского они и стремились умиротворить страну, им это сделать не удалось. Враги продолжали надругаться над родной отчизной. Польский король Сигизмунд продолжал осаждать Смоленск, войска интервентов под командованием Жолкевского двигались к Москве. Тушинский «царик», пользуясь смутой, раскинул свой табор в селе Коломенском, надеясь при удобном случае захватить столицу. Тяжелое время переживало русское государство. А в это время в Москве бояре решали вопрос — кого им избрать в цари, иноземца или русского? Голоса разделились. Одни бояре, которых поддерживал патриарх Гермоген, предлагали избрать царя из русских, указывая на Мстиславского, Голицына и Михаила Романова; другие же желали видеть на престоле польского королевича Владислава. Идея о королевиче Владиславе, вышедшая из тушинского лагеря, восторжествовала, и боярская партия, стоявшая за него, одержала победу. Когда это боярское решение о Владиславе дошло до патриарха, то он с неукротимой энергией восстал против этого решения. Своим дальновидным умом великий первосвятитель русской земли сразу оценил, что в данное время, время всеобщей розни и взаимного недоверия, осталась на Руси единственная объединяющая сила — православие, и что оно одно может спасти государство от окончательного уничтожения, а не иноземный королевич. Он указывал боярам на постоянную ненависть Польши по отношению к России, которая проявилась в подстановке Польшей самозванцев, и теперь, «страшась за святость и неприкосновенность православной веры, патриарх Гермоген начал горячо умолять бояр не верить льстивым обещаниям поляков и не принимать на русский престол

иноземца — католика». «А ныне чего еще чаете вы от поляков, — воодушевленно взывал архипастырь, — токмо конечного разорения царству и христианству и вере? Или не возможно вам избрать на царство из князей русских?»¹⁸⁹.

По справедливому замечанию А. Мерцалова, автора «Очерков по истории смутного времени», в личности патриарха Гермогена «как в фокусе, вполне выразилась та беззаветная стойкость в охранении своей веры и народности, которая была присуща лучшим русским людям того времени»¹⁹⁰. Видя всю опасность для национально-государственных основ Русского государства и православия от избрания сына Сигизмунда на царство, он совершал в церквях особые молебны об избрании на царский престол «от корене российского рода, а не от иноземцев». Но бояре не слушали голоса первосвятителя и продолжали настаивать на избрании Владислава. Патриарх видел, что в этой боярской игре одна фальшь и ложь и что боярский кандидат не спасет гибнущее отчество. Святитель продолжал настаивать на избрании русского царя, но по справедливому замечанию Соловьева, «все люди посмеялись, заткнули уши чувственные и разумные и разошлись»¹⁹¹, в чем впоследствии они горько раскаивались. Оставаясь одиноким в данный момент в своем патриотическом выступлении, патриарх Гермоген с тяжелым чувством уступил боярской силе и согласился на избрание Владислава.

Исторически неизвестно, почему русский первосвятитель первоначально согласился на избрание польского королевича. Может быть в Москве, в беседах с митрополитом Филаретом, патриарх и согласился на избрание Владислава.

Политически развитый, внимательно следивший за всем происходящим вокруг, он оценил, что Шуйский не спасет родное Отечество и оно окончательно будет оккупировано поляками и шведами. Желая спасти свое государство от окончательного уничтожения и уступая боярской силе, он согласился на это избрание. Первосвятитель предполагал, что из-за несовершеннолетия Владислава русским государством будут править бояре, а Сигизмунд, на основании договора, выведет свои войска, и отчество будет вне опасности. В этом политическом маневре никто из русских летописцев патриарха не обвиняет, признавая правильность его поступка.

Согласившись с боярской кандидатурой, русский первосвятитель выдвинул основное условие, от которого он не отошел до конца дней своих. Он говорил: «Аще королевич оставит латинскую веру и примет греческую, тако и мы на сие даем благословение; аще ли же не оставит латинской ереси, то нарушена от него будет православная

вера, разорится московское государство; на такое избрание мы не позволяем и не только не даем благословения, но и клятву на вас налагаем»¹⁹².

17 августа 1610 г. был составлен договор, в котором указывался порядок избрания Владислава. В этом договоре, благодаря ревностной заботе патриарха, находились самые важные требования, ограждавшие интересы православия в государстве, а именно, что православная вера останется неприкосновенною, а Владислав обязательно примет крещение по обряду восточной церкви. В договоре указывалось и такое требование русских людей, чтобы «не быть в России ни латинским, ни других исповеданий костелам и молебным храмам; не склонять никого в римскую, ни в другую веру, чтобы святая православная вера имела свою красоту и целость по-прежнему»¹⁹³.

По замечанию проф. Платонова, этим договором бояре оградили «национальную московскую самобытность, прежде всего требованием, чтобы королевич принял православие, и они очень точно указали и границы правительственной власти королевича. Он должен был править с Боярской думой и Земским собором. Ограничение личной власти будущего монарха исходило в обоих договорах (февральском и августовском), именно из национально-охранительной тенденции. Не политическая теория, а национальное чувство диктовало эти «ограничения» и в тушинском таборе и в Московском кремле»¹⁹⁴.

После составления договора, М. Салтыков и В. Мосальский пришли за благословением к патриарху, который находился в Успенском соборе. С грозными словами обратился первосвятитель к пришедшим: «Если в намерении вашем нет лести и в ваших замыслах не будет нарушения православной веры и разорения Московскому государству, то пусть на вас будет от вселенской Церкви, всего собора православной веры, четырех патриархов и от нашего смирения благословение; в противном случае пусть ляжет на вас клятва от вселенской Церкви и от нашего смирения, и вы будете лишены милости Бога и Пресвятая Богородица и примете месть от него наравне с еретиками и богоотступниками»¹⁹⁵.

С «притворными» слезами на глазах Салтыков стал уверять патриарха, что Владислав будет истинным православным государем, православной вере не будет нарушения, и первосвятитель благословил его. После всего этого Москва присягнула новоизбранному государю. Вслед за этим из Москвы были разосланы по городам грамоты, призывающие целовать крест Владиславу. Грамоты извещали и о том, что он является «государем в православной христианской вере греческого закона»¹⁹⁶.

Таким образом, по замечанию Костомарова, «обманутый народ везде присягал, и присягал в уверенности, что Владислав примет православную веру. Присягать на верность царю католического вероисповедания никто не был расположен на Руси, кроме таких, как партия изменника боярина Салтыкова, для которых важнее всего были их личные выгоды. Но, как ни много было тогда склонных ко всякого рода обманам, вынуждаемых страхом или личными выгодами, вера и для них была такая святыня, за которую и они преобразились в доблестных героев»¹⁹⁷.

Не мало потрудился первосвятитель московский и в выборе посольства для переговоров с польским королем об отпуске его сына на русское царство. Главной заботой неутомимого патриарха было избрание надежного посольства, которое могло бы крепко постоять за свою Родину и за святую веру. Осторожный святитель, зорко стоявший на страже национально-государственных интересов и православия, не доверял боярам. Да и можно ли было положиться в таком важном деле, как переговоры с открытым врагом Русского государства, на ненадежных патриотов? С необычайной настойчивостью святитель требует включить в состав посольства со стороны духовенства известных своею патриотическою деятельностью Ростовского митрополита Филарета и Авраамия Палицына. К ним были присоединены Новоспасский архимандрит Евфимий, Угренский игумен Иона, Вознесенский протопоп Кирилл. От бояр в состав посольства вошли князь Василий Голицын, князь Данила Мезецкий, дворянин Василий Сухин и др. Таким образом, в состав посольства были избраны люди «разумные и крепкие, чтобы впрямь стоять за веру христианскую»¹⁹⁸.

По замечанию А. Смирнова, главных лиц посольства Голицына и Филарета Никитича «посланы невольно». Желание патриарха в данном случае совпало с замыслом гетмана Жолкевского. Этим избранием главных лиц польский ставленник хотел удалить из Москвы влиятельных людей, чтобы тем самым удобнее самому выдвигать на престол Сигизмунда и в то же время их держать у польского короля в качестве заложников. Послам был вручен особый наказ, по которому они должны всеми мерами бороться за сохранение православия в русском государстве. Содержание наказа таково: «1. Требовать, чтобы Владислав принял греческую веру в Смоленске от митрополита Филарета и Смоленского архиепископа Сергия, — что пришел в Москву православным. 2. Чтоб Владислав, будучи на престоле, не сносился с папою о делах веры, а только о делах государственных. 3. Если кто-нибудь из людей Московского государства захочет по своему малоумию отступить от греческой веры, таких казнить смер-

тию, а имение их описать в казну; следовательно, здесь сделано исключение из того условия договора, по которому имение у преступников не отбиралось, но шло к наследникам. 4. Чтобы королевич взял с собою из Польши немногих необходимых людей. 5. Прежнего титула московских государей не умалять. 6. Жениться Владиславу в Московском государстве на девице греческого закона. 7. Города и места, занятые поляками и «вором», очистить к Московскому государству, как было до Смуты и как установлено с гетманом. 8. Полякам и литовцам, которые приедут с Владиславом, давать поместья внутри государства, а не в порубежных городах. Цель условия ясна: поляки, владея пограничными местами, легко могли завести их за Польшу. 9. Всех пленников, взятых в Московском государстве во время смут, возвратить без выкупа. 10. Король должен отступить от Смоленска; на посаде и в уезде никакого насилия не делать...»¹⁹⁹.

Отпуская послов на великое дело, патриарх Гермоген в Успенском соборе служил им напутственный молебен, убеждая их не увлекаться никакими льстивыми словами и твердо стоять за православную веру. Митрополиту Филарету, как духовной главе посольства, первосвятитель дал особое «писания, избрав от правил св. Апостол и св. Отец, на укрепление всем послам и против еретиков различных многих еретических вер ответ, чего ради крестити их»²⁰⁰. Такое «письмение» было необходимо посольству, так как они ехали во враждебный лагерь, не только по политическим взглядам, но и по религиозным, и это духовное оружие им было необходимо. Благословив посольство, он лично от себя вручил им грамоты для Сигизмунда и Владислава.

Обращаясь к польскому королю, святитель Гермоген пишет: «Даруй нам сына своего в нашу православную греческую веру, о которой прорекли пророки, которую проповедали апостолы, утвердили св. отцы, крепко и нерушимо содержали все православные христиане, и которая до сего времени красуется и светлеет и сияет, как солнце... Даруй нам царя, которым бы не разорилась христианская вера. Если Царь будет верен Богу, то Бог ради его отпустит согрешения и его народу. Если же царь будет не верен, то большее зло Бог наведет на землю». «Не противься суду Божию, государь, — убеждал патриарх Гермоген Владислава, — не отвергай просьб наших и всего собора и царского синклита и всех православных христиан... Возвесели своим крещением лики благоверных, многие лики христолюбивого воинства и многия тмы тем народа; приеми веру, которую, после долгих изысканий, паче всех вер возлюбил и принял благоверный великий князь Владимир от корсунского епископа»²⁰¹.

Отпуская послов, святейший Гермоген «убеждал твердо отстаивать все оговоренное в условии, даже до смерти, не щадити живота своего, ради венцов небесных за таковые подвиги». Заключительные напутствия русский первосвятитель закончил словами: «Бог с вами и Пречистая Богородица и великие чудотворцы, иже в России просиявшие, наши заступники и хранители»²⁰².

В этом вышеизложенном государственном деле все действия русского первосвятителя выявляют не только его патриотизм, святую ревность о родной вере, но и политическую дальновидность и непоколебимую твердость характера, не оставлявшие его в бедственные дни своей Родины.

Первопророссийский страж православия и отечества видел, что за спиной Сигизмунда находится католицизм, который зорко смотрел через своих агентов — иезуитов, за тем, что происходит в Московском государстве. И он не ошибся. Грядущее будущее подтвердило опасения святителя. Стремясь охранить православие от уничтожения, он и выдвинул основное требование посольства — принятие Владиславом православия. И как было указано, патриарх не отошел от этого своего основного требования. По меткому замечанию С. Кедрова, «...воспитанник иезуитов, король, преданный до фанатизма католическому учению, глух был до требований русского патриарха. Намерение польского короля состояло в том, чтобы самому царствовать в России, как в завоеванной стране и утвердить в ней католицизм. И этих целей Сигизмунд добивался с настойчивостью, не меньшей той, какую патриарх Гермоген обнаружил в защиту православия. Два борца в эту эпоху сошлись на русской земле: король и патриарх; на стороне первого была политическая сила и сочувствие общественных верхов России, на стороне патриарха Гермогена — нравственная мощь и вера в него народа. Победа осталась за патриархом, которого современники недаром называли адамантом. О твердыню его убеждений разбилась польско-католическая сила»²⁰³. Сохранив православие, Церковь, в лице своих иерархов, спасла и государство.

Ясно ставя перед собою цель — самому управлять Московским государством, Сигизмунд стал хитро претворять свои планы в жизнь. С этой целью он отправил в Москву изменника Феодора Андронова с письмом гетману Жолкевскому, высказывая свое намерение. В деле исполнения своих планов польский король всецело полагался «на тот кружок тушинских бояр и дьяков, который прежде других русских людей перебежал из Тушина к Сигизмунду и стал ему служить»²⁰⁴. Таким образом, в сердце Родины образовалась изменническая боярская партия, которая всецело находилась на

стороне польских интервентов. Темные силы изменников решили отдать родное государство польскому королю, а вместе с тем и властолюбивому Риму.

Как только русское посольство с договорной грамотой двинулось к Смоленску, Жолкевский, выполняя инструкцию польского короля, нарушил клятвенно подписанный им договор и потребовал впустить свои войска в столицу и отдать в его распоряжение Ново-Девичий монастырь. Бояре, со своей, стороны ничего не имели против занятия Москвы иностранными войсками. Только один патриарх Гермоген выступил против такого гнусного боярского решения. Мудрый первосвятитель сразу же определил цель иностранной оккупации Москвы. Благоразумно ли было отдавать столицу под покровительство интервентов, когда еще не выяснились намерения короля? Вероломство поляков, их посягательство на честь государства и церкви, гнусное малодушие бояр глубоко возмутили святителя. Патриаршее недоверие к полякам разделяли многие служилые и торговые люди. По их требованию святитель именем народа просил бояр, чтобы они приказали польским войскам оставить столицу и, исполняя договор, идти на самозванца, на что бояре ему ответили, что «его долг смотреть за Церковью, а не вмешиваться в мирские дела»²⁰⁵. Боярский упрек святителю был направлен не по существу.

Из истории известно, что русские святители никогда не спорили о гражданских правах и не стремились их приобрести. В силу тесной связи государства с Церковью, они всегда служили твердой опорой государственной власти и всегда поддерживали справедливые интересы Родины. И в рассматриваемую эпоху Церковь в лице своих представителей — иерархов — не преследовала никаких своекорыстных интересов, а единственно заботилась о сохранении порядка в государстве. Патриарх Гермоген своим обращением к боярам не вмешивался в их правление, а заботился о сохранении святой православной веры, от которой зависело сохранение государства. Борца за национально-государственные интересы бояре не поддержали. Польское войско было扑щено в Москву, и твердыни Кремля оказались в польских руках.

Таким образом, по замечанию проф. Платонова, «...в Москве водворилась военная диктатура польских вождей, под тисками которой бояре, по их словам, “в то время все живы не были”. Это был естественный исход из того политического хаоса, в каком находилась тогда Москва. Хотя и небольшая численно, но организованная

сила польско-литовского войска до времени сознавала себя единственной действительной силой в Москве и служила, конечно, не московским боярам, а своей родине и собственным интересам»²⁰⁶. Вот почему против «собственных интересов» интервентов так резко выступал русский святитель.

После оккупации столицы Жолкевский не долго оставался в ней. Вскоре он уехал под Смоленск к польскому королю, передав командование гарнизоном Александру Гонсевскому, и с этого времени поляки стали полновластными хозяевами столицы. Почувствовав себя хозяевами положения, интервенты стали оскорблять святыню русской души, стреляя в иконы, которые находились на воротах, в церковные купола, не считаясь с религиозным чувством набожных москвичей²⁰⁷. Без сомнения, такое бесчинство поляков невольно затрагивало народные души, которые ясно сознавали необходимость подняться на защиту православной веры и изгнать интервентов с родной земли. Но им необходим был вождь, а таковым в это время и явился патриарх Гермоген.

Так жил центр России — Москва, а в это же время русское посольство под Смоленском ценой больших усилий и страданий отстаивало пред требованиями польского короля национально-государственные интересы своей Родины.

Посольство, отправленное из Москвы под Смоленск, только в октябре 1610 г. прибыло к месту назначения. Оно было размещено в 14 шатрах, ожидая аудиенции у короля. 12 октября посольство было представлено королю, и митрополит Филарет вручил Сигизмунду патриаршую грамоту, а Голицын с другими членами посольства просили у польского короля, чтобы он разрешил своему сыну Владиславу принять греко-российскую веру и отпустил его на московский престол.

В середине октября начались переговоры послов с польским королем, но поляки тайно раньше решили «не отпускать Владислава в Москву, но и не отказывать, а выигрывать время и стараться о том, чтобы престол московский был за Сигизмундом»²⁰⁸. Поставить своего короля — ревностного католика, с такими мыслями и решили поляки вести переговоры с русскими послами. 15 и 17 октября на переговорах поляки сказали послам, что без разрешения сейма королевич не может быть отпущен в Москву. Поляки, в свою очередь, требовали от послов, чтобы Смоленск присягнул Сигизмунду и Владиславу, на что митрополит Филарет им ответил: «Как будет Владислав на московском престоле, и все московское государство будет под ним. А государю королю не достоит стоять под

вотчиной своего сына. Смоленяне целовали уже крест королевичу, и Сигизмунд, исполняя условия договора, должен отступить от Смоленска»²⁰⁹.

На третьем съезде 20 октября русским послам было предъявлено, что польские паны не признают гетманский договор от 17 августа 1610 г. и что они ни под каким видом не уйдут из-под Смоленска. В заключение съезда послы просили поляков, чтобы они довели до сведения короля главный пункт договора: «Даст ли король на царство сына своего, и примет ли королевич православную веру греческого закона»²¹⁰. Поляки обещали этот вопрос разрешить с королем, и 24 октября на четвертом заседании они сказали, что Сигизмунд не отпустит сына до тех пор, пока этот вопрос он не решит в сейме, а польский сейм соберется тогда, когда будет взят Смоленск и успокоится русская земля. Относительно крещения Владислава польские паны уклончиво отвечали, что в этом деле «волен Бог, да он сам»²¹¹. Тогда митрополит Филарет по этому вопросу обратился к известному нам канцлеру Льву Сапеге, на что тот владыке ответил, что «... королевич получил крещение во имя Святой Троицы и не имеет нужды креститься вторично, крещение не повторяется»²¹².

Филарет Никитич, напротив, стал доказывать своему противнику, что римская церковь нарушила догмат древней православной веры об исхождении Св. Духа, поэтому ее крещение — не крещение; оно необходимо требуется от королевича. Спор перешел на догмат об исхождении Св. Духа. Сапега текстами писания доказывал законность прибавления Filioque. Филарет Никитич также текстами писания и словами Дамаскина доказывал противное. Замечательно одно из его доказательств. «Апостол Иаков говорил, — доказывал Филарет Никитич, — всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светом, сиречь Христом, и потому есть разумно, что Дух Святый от Отца только исходит чрез Сына. И иные многия свидетельства от Богоносных Отец ведаем подлинно, что они учили об исхождении Св. Духа только от Отца; но ныне малым временем неколи всего подробно сказать. О сем Христовым словом затвердим: горе хулящим на Дух Свят». Но Сапега не убедился такими доказательствами. «О том поговорим меж себя иным часом»²¹³, — сказал он.

Своим выступлением перед Сапегой митрополит Филарет показал себя стойким борцом православной веры. Так Филарет Никитич стойко боролся за основной пункт наказа, потому что он чувствовал на себе всю ответственность русского государства и патриарха Гермогена за его исполнение. В его выступлении во всей полноте проявились дух, мысли русского первосвятителя, которые он вну-

шил своему ревностному помощнику, отправляя его в числе посольства во вражеский стан защищать национально-государственные интересы и православную веру своего отечества.

Видя стойкость посольства, поляки на пятом заседании 27 октября решили насилием и испугом склонить их к подчинению польскому королю. Они стали распускать слухи, что на северо-западе шведы готовят нападение на русское государство; что недобитый самозванец также стал усиливаться за счет прихода к нему 300 дворян и вступил в переговоры о помощи с Персией и Турцией и что в Москве произошла измена. Но послы не поверили ложным слухам и продолжали настойчиво и упорно требовать, чтобы Сигизмунд ушел со своими войсками с русской территории. В ответ на такое требование русских, иноzemцы отвечали: «Пришли вы не с указом, а к указу... и что государь наш укажет, то и делайте»²¹⁴. На такое замечание польских панов послы ответили, что они исполняют указания «патриарха и всех людей Московского государства»²¹⁵, и поэтому они запросят Москву, как им поступить в данном случае. Видя их твердость, интервенты решили действовать на честолюбие послов, говоря, что они как «великие послы» сами могут решить, как им поступить. Поляки уверяли их, что Сигизмунд хочет сдачи Смоленска ради королевской чести, а потом отдаст Смоленщину своему сыну Владиславу. Этот трюк интервентов не имел успеха; послы им ответили отказом. Стойкость русских посланников привела к тому, что поляки стали лишать их всего необходимого, и их положение с каждым днем становилось все труднее и труднее. На просьбу послов облегчить их участь, польские паны отвечали, чтобы они исполнили королевскую волю, и у них ни в чем не будет недостатка. В это тяжелое время среди послов появился луч надежды на быстрое исполнение статей договора. Это был приезд из Москвы под Смоленск Жолкевского, с которым в Москве был заключен договор. На шестом заседании 2 ноября присутствовал новоприбывший гетман, и послы надеялись, что они с успехом выполнят свою посланническую миссию. Но их ожидания не оправдались. На все вопросы, разбираемые на заседании, Жолкевский давал уклончивые ответы, говоря, что он не помнит договора и что многие статьи договора, по согласию с боярами, он изменил после их отъезда. В конце заседания гетман категорически потребовал, чтобы послы исполнили королевскую волю и приказали сдать Смоленск.

На следующих заседаниях главный вопрос — крещение и отправление Владислава на Московский престол — уже не поднимался. Польские интервенты всеми мерами старались сломить сопротивление

послов, требуя, чтобы они приказали защитникам Смоленска впустить королевские войска.

На такое наглое заявление интервентов митрополит Филарет им так ответил: «Того никакими мерами учинить нельзя, чтоб в Смоленск королевских людей впустить; [...] а если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целования, то положиться на судьбы Божии, только б нам своею слабостью не отдать города»²¹⁶.

Весь состав посольства согласился с заявлением митрополита, и они объявили панам, что пошлют гонца в Москву, а до его известия пусть войска не штурмуют город. Но иноземцы с таким заявлением послов не согласились. Они стали штурмовать Смоленск, стойко оброняемый воеводой Шеиным и увещаниями Архиепископа Сергия.

В это напряженное время среди послов произошло разделение, и часть из них, прельщаясь обещанием Сигизмунда различных льгот, поехали в Москву. Напрасно их уговаривал Филарет Никитич, «чтобы попомнили Бога и свои души, вспомнили бы, как отпущены из соборного храма Пречистой Богородицы, как благословил их патриарх»²¹⁷. Но они не послушали увещательных слов своего духовного руководителя и уехали. После чего посольству еще труднее стало жить от всевозможных издевательств интервентов. Таким образом, переговоры послов не привели ни к каким результатам. Сигизмунд не отпускал своего сына на Московский престол. Предчувствия святителя Гермогена оправдались. Тщеславный польский король не довольствовался тем, что его сын будет владеть русским государством. Он сам стремился управлять Московской Русью, а в таком случае в государстве не могло быть и речи о сохранении православия, так как Сигизмунд был ревностный католик и никогда не согласится изменить свою веру в угоду русским.

В то время, когда русское посольство ценою физических и моральных усилий отстаивало пред оккупантами интересы своего отечества, в Москве действовала заодно с интервентами боярская партия во главе с Михайло Салтыковым, «который прямо вел дело к тому, чтобы царем был провозглашен не Владислав, а Сигизмунд»²¹⁸. Из-под Смоленска Сигизмунд писал Гонсевскому, чтобы он стараниями изменнической партии прислал послам новый наказ, но в духе польских интересов и требований. Московские изменники исполнили просьбу своего владыки. Они составили новый указ и обратились к патриарху, чтобы тот его подписал, но первосвятитель отказался, и никакие угрозы с их стороны не смогли поколебать его стойкости. Так без патриаршей подписи они и отправили второй

наказ русским послам под Смоленск. Как только до поляков дошло известие о получении послами нового наказа, как они стали требовать от послов «исполнения народной воли». Послы же, видя, что под указом не имеется подписи русского первосвятителя, решили не придавать наказу никакого значения, а польским панам они ответили, что будут ждать настоящий указ с патриаршой подписью. Но поляки, опираясь на присланный боярский указ, продолжали требовать, чтобы послы во всем положились на короля, так как патриарх не имеет права вмешиваться в государственные дела. На такое дерзкое замечание польских интервентов послы отвечали знаменитой речью, определяющей взаимоотношения светской и духовной власти в Московском государстве в то время:

«Изначала у нас в Русском царстве при прежних великих государях так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов, и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали, и почитают государи наши патриархов великою честию, встречают и провожают, и место им сделано с государями рядом, — так у нас честны патриархи, а до них были митрополиты: теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный, — без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже. Когда мы на Москве были, то без патриархова ведома никакого дела бояре не делывали, обо всем с ним советовались, и отпускал нас патриарх вместе с боярами, о том гетману Станиславу Станиславовичу известно, да и в веряющих грамотах, и в наказе, и во всяких делах в начале писан у нас патриарх, и потому нам теперь без патриарховых грамот, по одним боярским, нельзя делать. Как патриарховы грамоты без боярских, так боярские без патриарховых не годятся; надобно теперь делать по общему совету всех людей»²¹⁹. Так позорно провалился план, посредством которого король Сигизмунд III стремился с помощью бояр-изменников добиться своей цели.

После этих переговоров целый месяц не было заседаний. В январе 1611 года, когда под Смоленск приехал Салтыков, вновь были возобновлены переговоры между двумя враждующими лагерями. Вместе с собой он привез боярские грамоты, в которых предписывалось послам, чтобы они разрешили польским войскам войти в Смоленск. Прочитав грамоту, послы объявили, что на ней нет патриаршой подписи, и она для них не авторитетна. Но польские паны продолжали требовать признание боярской грамоты, на что митрополит Филарет

им ответил: «Сами вы знаете, что нам, духовному чину, отец и начальник — Святейший патриарх, и кого он свяжет словом, того не только царь, сам Бог не разрешит [...] обещаюсь вам Богом, что хотя мне и смерть принять, а без патриаршей грамоты такого великого дела не делывать»²²⁰. Так митрополит Филарет ни под каким видом не соглашался нарушать своих прав и полномочий и отступать от напутственных слов, сказанных ему московским святителем.

Видя такую твердость русского посольства, поляки приказали им ехать в Вильно и бить челом королевичу Владиславу, но послы просили, чтобы их отпустили в Москву, а на их место прибудут новые послы Русского государства. Просьбу послов поляки не исполнили.

В конце марта 1611 года русские послы вновь явились на заседание, и здесь им решительно сказали, чтобы они немедленно ехали в Вильно. Послы отказались. По выходе с заседания поляки их окружили и посадили под стражу, и в таком положении они пробыли четыре недели. На свое стесненное положение послы жаловались королю, но их жалоба не принесла им никакого облегчения.

Таким образом, деятельность Русского посольства под Смоленском приходила к концу. В это время до них стали доходить известия о деятельности народного ополчения под командованием Ляпунова, который двигался на Москву, занятую поляками.

В этот напряженный момент поляки решили вновь заставить послов принять диктаторский указ Сигизмунда, и тем самым «умиротворить» поднявшуюся на свое освобождение Русь. На это польское заявление послы ответили, что только единственное средство может дать мир Российской земле — признание поляками всех статей гетманского договора от 17 августа 1610 г. Поляки продолжали требовать, чтобы русские войска отошли от Москвы, а воевода Шеин сдал Смоленск. На это послы им ответили, что готовы все претерпеть, но ни в чем им не уступят. Видя твердую непреклонность послов, в апреле 1611 года поляки силой заставили их перебраться на приготовленное судно и повезли вглубь Польши. Так закончилась деятельность русского посольства, продолжавшаяся 7 месяцев и закончившаяся пленом послов.

Русское посольство своей деятельностью во враждебном лагере принесло громадную пользу для Русского государства, так как в дальнейшем от них зависела духовная и политическая жизнь родной страны. Заслуга немногих, но твердо стоящих послов за интересы своего государства велика. Столько выдержать и отразить все нападения польских интервентов и изменников бояр, присылавших указы

в ущерб истинным интересам родного отечества, идти в плен за эту непоколебимость и стойкость — значит, участвовать в единой борьбе своего народа против польских интервентов, стремившихся уничтожить самобытность русского государства и православную веру. Своим мужественным стоянием русские послы сдерживали основные силы интервентов, не допуская их продвижение вглубь Московского государства и изматывая в бесцельном штурме Смоленска.

Как говорит Ю. Подгурский, «твердо стояло русское духовенство, бывшее при посольстве; напрасно убеждали и спорили с ним польские паны, грозя ему притеснениями, напрасно Боярская дума писала ему (духовенству) грамоты — положиться во всем на волю королевскую — оно осталось верным интересам отечества и веры»²²¹.

В таком же патриотическом духе действовал и митрополит Филарет. Владыка, находясь под Смоленском в составе посольства, сознавал всю страшную опасность, которая неминуемо должна была бы постигнуть Родину с воцарением Сигизмунда, почему он так стойко и непоколебимо боролся за интересы своей Родины и веру. Будучи политически дальновидным, Филарет Никитич видел, что с воцарением главы польских интервентов Московскому государству угрожает опасность потерять свою политическую независимость и утратить свою православную веру. Находясь под Смоленском, Филарет Никитич понял, что весь поход Сигизмунда есть новая интрига иезуитов. Вот почему он не хотел видеть на Московском престоле польского короля и энергично настаивал на обращении в православие его сына Владислава.

Таким образом, митрополит Филарет, находясь в составе посольства, защищал не только национально-государственную самобытность своего отечества, но и религиозную независимость от посягательств Римского папы, за что и оказался в плену.

Глава 7

Отношение народного сознания к королевской политике. Выступление патриарха Гермогена против поляков и русских изменников. Смоленская грамота. Грамоты патриарха, призывающие к восстанию. Московская грамота. Переписка городов. Участие духовенства в народном движении. Руководитель народного движения — Прокопий Ляпунов. Состав народного ополчения. Насилие поляков над патриархом Гермогеном. Восстание московских жителей. Сожжение столицы. Насильственное низложение патриарха Гермогена с патриаршего престола. Его заточение.

Как только выяснились результаты русского посольства под Смоленском, что Сигизмунд не отпускает Владислава в Москву, а об его обращении в православие не упоминает и сам стремится завладеть русским государством, и уже стал распоряжаться Русью, как своей колонией, раздавая чины и поместья изменникам боярам, — лучшие русские люди, дорожившие интересами своей Родины, поняли теперь, к чему ведет политика польских интервентов. В этот период вступили в Московское государство не искатели приключений и польские ставленники, каковы были самозванцы, а польский король сам стремится захватить Русское государство. Русский народ, вынужденный уступить слишком много польским интервентам, теперь ревностно дорожил православием как основой своей национально-государственной самобытности, уничтожение которой с присоединением Московского государства к польским владениям не подлежало никакому сомнению. Русь стонала от иностранного ига. Бояре заботились о своих «животишках», а народ без решительного руководителя ничего не смог сделать. И когда русские люди почувствовали всю тяжесть и страшные последствия иностранной оккупации, то «национальное и религиозное чувство заговорило в московских людях громче других чувств, личных и мелких. Своекорыстная погоня за личною карьерой и добычею, приводящая москвичей к разделению и вражде, к изменам и обманам, теперь сменялась опасением за целость общего достояния — родины и веры. Русские люди начали отрезвляться от собственной смуты, когда почувствовали над собою чужую руку»²²².

Отчизна, искалеченная самозванцами и поруганная поляками, готова была подняться на спасение своей веры и отечества, но нужен был призыв, необходим был патриот Родины, который бы призвал народ к борьбе против иноземных захватчиков. Этот призыв,ственный, могущественный и грозный, раздался из уст «начального человека» русской земли — патриарха Гермогена. По замечанию

проф. Платонова, «... на Гермогена и на его личную стойкость с надеждой начали смотреть все патриоты, считая, что в ту минуту именно патриарх должен был стать первым борцом за народное дело»²²³. Тяжкое бремя ответственности ложилось на плечи старца-святителя. В этом патриотическом деле ему необходимы были помощники, но он их не находил в своей среде, так как вокруг него находились только враги. На патриарший призыв отзовались люди из других городов Русского государства. Таким образом: «... помошь патриарху могла итти только из-за московских стен, — оттуда, где еще было цело и могло действовать привычное земское устройство, не задавленное польскою властью. Служилые люди, державшиеся вокруг городских воевод, поставленных еще при Шуйском, да тяглый городской люд со своими выборными старостами, — вот те общественные силы, на которые мог рассчитывать Гермоген, задумывая борьбу с врагами. Необходимо было сплотить эти силы, организовать их в видах борьбы за народную независимость, и с помощью их решить не разрешенный боярством вопрос о восстановлении государственного порядка»²²⁴.

Впервые признаки народного восстания против захватчиков стали обнаруживаться в Москве в октябре 1610 года. Польский гарнизон под командованием Гонсевского стал восстанавливать в столице военный порядок. Московским жителям было запрещено появляться на улицах в ночное время; везде были поставлены польские караулы; ключи от городских ворот находились в руках поляков. Москва стала похожа на только что захваченный врагом город. Но москвичи не хотели подчиняться польскому засилью и стали готовиться к восстанию. Узнав о начиナющемся народном движении, бояре-изменники во главе с Мстиславским и Салтыковым пришли к патриарху и стали требовать от него, чтобы он приказал народу во всем положиться на польского короля и подписать составленную ими грамоту. На такое позорное заявление бояр первосвятитель мужественно ответил: «... Я таких грамот не токмо, что мне рукой приложить не благословляю, и вам писати не повелеваю, но проклинаю, кто такие грамоты учнет писати»²²⁵.

Видя такое мужественное сопротивление патриарха изменническим боярским планам, Салтыков, в припадке ярости, замахнулся на святителя ножом, на что последний, перекрестясь, ответил: «Я не боюсь твоего ножа и вооружусь против него силою Святого Креста: ты же будь проклят и со всем твоим сонмищем, и в сем веке и в будущем и с тем, кого желаешь» (т.е. королем)²²⁶. После такой бурной сцены патриарх приказал всем московским людям собраться в

Успенском соборе, где он им объявил положение вещей в стране. По его приказу все собравшиеся «отказались целовать крест королю, несмотря на то, что вооруженные поляки стояли у собора»²²⁷.

Таким образом, первосвятитель Российской земли открыто выступил против польской захватнической политики. В это же время до патриарха Гермогена стали доходить письма от послов, в которых они раскрывали пред ним все тайные замыслы Сигизмунда. Они также сообщали о том, что, несмотря на переговоры, поляки в ноябре 1610 г. предприняли штурм Смоленска, который был отбит защитниками города. Всякий, слышавший такие известия, мог оценить, с какими целями вступил польский король в Русское государство.

Как говорит профессор Духовной Академии М. Коялович, «... самое сильное освящение безотрадного положения России и новых ожидающих ее бедствий последовало из Смоленской области, из той самой области, где, как и прежде, лучше могли оценивать польскую цивилизацию». Он цитирует грамоту, в которой смольяне писали: «Ведомо вам смертная наша погибель, как мы и вы дались без всякого противления литовским людем, во своих городех и уездах, и принесли есма свои головы и животы к ним для избавления душ своих, чтоб не отбыть православного крестьянства в латыниство и в конечной погибели, и в посеченье, и во плененье разведенным не быть; и мы все изо всех городех и из уездах, без остатка и без всякого пощажения погибли, и ни малая милости и пощажения не нашли. Во всех городех и уездах, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли Божия церкви? Не сокрушены ли и поруганы злым поруганием и укоризною Божественные иконы Божии и Божие образы? Все то зрят очи наши. Где наши головы, где жены и дети, и братья и сродницы, и друзья? Не остались ли есмъ от тысячи десятой, или ото ста един, токмо единою душою и единственным телом? И та вся нашедшая нам смертная наша погибель неведомо вам: пришли есмъ из своих разоренных городех и из уездах к королю в обоз под Смоленском, и живем тут не мало, иной больше году живет, иной мало не год, чтоб нам выкупити от плена из латыниства и от горькия смертныя работы бедных своих матерей и жен и детей, и никто не смируется, и никто не пощадит; а многие из нас ходили в Литву, в Польшу для своих матерей, и жен, и детей, и те свои головы потеряли; и собрано было Христовым именем окуп, и то все разграбили, и никто, ни един человек от всех литовских людей, над бедными пленными людьми, над православными крестьянами и

беззлобивыми младенцы не смируется, и вси порабощены смертною работою и в латынство отдашеся... Польские и литовские люди дали вам веру крестным целованием всей земле Московской, а что на их вере вправду устояло? Не помните того и не смышляйте некоторыми делы, что быть у нас на Москве королевичу государем: первое за то, что видят на Москве над лучшими людьми непостоянство, во всем крестопреступление, да за то, что все люди в Польше и в Литве никако того не поступятся, что дати королевича на Московское государство мимо своего государства. Много о том было у Литвы на соймище думы со всею землею, да и положено на том, чтоб вывестъ лучшихъ людей и опустошить всю землю и владети всею землею Московскою. Зде мы не мало время живем и подлинно про то ведаем, для того и пишем вам. Для Бога положите о том крепкий совет меж себя: пошли в Новгород и на Вологду и в Нижний нашу грамотку, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею обще стати за православную крестьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в работе и в плен не разведены»²²⁸.

Так эта Смоленская грамота ярко освещала тяжелое положение Московского государства, издевательство над православной верой польских захватчиков и указывала на грядущие ожидающие бедствия. Всякий, читающий эту грамоту, мог понять, что православию, народу и государству грозит серьезная опасность от иностранных поработителей. И тогда национальное народное чувство заговорило громче и сильнее. Угроза родине и вере вызвала необычайный подъем патриотического движения.

Убийство «тушинского вора» дало возможность русским людям энергично выступить против иностранных захватчиков. Они теперь не могли бояться его воцарения в Москве, и, как свидетельствует Соловьев, «...лучшие люди, которые согласились признать царем Владислава из страха покориться казацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков»²²⁹.

Видя, что страна находится в тяжелом положении, патриарх Гермоген, в половине декабря 1610 года, после убийства Лжедимитрия II, открыто выступил на защиту своей Родины, призывая народ к вооруженной борьбе против захватчиков. Свой священный патриотический подвиг святитель начал с того, что стал рассыпать по городам «свои грамоты, в которых объяснял королевскую измену, разрешал народ от присяги Владиславу и просил городских людей, чтобы они, не мешкая, по зимнему пути, собравшись все в сбор со всеми городами, шли к Москве на литовских людей»²³⁰.

Полученную Смоленскую грамоту патриарх приказал разослать по России, присоединив к ней грамоту от московских жителей, в которой он призывал во имя единой идеи братолюбия во Христе объединится на борьбу против «врагов православного христианства, литовских людей». «Пишем мы к вам, — гласит московская грамота, — православным христианам, всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным христианам. Пишут к нам, братья наши, как нам всем, православным христианам, остальным не погибнуть от врагов православного христианства, литовских людей. Для Бога, Судьи живым и мертвым, не презирите бедного и слезного нашего рыдания, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших — общих; вспомните одно: только к корню основание крепко будет, то и дерево неподвижно; если же корня не будет, то к чему прилепиться»²³¹. Указывая на Москву, как на политический центр государственной жизни, как на «корень» русского государства, грамота показывает значение Москвы как религиозного центра русской земли, выявляет значение Московских святынь для верующего русского человека — православного христианина. «Здесь образ Божией Матери, вечной Заступницы христианской, который Евангелист Лука написал; здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексий, Иона чудотворцы; или вам, православным христианам, все это ни почем? Писали вам истину братья наши, и теперь мы сами видим вере христианской перемену в латинство и церквам Божиим разорение; о своих же головах, что и писать вам много? А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют; только неявственно стоят»²³².

Народ воспринял священный призыв архиепископа-патриота. Во всей полноте обнаруживались затаенные, интимные, религиозные и патриотические чувства великого русского народа. Народ поднимался на священный подвиг защищать свою веру, свое государство. Имя российского первосвятителя явилось как бы знаменем народного восстания против завоевателя. С изумительной быстротой его грамоты переходили из города в город, являясь связывающим звеном взаимоотношений между всеми городами, объединяя русское государство в единый монолит, страшный для врагов. Грамоты указывали на патриарха Гермогена, который, презирая смерть, встал за православную веру, и как пример «крепкого стоятельства» за православную веру упоминается и смоленский архиепископ Сергий, боярин Шейн и другие смоленские «сидельцы», которые не поддались

никаким обманам и обещаниям польского короля и помогают московскому государству тем, что задерживают под стенами города королевские войска.

Получив московскую грамоту, нижегородцы послали от себя грамоту в Рязань. Ярославцы писали в Казань: «Вам ведомо, как по грехом литовские люди московских людей обманули... они, безбожные, нечестивые, обманув крестным целованием, Москвою и города завладели... И мы уже, бедные, все православные крестьяне отчаялись, ни заступающего, ни помогающего не было, ни делом, ни словом. И Господь на нас еще не до конца прогневался, неначающее учинилось: отцем отец, святейший боголюбивый великий господин святейший патриарх Ермоген Московский и всея Русии стал за православную веру несомненно и, не убоясь смерти... призвав всех православных крестьян, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стояти и померети, а еретиков при всех людех обличал; и только бе не от Бога послан и такого досточудного дела патриарх не учинил, и за то было кому стояти? Не токмо веру попрати, хотя бе на всех хохлы хотели учинити, и за то бе никто слова не смел молвить... и в города патриарх приказывал, чтоб за православную веру стали, а кто умрет, будут новые страстотерпцы: и то все, слыша от патриарха, и видя своим очима, города все обослались и пошли к Москве»²³³.

Ярославцы также писали и вологодским жителям: «И вам бы, господа, по прежнему своему доброму совету и радению, попомните Бога и Пречистую Богородицу, и православную крестьянскую веру, и прежнее крестное целование и свои души, чтоб вам в Вологде, собрався со всякими ратными людьми, итти к нам в сход вскоре, чтоб вам и нам, прося у Бога милости, стояти единомышленно во православной крестьянской вере и православные крестьянские веры в латинскую веру не предати, а душ бы своих не погубити и в конечное о себя разоренье самохотно не предати»²³⁴.

Вслед за Вологдой «встали и новгородцы Великого Новгорода и по благословению митрополита Исидора крест целовали помогать Московскому государству на разорителей православной веры и стоять за нее единомышленно»²³⁵.

Таким образом, весь север Русского государства был охвачен патриотическим движением против польских интервентов. И это явление понятно, так как грамоты городов были проникнуты религиозно-патриотическим воодушевлением, любовью к разоренному отечеству. По выражению Ю. Подгурского, «прежде заботились и переписывались о том, кому крест целовать, чью сторону держать и прочее – теперь же центром, главною точкою, куда направлены взо-

ры и сердца всех, становится православная вера и отчество, которым грозит опасность... Все города изъявляют единодушную готовность стоять за отчество и веру»²³⁶. «Очевидно, затронуты были слишком чувствительные струны русского сердца, самые заветные корни и начала русской жизни, самые тонкие и чуткие святые чувства — религиозные и патриотические»²³⁷.

Поднявшееся народное движение за освобождение своей Родины так описывает Костомаров: «Повсюду бегали из города в город гонцы, иногда по два и по три, иногда по несколько человек. То были дети боярские и посадские; они возили грамоты, через их город извещал другой город, что он со своей землей стоит за православную веру и идет на польских и литовских людей за Московское государство. Из городов бегали посыльщики по селам, созывали помещиков, собирали даточных людей с монастырских и архиерейских сел; везде по приходе таких посыльщиков звонили в колокола, собирались люди на сходки, делали приговор, вооружались чем ни попало, и спешили в свой город кто верхом, кто пешком, а в город везли порох, свинец, сухари, толокно, разные снасти. Пред соборным духовенством происходило крестное целование всего уезда. Тут русский человек присягал и обещался перед Богом стоять за православную веру и Московское государство...»²³⁸. Как указывает Костомаров, духовенство городов принимало активное участие в наступающей борьбе своего народа. Ю. Подгурский в своем очерке говорит, что «в грамотах городов отражается деятельность всего духовенства на поприще служения отечеству и вере. Из них видно, что и все духовенство принимало в этом общем деле участие. В каждой подобной грамоте имеется обращение: “архимандритам, игуменам... и всему освященному собору... такого-то города — архимандриты, игумены, протопопы... и весь освященный собор... такого-то города пишет, или приглашает к тому-то”»²³⁹.

Таким образом, по призыву патриарха Гермогена, при активной помощи белого и черного духовенства поднималась родная земля на свой решительный подвиг, на борьбу с врагами отечества. Что же объединяло русских людей на этот великий подвиг? Как замечает Костомаров, «... помимо политических прав, которыми Польша так гордилась и которых Русь не знала, была на Руси сила животворящая, способная привести в движение неповоротливую громаду — это была православная вера. Она-то соединила русский народ, она для него творила и государственную связь и заменила политические права. Знамением восстания была тогда единственно вера: во всех грамотах выставлялось на первом плане побуждение религиоз-

ное, необходимость защищать церкви, образа и мощи, которым творили поругание польские и литовские люди. Эти-то драгоценные для сердца и воображения предметы подняли тогда русских всех земель»²⁴⁰. Начиналась священная война русского народа. На призыв святителя поднялась Рязань. Вслед за рязанским движением против интервентов поднялся Нижний Новгород, который играл важную роль в Восточной части Московского государства. В средней части Поволжья подняли знамя восстания против интервентов ярославцы, призывая жителей Казани и Вологды к общему походу на освобождение своей столицы.

Таким образом, по замечанию проф. Платонова, «... речи патриарха Гермогена, обращенные к его пастве и призывающие ее на подвиг, пали на земле доброй и дали плод. Население крупнейших общественных центров было уже готово встать на защиту народной самостоятельности от иноземного покушения и по первому слову Гермогена рванулось к Москве с такою быстротою, какая может удивить наблюдателя, знакомого с обычною медлительностью массовых московских движений»²⁴¹. В начале февраля 1611 года ополченцы уже двигались к Москве. К начавшемуся народному движению присоединились тушинские бояре – Трубецкой и казацкий атаман Заруцкий.

Помимо русских на защиту отечества шли и русские инородцы: татары, мордва и др. Из областей доходили известия, что «... к народному движению, действительно, присоединялись инородцы, что и они целовали крест по своему закону (как тогда выражались), стоять заодно с русскими против поляков и Литвы»²⁴².

О начавшемся народном движении против интервентов изменническое московское правительство во главе с Гонсевским узнало в январе 1611 года. Оно прекрасно понимало, какую важную роль в этом движении городов играет русский первосвятитель Гермоген. Бояре во главе с Гонсевским решили его склонить на свою сторону; Салтыков стал требовать от патриарха, чтобы он остановил народное движение и распустил ополчение. На такое требование изменника-боярина первосвятитель мужественно ответил: «Все смирится, когда ты, изменник, исчезнешь с своею литвою из столицы; в противном случае, я всех благословляю умереть за веру православную; вижу поругание сей веры и разорение святых церквей и слышу латинское пение; не могу равнодушно видеть костел, устроенный ляхами на старом Борисовом дворе, в палатах»²⁴³. (В то время католики действительно устроили в одной из палат Кремлевского дворца свой костел).

Видя стойкость святителя, Гонсевский стал кричать на него: «Тебе это даром не пройдет, и сан твой не охранит тебя». На такое наглое заявление польского пана убеленный сединами патриарх Гермоген мужественно отвечал: «Ты, гордый пан, выслушай слово старца, когда страх сковывает уста наших лучших и сильных людей; наша Русь святая была свободна и могущественна, пока вы не протянули к ней алчные руки ваши. Обманом, насилием и лестью захватили теперь вы Русь; хитрость, измена — вот орудия ваши. Но близок день, когда придется вам собирать кровавую жатву с посеянных вами семян. Прямо и открыто противлюсь я вашему господству; я разрешаю всех от данной королевичу присяги, и пока язык мой слушается меня, я буду взывать к сынам Руси православной, буду призывать их на бой за веру и отчество, и буду благословлять тех, кто жизнь свою на брани положит. А сам я не боюсь угроз ваших, ты обещаешь мне смерть; но через нее я чаю получить венец мученический и жизнь вечную. Ты умертишь это дряхлое тело, но сам Господь примет душу мою, и к стопам Его сложу я свой пастырский посох, не переставая умолять, да ниспошлет Он Свою небесную помощь на защиту Руси святой»²⁴⁴.

Враги русской национальной самобытности поняли, что патриарх ни под какими угрозами не изменит своим патриотическим убеждениям и не перестанет призывать народ к борьбе против польских захватчиков. И с этого момента начинается «Голгофский путь» великого русского святителя. Чтобы парализовать его влияние на народ, поляки посадили святителя под стражу, запретив к нему доступ московских жителей. Унижение святителя поляками еще более подняло его авторитет в глазах русского народа. Народ никак не мог примириться с той мыслью, что их первоиерарх, во имя любви к своей пастве, переносит такие страдания от иноземцев. Когда нижегородцы сообщили рязанцам о положении русского святителя в Москве, то последние, в лице Ляпунова, писали, что они знают, «подлинно, что на Москве святейшему Гермогену патриарху и всему священному собору и христоимениному народу от богоотступников своих и от польских и литовских людей гоненье и теснота большая [...] и что они (бояре — авт.) прельстяясь на славу века сего, Бога отступили, приложились к западным жестокосердным, на своих овец обратились»²⁴⁵.

Такое отношение оккупантов к патриарху глубоко оскорбляло московских жителей, и их ненависть к захватчикам еще более усиливалаась. Приближалась неделя Ваий 1611 года. В это время русскому святителю поляки разрешили совершить традиционное шествие на осляти. 17 марта святитель совершал скорбное «шествие на

осляти» по пустым улицам столицы через строй вооруженных польских отрядов. «Подражая шествию Спасителя в Иерусалим на вольную страсть, святитель, совершая этот обряд, сам готовился на ожидающую его томительную смерть»²⁴⁶.

Это зловещее затишье оказалось предвестником народного восстания, которое вспыхнуло во вторник на Страстной седмице. Мужественно сражались москвичи с войсками польского гарнизона, и в первых рядах восставших был князь Дмитрий Пожарский. Показывая своим ратникам пример воинской доблести, Пожарский был с врагами, не щадя своей жизни, но был серьезно ранен в бою на Стремянке и отвезен в Троицкий монастырь. Под ударами москвицей поляки отступали, и, спасая свое критическое положение, враги подожгли город, отступив в Кремль. Вся столица была охвачена огнем. Так, в крови и в огне пожара провела Москва святые дни страстей Христовых и с лжепатриархом Игнатием встречала светлый день Воскресения Христова.

Среди этого всеобщего бедствия «бояре московские изгнали святейшего патриарха Гермогена из патриархии и заключили его в подворье святого Кирилла (Белозерского), снявши с него архиерейские одежды без архиерейского собора, одели его в монашеские одежды, так как имели на него большое подозрение и гнев, говоря, что при его содействии произошло народное восстание, разрушены крепости, потеряно и пролито столько христианской крови»²⁴⁷.

К находившемуся в застенке патриарху поляки поставили охрану во главе с польским офицером Мархоцким, и без разрешения последнего с ним никто не смел говорить. Так насиливо интервенты заставили замолчать великого патриота Родины. Но захватчики не смогли насилием погасить его патриотический порыв, и «... незримый для истинных сынов отечества, Гермоген сообщался с ними молитвою, слышал звук битв за веру православную и независимость государственную и тайно, из глубины сердца, пылавшего чистейшим огнем добродетели, препосыпал благословение добрым россиянам»²⁴⁸.

Глава 8

Прибытие ополчения под Москву. Организация подмосковного правительства «всех земель». Приговор от 30 июня 1611 года. Ограничение казачьих прав. Вражда среди ополченцев. Смерть Ляпунова и расстройство народного ополчения. Падение Смоленска. Переход Швеции к открытой интервенции. Взятие Новгорода. Протопоп Аммос. Отношение русских людей к критическому положению своего государства. Призыв патриарха к нижегородцам. Его программа действий. Кончина первосяятителя и оценка его заслуг перед Родиной.

Ополчение под командованием Ляпунова, прибыв под Москву, вступило в бой с врагами, стремясь освободить столицу. Среди ополченцев находились и прежние враги московского государства — тушинцы, которые, внимая призыву святителя, «увлеклись в движение против польской власти»²⁴⁹.

Таким образом, «под стенами Москвы для борьбы с общим неприятелем сошлись вчерашние враги: бывшие думцы и воеводы царя Василия, бывшие советники и полководцы “вора”, земские дружины, недавно восставшие за исконный порядок и очищавшие землю от тушинского засилья, и служивые воровской тушинской власти казачьи отряды, заклятые враги этого исконного порядка»²⁵⁰.

Задачей прибывшего народного ополчения под Москву была не только борьба с польскими интервентами, но и образование законного русского правительства. Руководителем ополчения был Ляпунов, «... он стремился объединить ополчения в ратном совете из бояр и воевод — предводителей отдельных ополчений, и из выборных от служилых людей, и думал управлять от имени этого совета»²⁵¹. Но эта мысль Ляпунова не осуществилась, так как в мае 1611 года во главе ратного совета становятся и другие воеводы — Трубецкой и Заруцкий. 30 июня 1611 года «по совету всех земель» был выработан приговор, который, по выражению С. М. Соловьева, «был направлен прямо против казаков, грозил им жестоким наказанием за своевольство и грабежи»²⁵². Из анализа приговора 30 июня неизбежно следует вывод, что редакция данного законодательного акта принадлежала той стороне подмосковного ополчения, которую можно назвать консервативной и земледельческой. Представителем ее был Ляпунов. Таким образом, «приговором от 30 июня они набросили на вольную казачью массу сеть стеснений и обязательств, скрепленных подписями казачьих атаманов, судей, есаулов и сотников, на подлинной приговорной грамоте. Казаки, разумеется, поняли то положение, в какое их поставил земский приговор, и не были склонны с ним помириться. Не имея законных

средств повернуть дело по-своему и переделать приговор в свою пользу, они пошли на открытый мятеж против земской власти»²⁵³. Казаки возненавидели представителя консервативной стороны за ограничение их прав и решили его уничтожить. Смерти Ляпунова желала не только казачья сторона, но и польская, которая имела цель — разложить народное ополчение через смерть талантливого полководца.

Гонсевский, через донского казака Исидора Заварзина, написал подменную грамоту от имени Ляпунова, в которой указывалось, что казаков надо бить итопить за их воровство. Эту грамоту донской казак показал Заруцкому и Трубецкому, которые возненавидели Ляпунова. Ненависть к талантливому полководцу сделала свое дело, и 22 июля 1611 г. Ляпунов был убит. Смерть Ляпунова повлекла за собой разложение ополчения, т. к. в самом составе ополчения находились глубокие внутренние противоречия в лице консервативно-земледельческой партии и вольного казачества. Столкновение двух сторон было неминуемо, и победа казачества была несомненна, так как они составляли большинство народного ополчения.

Итак, причины разложения народного ополчения 1611 г. таковы: отсутствие единства в самом ополчении и участие в нем прежних врагов государственного порядка — казаков, поляков, тушинцев.

Таким образом, народное ополчение не выполнило своей миссии и не очистило государство от иноземцев.

По замечанию автора «Очерков», «правительственная организация, созданная усилиями земщины, теперь стала служить казачеству... Обладание центральным административным механизмом обращало “воровских вожаков” в правительенную власть и открывало им возможность распоряжаться всею страною. В этом была большая опасность для московского общества. Оно теперь имело над собою два правительства: польско-литовское в Москве и под Смоленском, и казацко-“воровское” в таборах под Москвой. Первое грозило ему политическим порабощением, второе — общественным переворотом. Первое было страшно потому, что опиралось на военную силу, второе — потому, что овладело только что созданным в рати 1611 года правительственным устройством»²⁵⁴. Получив власть, казаки предались грабежу и разгульной жизни. Русское государство вновь стали терзать польские интервенты и казаки.

В это критическое время, переживаемое всем московским государством, героически пал Смоленск. 3 июня 1611 года в огне пожарищ интервенты вошли в город. Костомаров так описывает взятие Смоленска и деятельность духовенства во время уничтожения го-

рода врагом: «Толпы народа бежали в соборную церковь. Владыка смоленский Сергий во всем облачении стоял пред престолом и гласно молился за души погибших и готовых погибать. Тогда русские, видя, что все уже пропадает, зажгли пороховой склад под домом Владыки. Владычные палаты с громом полетели на воздух: треснула и отвалилась одна стена в соборе. Жолнеры ворвались в полуразрушенные стены собора: там, среди развалин и дыма лежала, склонив головы, толпа народа, женщин и детей, над ними стоял в царских дверях в блестящем облачении Владыка. Враги были поражены его видом; он был прекрасен с белокурыми волосами, с окладистой бородой. Первая ярость прошла, поляки не стали более умерщвлять никого, но сами русские, предводимые священниками и монахами, бросались в огонь, решаясь лучше погибнуть, чем терпеть поругания и унижения от победителей»²⁵⁵. Так смоленский святитель своим примером, вместе с духовенством, поддерживал мужество своих пасомых. Воеводу Шеина после пыток вместе с архиепископом Сергием поляки отправили в Польшу как пленников.

Оценивая героическую оборону Смоленского гарнизона, можно сказать, что он у стен города на много месяцев задержал продвижение основных войск интервентов в глубь страны, дав, тем самым, возможность объединиться русскому народу для предстоящей решающей борьбы с иноземцами и сохранить все государство от окончательного порабощения, которое могло еще совершиться в 1609–1611 гг.

По случаю взятия Смоленска, польский иезуит Скарга произнес проповедь, в которой выразил радость о том, что Бог указывает путь «к расширению своей церкви и католической правды»: «Прежде всего радуемся тому, что Господь Бог указывает путь к расширению своей церкви и правды католической, к спасению душ людских. Народ этот, в старый раскол с церковью Божией погруженный, утратил правду Божию, впал в суеверие и в грехи, на небо вопиющие; на него напала такая глупая гордость, что на латинов смотрел, как на поганых, как на жидов и неверных; а Господь Бог бедствиями и унижениями приводит его к сознанию заблуждений своих»²⁵⁶.

В это же бедственное время около Пскова появился вор Сидорка, который с помощью казаков взял город; все Поволжье целовало крест новопоявившемуся Лжедимитрию III.

Пользуясь бедственным положением Московского государства, Швеция выступила с открытой интервенцией против него. Предчувствия патриарха Гермогена подтвердились: шведы из союзников оказались врагами русских людей. После Клушинской битвы

(1609 г.) они отошли на свои северные рубежи и стали терпеливо выжидать, когда же, наконец, ослабеет Русь, чтобы захватить себе львиную долю. Политику шведского короля Карла IX можно назвать политикой выжидания, но уже в 1609 году шведский король писал своим советникам Акселю Курке и Андресу Бойе: «Настал удобный случай воспользоваться смутами России для территориального обогащения шведской короны, что опускать его невозможно; это значило бы сделать политическую оплошность, от которой не оправдаться ни перед Богом, ни перед людьми»²⁵⁷. Когда шведы получили известие о новгородских беспорядках, вызванных известием о сожжении Москвы и бесчинстве поляков, и они (новгородцы) свою ненависть проявили на воеводе Салтыкове, сыне изменника-боярина, убив его, шведский полководец Яков Делагарди, по приказу своего короля, двинулся в поход на Новгород. Король так писал ему: «Пользуясь зимней порой и возникшими среди новгородцев раздорами, со всеми силами напасть и занять его»²⁵⁸. В марте 1611 года Делагарди подошел к Новгороду и стал вести переговоры с новгородцами, требуя от них жалованья и предлагая им своего ставленника в московские цари. Об этих переговорах новгородцы решили сообщить в Москву, послав туда гонца, а в это время шведы все ближе и ближе подходили к Новгороду. 8 июля шведы вступили в новгородский посад, и новгородцы, видя приближающихся врагов, выжгли посад и вступили с ними в сражение. К вечеру приступ врагов был отбит.

Во время боев мужество новгородцев поддерживал митрополит Исidor своей молитвой. С чудотворною иконою Знамения Божией Матери он совершил крестный ход по крепостным стенам города и «целый день до вечера молился народ, в виду неприятеля о спасении Новгорода»²⁵⁹. После этого боя шведские интервенты не принимали попыток штурмовать город. Безействие неприятеля ослабило бдительность новгородцев, чем и воспользовались враги. В ночь на 17 июля 1611 года некто изменник Иванко Шваль провел шведов тайным ходом внутрь города. Врага заметили тогда, когда он стал уничтожать стражу и захватывать ворота. Народ поддался панике и не смог организовать оборону, дав, тем самым, легкую возможность захватить город. Только два городских центра упорно сражались с интервентами. Стрелецкий голова Василий Галютин со своими друзьями защищались до последнего. Напрасно их уговаривали шведы сдаться, — «они не сдались и умерли все вместе за православную веру»²⁶⁰.

Героический пример мужества и патриотизма в борьбе с врагами Родины показал пастырь-воин, софийский протопоп Аммос. Он за-

перся со своими людьми в своем доме и стал отстреливаться от врагов. В это время митрополит служил молебен на городской стене Детинца с софийским причтом, но Аммос не мог участвовать со своим архипастырем в молитве, так как он за что-то находился у него под запрещением, и свой церковный подвиг протопоп заменил воинским. Митрополит видел геройскую битву своего пастыря и издали благословил его и тем самым разрешил от запрещения. Озлобленные интервенты подожгли дом мужественных защитников, и они все погибли со своим пастырем, но никто из них не сдался на милость победителей²⁶¹.

Так софийский служитель Аммос в мире с церковью мученически погиб за свое отечество. Таким образом с 1611 года новгородская земля оказалась под пятой шведских оккупантов, военною силою отрезавших ее от единого русского государства.

Интервенты торжествовали; основные центры русского государства находились в их руках. Наступила самая страшная пора в жизни русского народа, лихолетье, как называли ее наши предки. «И было тогда, такое лютое время Божия гнева, что люди не чаяли впредь спасения себе; чуть не вся земля русская опустела; и прозвали старики наши это лютое время — лихолетье, потому что тогда была на Русской земле такая беда, какой не бывало от начала мира: великий гнев Божий на людях, глады, трусы, моры...»²⁶². Русское государство гибло, и русские люди в этом видели «гнев Божий». По-иному наши предки не могли думать: «ибо русский человек издавна уже и самой своей историей и своей литературой приучен был смотреть на мир и жизнь и оценивать происходящия в них явления с точки зрения идеи Божественного Провидения»²⁶³.

Итак, русские люди, подчиняясь религиозно-провиденциалистической идеи, пришли к единому заключению, что они виновны перед Богом, оскорбили Его своими грехами и переполнили меру долготерпения Божия. «За неправды, и за гордение, и за грабление, и лукавство, и за прочия злая дела» русского народа в целом постигли Русь те бедствия, от которых стонет она, все то, «яже в нас содеяша и ныне деется»²⁶⁴. Осознав свои грехи, русский народ еще надеется на милосердие Божие, но от него требуется, чтобы он почувствовал свою вину перед Богом и «слезами покаянными омыл свою душу и всем сердцем обратился к Господу с мольбой о помощи»²⁶⁵. «Покаянные слезы, вздохи и сокрушения, строжайший пост и горячая молитва, соединенная с крепкой верой в Бога и надеждой на Его милосердие»²⁶⁶, — вот что требуется от русского народа, чтобы получить помощь от Бога и вернуть былое могущество страждущего.

щему отечеству. К этому испытанному и освященному историей средству в годы лихолетья и прибегает русский народ. «Подъем религиозного чувства, — говорит С. Ф. Платонов, — достигал чрезвычайного напряжения и выражался в чудесных видениях, — в истинность которых верили не только те, кому бывали видения, но и все те, кто о них слышал»²⁶⁷. Из всех видений, которые встречаются в литературных памятниках XVII века, наиболее ценным для понимания народной психологии, является видение благочестивому нижегородскому человеку по имени Григорий.

Григорий видел видение во время сна на первой неделе Петрова поста. Сущность видения такова: «Во время утрення пения взяся покров храма и воздвигся на все четыре страны и виде свет велий, аки небо и солнце, и луну и звезды, и всю красоту небесную. И видех Господа, сходяща в образ человечестей, аки птица крылата слетев... и сяде на персех моих». Господь, сходящий к Григорию в человеческом образе наподобие летящей птицы — символ пророческого вдохновения. Ввиду того что грешный человек сам, непосредственно, не может вступить в беседу с Богом, то одновременно с «Летящим» появляется «Предстоящий» и между ними происходит беседа в вопросах и ответах, раскрывающих смысл видения. «И глаголя Ему Предстоящий: «Господи, зри: в российском государстве вселенский собор собирает, от всяя земли власти, митрополиты и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и все православные христиане, и молятся Тебе, человеколюбцу Богу, простиши ли их? и глагола же человеколюбец Бог. Да аще будут покаятся что и верою от всего сердца своего во всех грехах своих, и постятся и молятся Богу три дня и три нощи неумолкно и не ядуще, не пиюще, старые, и малыя дети, — и отвращу от них праведный гнев Свой». Пост русских людей должен быть не только как факт внешнего действия, а должен сопровождаться внутренним покаянным настроением. Такой пост ценен в очах Божиих. «Да аще будут учнут поститься и обратятца от всякого зла, от разбоя, от тяжбы, от душегубства, от блуда и от нечистот и от всяких зол и неподобных дел». Далее видение призывает, чтобы раскаявшийся русский народ должен впоследствии выстроить храм, и на престоле этого храма должна быть поставлена икона Владимирской Божией Матери и вооружена на престоле «свеша от соборных церкви воску невозженного; там же должна быть положена бумага неписана». На вопрос Предстоящего: «Господи, аще поставят свещу невозженную и бумагу неписанную, что будет в церкви, и кому велиши владети Московским государством?» — последовал ответ: «Коли же вселенским собором храм освятят и поставят его в три дни и в

четвертый день приидут ко образу Моему и Матере Моей Богородицы, и свеща возжена будет от огня небесного, и колокола сами возвзвоят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством по сердцу Моему; аще ли поставят царя по своей воле, на веки не будет царь». Но при этом опять указывается на грозное предупреждение Божие, если народ не послушает Его воли. «Аще не послушают и не поверят слову Моему и Аз Духом своим святым потоплю Московское государство и все Российское государство и всего мира не пощажу... за неверие их»²⁶⁸.

Таинственный смысл видения таков: Всероссийский собор — символ объединения всех русских людей; храм, коллективно построенный и соборно освященный — внешний знак этого объединения; Владимирская икона Божией Матери — это знамя, с которым Северо-Восточная Русь всегда совершала свои подвиги во имя спасения своей родины от порабощения иностранцами. Свеча «невозженного воску, которая сама будет возжена от огня небесного» — символ сердечной простоты, которая проявляется в общественной молитве; на «неписанной» бумаге будет написано имя, кому править Русским государством.

Таким образом, описываемое видение призывает русских людей к объединению и в прикровенных символах содержит программу действий, исключительно направленных к тому, чтобы спасти погибающее отечество от окончательного уничтожения.

Подобное видение было и во Владимире некоей женщине Мелании. Она видела «жену в светлых ризах», которая ей приказала привлечь владимирцев к посту и покаянию, и тем самым умолить Господа, чтобы Он отвратил праведный гнев Свой и дал Русской земле мир и тишину. Вскоре об этих видениях узнали русские люди и по совету «всей земли и освященного собора» постились и молились в указанное в видениях время (три дня), воздерживаясь совершенно от пищи и питья²⁶⁹.

Таким образом, «очищение, посредством покаяния, поста и молитвы совестей сделало возможным их примирение, взаимное единение людей в мыслях и чувствах; а единство мыслей и чувств, в свою очередь, породило единство в направлении воли»²⁷⁰. Внутреннее единство объединяло русских людей в единстве внешнем, и в общем посте и молитве каждый чувствовал своего брата.

Молитвенно объединенный и очищенный покаянием русский народ готовился к решительной борьбе против иностранных захватчиков. «Начало нового, — говорит Иловайский, — спасительного движения вышло из того же живительного

источника, который одухотворял русскую народную массу, поднимавшуюся на борьбу с ее пришлыми врагами; из ее глубокой веры в Божественный Промысл и в помощь свыше, из ее ничем непоколебимой преданности православию»²⁷¹.

Но, «... молитва и пост, — говорит проф. Платонов, — не указывали, какой надобен подвиг и какие потребны жертвы: в каждой городской грамоте давались указания и советы стать заодин на «разорителей» государства. Но все голоса повторяли, в сущности, лишь то, что писали в своих посланиях заточенный поляками патриарх Гермоген и освобожденная от тушинской осады братия Троицкого монастыря. За недостатком боевых вождей, которым мог бы верить народ, народным движением начали руководить духовные отцы, которым народ не мог не верить»²⁷².

В это время русские люди вновь обратили свой взор на патриота своего отечества, страдальца за веру — патриарха Гермогена. Находясь в строжайшем заключении, святитель не прекратил своей патриотической деятельности. Невидимый для мира, он своими святительскими молитвами поддерживает святой огонь веры и дух патриотизма в сынах своей родины. Как говорит Карамзин, «... сей муж бессмертный в темной келье сиял добродетелью, как лучезарное светило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в нем (отечестве) жизнь и ревность к великому делу»²⁷³.

Узнав через пришедших к нему двух русских патриотов, священцев Родиона Моисеева и Романа Пахомова, что казаки стремятся посадить на Московский престол сына Марины Мнишек — «воренка», он через них посыпает свою грамоту в Нижний Новгород, в которой освещает поведение казаков в подмосковских тaborах. Это была последняя грамота патриарха, обращенная к русским людям.

В начале своей грамоты святитель преподает «благословение архимандритам, и игуменам, и протопопам и всему святому собору и воеводам и диакам... и всему миру от патриарха Ермогена Московского и всяя России, мир вам, и прощение и разрешение»²⁷⁴. Далее патриарх приказывает нижегородцам, чтобы они с своей стороны написали в Казань к митрополиту Ефрему, прося митрополита написать учительную грамоту в полки и к казанскому войску, «чтобы они стояли крепко в вере»²⁷⁵. Русский первосвятитель также просит нижегородцев написать грамоту в Вологду и Рязань о прекращении грабежей, а воины должны иметь душевную чистоту и братолюбие, ибо цель их похода положить свои души за дом Пречистые Богородицы «и за чудотворцев, и за веру»²⁷⁶. Нижегородцы также должны были написать и в другие города боярам и атаманам,

«что отнюдь Маринкин сын на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас»²⁷⁷. Пропагандистами этих грамот патриарх избирает тех же бесстрашных людей, свияжцев Родиона Моисеева и Романа Пахомова, которые бывали у него с «советными членами». Помимо этих грамот они должны были везде говорить его (патриаршим) словом, «что проклятый (сын Маринки) отнюдь не надобен»²⁷⁸. Если кто из них и пострадает при исполнении общественного долга, то «в том Бог простит, по мысли патриарха, и разрешит в сем веце и будущем»²⁷⁹.

В заключительных строках своей последней грамоты святитель-патриот, предчувствуя свою мученическую кончину, пишет своей многострадальной пастве следующие слова, полные веры и любви: «А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно: я аз должен за вас Бога молити»²⁸⁰.

По преданию, святитель также просил нижегородцев на время похода взять с собой чудотворный образ Казанской Божией Матери, найденный им в Казани на месте пожара. Это устное завещание старца-патриарха было исполнено нижегородским ополчением.

В последней патриаршей грамоте мы видим настойчивый призыв святителя, обращенный к русским людям, зовущий их на борьбу не только с польскими интервентами, но и с казаками. В последних патриарх видел страшных врагов родины, так как в критическую минуту «они овладели правительственной организацией и стали во главе правительского аппарата»²⁸¹, выдвигая свои личные интересы, а не общенародные.

Патриаршая грамота сделала свое великое дело. Внимая призыву святителя, города объединялись на борьбу с всеобщим врагом. Города давали клятву — не признавать Маринкина сына русским царем и «против его стояти единодушно». Народ признал казаков «за такого же врага, каким была овладевшая Москвою рать иноплеменников и изменников»²⁸².

Поднявшиеся города двигались к Нижнему Новгороду, формируясь там в единое народное ополчение. В это надвигающееся светлое время освобождения страны от интервентов, патриарх «горячо молился за родную страну. Как благовонный фимиам, говорят современники, шли от желанного сердца богомольца-патриарха молитвенные слова ко Господу и Пречистой Его Матери, к великим русским чудотворцам и ко всем святым. Он молился о себе, о всех русских людях, а более всего о том, чтобы православная христианская вера не погибла от врагов. Слезы из очей святолепного старца, как речные быстрины, текли по лицу его; ими и молитвенными “сл

весами” он надеялся, как острыми стрелами, отогнать от родины видимых врагов»²⁸³.

О начавшемся народном движении в Нижнем Новгороде узнали находившиеся в Москве русские изменники и поляки. Со страшными угрозами они обратились к увядающему старцу-патриоту, требуя от него, чтобы он своим властным словом остановил народное движение. Русский первосвятитель мужественно им ответил: «Да будут благословенны те, которые идут на очищение Московского государства, а вы и окаянные изменники московского государства, будьте прокляты»²⁸⁴.

Итак, последняя попытка врагов отчизны склонить первосвятителя на свою сторону, оказалась тщетной. Святейший всероссийский патриарх Гермоген до конца дней своих сохранил преданность и любовь к святой православной вере и национально-государственным интересам своей родины. 17 февраля 1612 года он умер голодной смертью в душной келье Чудова монастыря. «Угас великий печальник Русской земли, — мученик и исповедник истины, страдалец за веру и отчество, ветхий деньми, но непоколебимо — мощный и юный своею православною русской душой, — отошел в мир загробный маститый всероссийский архиепископ»²⁸⁵.

Святитель умер, но его дело продолжало жить в патриотическом подъеме русских людей. Через 22 месяца русские ополченцы освободили свою столицу от русских изменников и польских интервентов.

Обозрев патриотическую деятельность патриарха Гермогена, можно сказать, что его заслуги перед Отечеством и православием огромны; они проходят ярким лучом, начиная с Лжедимитрия I и кончая днем его смерти. В этот период он смело боролся за чистоту православия, за русскую национальную и государственную самобытность. В тяжелые годы иностранной интервенции патриарх первый призвал русское духовенство, а через них и русский народ — объединиться воедино и спасти отчество от иностранного порабощения. Тогда «к его горячemu, исполненному восторженной любви к страждущему отечеству, слову чутко прислушивались все. С замиранием сердца внимали этому слову, было ли оно написано на бумаге в грамоте или передавалось устно... С быстротою молнии все эти послания и вести московские разносились по городам и селам Московского государства: к митрополитам, архиепископам и епископам, а от них к архимандритам, игуменам, протопопам, попам и дьяконам и всему освященному причту, всюду перечитывались по нескольку раз с церковных кафедр, передавались в устных беседах,

переписывались и пересылались из города в город и из деревни в деревню. Вся Русь, можно сказать, в это время жила одною мыслью — во что бы то ни стало общими единодушными усилиями освободить Москву от врагов»²⁸⁶.

Вышеизложенное свидетельство ясно говорит, что патриарх был душой движения за спасение своего гибнущего отечества. Его пример объединил и других русских иерархов в деле спасения отечества, и они своим воодушевленным словом и делом объединили народ в единое целое на борьбу с врагами родины. «При имени Гермогена, второго всероссийского патриарха, — говорит Рублевский, — мысль каждого русского человека как бы окрыляется чувством живейшей благодарности и с ним переносится в ту эпоху исторической нашей жизни, когда этот святитель знаменитыми своими подвигами послужил спасению отечества и церкви русской. Столп Церкви и отечества, непоколебимый тогда, когда колебалась почти вся Россия...»²⁸⁷.

Так из прошедших лет лихолетья встает перед нами величественный образ патриарха-патриота.

Летописные источники много уделяют внимания патриарху Гермогену, характеризуя его как защитника православной веры и спасителя бедствующего русского государства. Так они его называют «неложным стоятелем и крепким поборником по вере христианской»²⁸⁸, «великим и крепким непоколебимым столпом, по Бозе и Пречистой Его Матери, крепкою стеною и забралом, поборником непобедимым, добрым евангельским паstryрем»²⁸⁹, «разумным и твердым адамантом»²⁹⁰, «великим столпом и отцом отцов»²⁹¹, «крепким воином Христовым, препоясанным словом Божиим»²⁹².

Все эти летописные свидетельства говорят за то, как высоко ценили наши предки святителя Гермогена.

Образ великого русского святителя, борца за народное дело, во всей полноте и красоте изображен и в его грамотах. В них он призывал русский народ объединиться вокруг православной веры и тем самым спасти государство от порабощения врагами. В грамотах патриарх изображен как истинный богатырь православного русского национального духа, вдохновитель и спаситель отечества, защитник православной веры от посягательств римского папы. Здесь же он показывает себя мужественным патриотом своей родины, способным пожертвовать своей жизнью для блага своего отечества и неприкосновенности православной веры. Его грамоты распространялись по всему Русскому государству, достигая самых отдаленных мест, и его патриотическая деятельность не прекратилась и тогда,

когда он находился в подземелье Чудова монастыря. Его патриотическая деятельность увенчалась успехом — русский народ вышел победителем из тяжелой борьбы.

Наши историки так характеризуют патриарха Гермогена: «Имя патриарха Гермогена должно остаться бессмертным в истории России и Русской церкви потому, что он ревностнее, мужественнее, непоколебимее всех стоял за ту и другую, он, преимущественно, спас их в самую критическую минуту их жизни. Неудивительно, если первосвятителя этого так высоко ценили и уважали современные ему русские люди»²⁹³.

Проф. Платонов так отзыается о патриархе Гермогене: «Он один открыл глаза русским людям на иноземный обман и своею твердостью спас государство от окончательного порабощения»²⁹⁴.

Так характеризуют наши отечественные историки великого патриота русского государства.

Нельзя оговориться только теми фразами, что всероссийский патриарх Гермоген ревностнее, мужественнее других боролся за национально-государственные основы нашей родины и православную веру; нет, он сделал великое дело — «спас их (государство и веру) в самую критическую минуту, когда им угрожала крайняя опасность попасть под власть Польши и иезуитов и потерять свою самобытность»²⁹⁵.

К такому заключению должны прийти и мы, «созерцая “в сумраке времен” подвиги чистого житием просвещенного святителя, неутомимого борца за сокровище Русской земли — Христову веру, мудрого книжника, составителя вдохновенных сказаний, житий и грамот, песнетворца, нищелюбца, богомольца и страдальца за Родину»²⁹⁶.

Глава 9

Призывные грамоты Троице-Сергиевой Лавры. Принятие нижегородцами патриаршой программы. Минин и протопоп Савва. Организация нижегородского ополчения. Избрание воеводой Пожарского. Его происхождение. Поход ополченцев на Москву. Их взаимоотношения с казаками. Остановка ополчения в Ярославле. Деятельность Минина и Пожарского. Битва с поляками и очищение Москвы. Неудачное выступление Сигизмунда. Избрание М. Ф. Романова.

В городах, поднятых грамотою патриарха Гермогена, продолжало формироваться народное ополчение при содействии знаменитой Троице-Сергиевой обители. Обитель преподобного Сергия явилась продолжательницей его патриотического подвига. Несмотря на то, что эпоха лихолетья коснулась обители, она жила бессмертными подвигами своего великого основателя — преподобного Сергия. В это безгосударственное время, когда насильтвенная смерть закрыла уста «второго великого Златоуста», вместо патриарших грамот шли призывные грамоты из прославленного недавно новою славою Троице-Сергиева монастыря²⁹⁷.

Троицкие власти, в лице архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына, получив от боярского сына Якова Александрова известие о восстании и сожжении Москвы поляками в 1611 году, разослали грамоты во все Российские города, призывая воевод «поспешити немедленно царствующему граду на богомерзких польских и литовских людей и на русских изменников ко отомщению крови христианский»²⁹⁸.

По свидетельству Палицына, грамоты «от обители Живоначальные Троицы во вся Российска грады достизающим, и слуху сему во ушеса всех распространяющуся, и милостию Пребезначальне Троицы по всем градом вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и всенародное множество православных христиан помале разгорающиеся духом ратным. И вскоре сославшеся, сподвигошася от всех градов, со всеми своими воинства поиша к царствующему граду на отмщение крови христианский»²⁹⁹.

Таким образом, Троицкие грамоты во многом помогли в деле организации народного ополчения в 1611 г.

Троицкий архимандрит Дионисий внимательно следил за действиями народного ополчения, которое в летние месяцы 1611 года уже стояло под Москвою. Когда до него стали доходить известия о враждебных настроениях внутри ополчения, архимандрит Дионисий в своей обители ежедневно служил молебны о прекращении вражды, а один раз, с целью нравственного воздействия на

враждующих, послал Авраамия Палицына со святой водой. Кроме этого, желая увеличить силы народного ополчения, преп. Дионисий со своим келарем Палицыным вновь рассылают грамоты в Казань, понизовые города, в Великий Новгород, в Вологду, Пермь и Поморье. Идейное содержание грамот таково: отечество гибнет от врагов, а вместе с ним и православная вера. Поэтому, во имя христианской любви, необходимо объединиться для борьбы с врагами отечества и веры.

«Православные христиане, — говорится в грамоте, — вспомните истинную православную христианскую веру, что все мы родились от христианских родителей, знаменовались печатию, святым крещением, обещались веровать в Святую Троицу. Возложите упование на силу Креста Господня и покажите подвиг свой, молите служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронова, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей». Далее описывается страшная картина бедствия Московского государства, глумление интервентов над священными предметами русских людей: «Сами видите конечную от них (врагов) погибель всем христианам, видите, какое разорение учинили они в Московском государстве; где святые Божии церкви и Божии образа; где иноки, сединами цветущие, инокини, добродетелями украшенные? — Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные». Затем следует призыв к объединению и всеобщему наступлению на Москву: «Все мы испили чашу постигшего нас гнева Божия... Вспомните это и смилийтесь при общей смертной опасности, чтобы и вас самих не постигла такая же гибель. Пусть служилые люди без всякого промедления спешат в Москву на собрание всем православным христианам. Сами знаете, что всякому делу бывает одно время, дело не во время не ведет к цели. Отложите всякое недовольство и вражду между собою, ради Бога, чтобы единодушно всем положить подвиг страдания для избавления православной христианской веры. Если совокупным и единогласным молением прибегнем к Богу, Пресвятой Богородице, Московским чудотворцам и всем святым и сообща дадим обещание положить жизнь за православную христианскую веру, то Господь услышит молитву нашу и избавит нас от нашествия лютой смерти и вечного порабощения латинского. Смилийтесь и умилитесь, немедленно возьмитесь за это дело ради крестьянского избавления, помогите казною и по-

сылкой ратных людей, чтобы собравшиеся под Москвой ради скучности не разошлись, об этом вас со слезами усердно всем народом христианским слезно членом бьем»³⁰⁰.

Города единодушно поддержали призыв Троицких властей и отправили своих служилых людей под Москву. Однако увеличение численности ополчения не прекратило в нем внутренней вражды, которая, как было сказано, окончилась убийством Прокопия Ляпунова.

После убийства вождя ополчение стало разлагаться. Москва была сожжена врагами, а казаки, виновные в гибели Ляпунова, занялись грабежом, отнимая у населения последние средства их существования. Истерзанное самозванческими смутами, нашествием польских интервентов, Русское государство представляло страшную картину. Города, села, деревни были разрушены и сожжены; цветущие поля вытоптаны; церкви и монастыри подверглись той же участи; все жители разбежались, скитаясь по лесам и оврагам. Всюду были слышны крики, стон, проклятия измученных, изголодавшихся, израненных людей, — но некому было облегчить их страдания. На этой удручающей картине, как оазис в знойной пустыне, выделялась Троицкая обитель, которая после 16-месячной осады быстро была восстановлена и вооружена. Сюда, к источнику спасения, шли все русские обездоленные люди, ища кровя, пищи, защиты, утешения и облегчения в своих страданиях, и она сделалась единственным прибежищем для несчастных. Вся Троицкая обитель была переполнена умирающими от голода, ран и страшных болезней русскими людьми. Видя страдания своих братьев во Христе, архимандрит Дионисий решается помочь им. С этой целью он созывает братский совет монастыря, на котором было решено всеми мерами облегчить страдания несчастных. Для того чтобы это святое дело шло успешно, преп. Дионисий предлагает братии делать для несчастных все то, кто к чему призван. «Промышляти, — как говорил он, — кто что смыслит; или собирать на потребу бедным, или служити, кто может»³⁰¹.

По благословению архимандрита Дионисия, прежде всего, были построены больницы и странноприимные дома для всех приходящих. Не довольствуясь приходящими, он приказывал монастырским слугам разыскивать по окрестным селам, дорогам и лесам всех пострадавших, которые сами не в силах были прийти под гостеприимный кров Троицкой обители и привозить их в монастырь. Здоровые помогали братии в уходе за больными, женщины стирали белье, шили саваны и рубашки. На помощь преп. Дионисий пригласил и врачей. Всеми зависящими мерами монастырская братия старалась сохранить жизнь пришедшем, но, несмотря на такой акт милосердия, мно-

гие из приходящих умирали. Погребением умерших, по благословению архимандрита Дионисия, занимались Иван Наседка со своим братом Симоном и священник Синьковский Иван. Так, по свидетельству Д. Скворцова, «... Наседка с братом своим погреб 4000 человек, а потом, в продолжение 30 недель с священником Синьковским предал земле еще более 3000 человек»³⁰².

Очевидец событий Иван Наседка свидетельствует, что в тяжелую эпоху лихолетья в этом христианском деле деятельное участие принимало и белое приходское духовенство в лице Ивана Синьковского. Троицкий архимандрит также заботился и о том, чтобы умирающие исповедывались и причащались. Так Троицкая обитель, возглавляемая преп. Дионисием и Авраамием Палицыным, в тяжелую годину народных переживаний явилась «ближайшим убежищем, где русские люди спасали свое христианское звание. Но в этой обители жила несокрушимая вера в будущность Москвы, России, в их способность жить»³⁰³.

Троицкие власти увидели, что в лице нижегородского ополчения начинает появляться сила, способная освободить Россию от врагов. Они, вслед за патриаршой грамотой, в Нижний послали свою. Троицкие грамоты призывали города, находившиеся в сфере казачьего влияния, объединиться в единой борьбе с казаками против польских и литовских людей.

Итак, программа троицких властей в борьбе с врагами Русского государства отличалась от программы патриарха Гермогена, так как «для патриарха тaborы были вражеским станом, для монастыря они были правительственным центром; патриарх предостерегал города от общения с подмосковным войском, а монастырь взывал к тем же городам о помощи этому войску и о соединении с ним на общего врага»³⁰⁴.

Таким образом, «партийная» зависимость монастыря от казаков отразилась на знаменитых Троицких грамотах 1611–1612 года.

Так, когда литовский гетман Ходкевич стал теснить подмосковные тaborы казаков, князь Дмитрий Трубецкой обратился в монастырь с просьбой о помощи ратными людьми, о присылке ему свинца и пороха, и просил об этом написать во все города Московского государства. Монастырские грамоты не отражали ту вражду, которая явилась причиной разложения первого ополчения, ибо «в течение всего 1611 года Дионисий и его “писцы борзые” еще верят в возможность общего действия и прочного единения казачества и земских слоев и рознь их представляют временною и случайной»³⁰⁵. Зная о всех беспорядках в ополчении, почему же троицкие иноки

молчали о них? По мнению проф. Платонова, «монахи должны были молчать уже из простого приличия и из боязни оглашением их повредить делу народного единения»³⁰⁶. Но в 1612 году монастырская братия изменила свой взгляд на казаков, увидев их «заповедниками» новых беспорядков.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что «грамоты патриарха и грамоты троицких властей говорили московским людям не одно и то же. Патриарх призывал московских людей сплотиться для борьбы не только с польскою властью, но и с казачьем беззаконием, а троицкая братия звала города соединиться с казачеством и поддержать его в борьбе с поляками и Литвою», но «смерть Ляпунова и возобновление самозванчины в подмосковных таборах показали земщине, как опасна идеализация казаческой среды, — и все замосковные, понизовые и поморские города и волости, поднимаясь в исходе 1611 года на подвиг очищения Москвы, усвоили себе то отношение к казачеству, какое находим у Гермогена»³⁰⁷.

Вопрос о том, которая из указанных грамот — грамота патриарха Гермогена или Троицкая грамота — подняла нижегородцев на борьбу с польскими интервентами, давно служит предметом спора между историками. И. Е. Забелин в своем труде «Минин и Пожарский» первый поднял вопрос о роли для Нижнего Новгорода Троицкой октябрьской грамоты от 1611 года. Рассмотрев содержание Троицкой грамоты и на основании хронологических данных, он пришел к выводу, что октябрьская грамота застала нижегородцев подготовленными, а не новшеством для них. Забелин так говорит: «Если б Троицкие власти изобразили вообще погибельное положение дел и призвали бы всех, как патриарх Гермоген, образумиться, покаяться и соединившись в одну мысль, спасти государство не от одной беды для казаков, от Ходкевича, а от общей беды, от общей смуты и разорения, — тогда бы их грамота имела действительно тот смысл, какой приписывают ей историки, и была бы принята в народе, как принимались грамоты Гермогена, Ляпунова, все грамоты городов. Эта же грамота своим содержанием, после множества таких же грамот, пересылавшихся в городах прежде, никого не могла возбудить, а тем менее нижегородцев, которые состояние дел знали гораздо точнее и подробнее, а главное гораздо истиннее»³⁰⁸.

Противниками Забелина явились С. Кедров и Д. Скворцов, которые, высказываясь по данному вопросу, пришли к заключению, что грамота Троицкой обители имела решающее значение для нижегородцев, уже поднявшихся на защиту своей Родины под влиянием грамоты русского первосвятителя. Скворцов в своем сочине-

ни «Дионисий Зобниковский» говорит: «Троицкой грамоте мы придаем значение последнего толчка и это не значит, что мы считаем ее единственной силой, поднявшей восстание; последним толчком Троицкая грамота явилась потому, что она пришла в Нижний в такое время, когда нижегородцы были уже достаточно возбуждены и настроены, чтобы встать за общее дело; не доставало, если можно так выразиться, еще некоторых градусов этой настроенности, чтобы она перешла на степень самоотверженности; эти недостающие градусы и были восполнены Троицкой грамотой и речью Минина»³⁰⁹.

Однако аргументация Скворцова не особенно убедительна. Троицкая грамота решающего действия не произвела на нижегородцев. Хронологические данные, приводимые Забелиным, заставляют согласиться с его мнением, что нижегородское ополчение было поднято исключительно патриотическими грамотами патриарха Гермогена. С этим, хотя и не прямо, соглашается Скворцов, называя Троицкую грамоту «последним толчком». Следовательно, «первыми» толчками, поднявшими нижегородцев, были патриаршие грамоты.

Действительно, нижегородцы давно были возбуждены патриархом Гермогеном, который еще в августе 1611 г. призывает их писать во все города, чтобы там не присягали Маринкину сыну, выдигаемому казаками. Смелые патриоты родины Родион Моисеев и Роман Пахомов, имевшие свидание с заключенным святителем, подробно разъяснили своим собратьям сущность всех событий, происходивших в государстве. И в сентябре 1611 года, можно предполагать, в Нижнем Новгороде под руководством Кузьмы Захаровича Минина стало формироваться второе народное ополчение.

Если же допустить, что нижегородцы стали формироваться только по получении Троицкой октябрьской грамоты 1611 года, как думают Кедров и Скворцов, тогда на организацию ополчения в Нижнем приходится не более двух недель, так как 26 октября этого года смольяне получили известие идти в Нижний. Такой короткий промежуток времени безусловно был недостаточен для оформления такого сложного и обдуманного плана, как организация народного ополчения. Следовательно, нижегородцы стали собирать ополчение раньше получения Троицкой грамоты, в чем едва ли можно теперь сомневаться.

«Большую заслугу И. Е. Забелина перед русской наукой, — говорит проф. Платонов, — составляет его исследование о начале нижегородского ополчения. Он вывел вопрос из круга летописных преданий в область критического изучения и впервые показал, что не

случайное влияние монашеской грамоты, а сложная работа общественного самосознания подняла нижегородский «мир» на его знаменитый подвиг. Нижегородское движение И. Е. Забелин ведет от грамоты Гермогена о «воренке» и начало нижегородских сборов относит ко времени этой грамоты. После всего сказанного выше не может быть, кажется, сомнений в том, что нижегородцы действительно стояли гораздо ближе к патриарху, чем к троицкой братии. После хронологических соображений И. Е. Забелина можно считать доказанным, что троицкая грамота от 6 октября 1611 года — та самая, которой приписывали решительное влияние на Нижний Новгород, застала там уже до нее начатое движение³¹⁰.

Относительно Троицкой грамоты можно сказать, что она не была лишней и бездейственной. Нет! Троицкая грамота окончательно укрепила патриотический подъем нижегородцев в их выступлении против иностранных интервентов.

В этот тяжелый период для Русского государства объединительным центром народного движения против иностранного нашествия становится Нижний Новгород. Под влиянием патриаршей грамоты народное движение возглавляет бессмертный патриот родины — Кузьма Минин, который «по-Зоровавельски» скорбел душой о страдании своего отечества. Симон Азарыин, в своей книге о новоявленных чудесах преп. Сергия, так характеризует этого замечательного народного героя: «Человек живый благочестивым житием и целомудрием и в прочих добродетелях живот свой, препровождая... безмолвия любя, отходя в особую храмину, Бога присно имея в сердце своем»³¹¹. Этот глубоко верующий человек, чудесным образом, как об этом повествуется у Кедрова, был призван организовать народное ополчение³¹². Явившийся покровитель русской земли преп. Сергий говорит ему: «Не рек ти о сем, понеже изволение праведных судеб Божиих помиловать православных христиан и от многого мятежа в тишину привести. Сего ради рек ти казну собирати и ратных людей поделити, да очистят с Божиею помощью Московское государство от безбожных поляков и прогонят еретиков»³¹³.

После этого Кузьма Минин был избран «всем нижегородским миром» земским старостой. Вскоре после своего избрания он стал горячо призывать нижегородцев об единодушном восстании против врагов, дабы спасти гибнущее отчество.

Таким образом, «Минин не ждал троицкой грамоты 6 октября 1611 года и задолго до нее начал свой подвиг. Возбужденный вестями из-под Москвы о гибели Ляпунова, о распадении земских дру-

жин, о переходе правительственной власти в руки казачьих бояр, наконец, о возобновлении самозванчины и появлениях имен Маринки и «воренка», Минин без монашеских увещаний мог уразуметь, что земское ополчение привело к торжеству давнего врага земли — казачества — и что, в интересах общественных следует не повиноваться казачьим властям, а противодействовать им. Видение, о котором он сам рассказывал в Троицком монастыре, внушило ему смелость выступить открыто на проповедь³¹⁴. В это же время, когда нижегородский «мир», под влиянием грамоты патриарха Гермогена и выступлений Минина, стал подниматься на спасение своего отечества, в Нижний пришла от 6 октября 1611 года Троицкая грамота. По получении этой грамоты нижегородские власти организовали совет, в состав которого вошли «Феодосий, архимандрит Печерского монастыря, Савва, Спасский protопоп, с братиею, да иные попы, да Биркин, да Юдин, и дворяне, и дети боярские, и головы, и старосты, от них же и Кузьма Минин»³¹⁵.

Вышеуказанный совет решил на другой день собрать всех нижегородцев в Спасо-Преображенский собор и там прочесть Троицкую грамоту и звать весь народ на помощь родному государству. На следующий день колокольный звон собрал горожан в соборную церковь. По окончании литургии protопоп Савва «пред святыми вратами» стал читать Троицкую грамоту и затем обратился к народу с следующей речью: «Увы нам господне чада мои и братия мои, увы нам! Се-бо прииша дни конечные гибели: гибнет Московское государство и вера православная гибнет. О горе нам! О лютаго обстояния! Польские и литовские люди в нечестивом совете своем умыслили (решили) Московское государство разорити и непорочную веру Христову в латинскую многопрелестную ересь обратити. И кто не восплачет зде, кто не источит слез от очей своих. Грехов ради наших попущает Господь врагам нашим возноситися. Увы нам, братия мои и чада — благородный-бо град Москву оные еретики до основания разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворим братие и что возглаголем? Не утвердимся ли в соединении и не станем ли до смерти стояти за веру христианскую и за святую церковь Успения и за многощелебные мощи московских чудотворцев? Се же и грамота просительная властей Живоначальные Троицы Сергиева монастыря»³¹⁶. После protопопа с речью выступил Минин: «Захотим помочь Московскому государству, — так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, — дворы продавать, жен и детей закладывать — и бить челом, — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником»³¹⁷.

Таким образом, «в Минине нашла своего вожака тяглая масса, Савва Евфимьев явился первым выразителем высших слоев нижегородского общества. За ними увлеклось все население их города, причем служилый люд и духовенство пошли за тяглыми людьми, которым по праву должно принадлежать данное им летописью название «Московского государства последних людей»³¹⁸.

Кузьма Минин первый отдал все свое состояние в общую казну «на строение ратных людей». Патриотический пример Минина воодушевил нижегородцев, и они начали отдавать все самое лучшее дорогое на общее народное дело. В короткий срок были собраны значительные средства материальной помощи собирающемуся ополчению. Нижегородский «мир» определил, чтобы сборами ведал Минин и сообразно распределял по обычаям их податной практики. Так были устроены хозяйственные дела будущего народного ополчения.

Пред нижегородцами во всей полноте встал новый вопрос, как сформировать рать и кому доверить командование. В это время, изгнанные из своих родных мест нашествием Сигизмунда, служилые люди из Смоленска, Дрогообужа, Вязьмы ходили по разным городам Русского государства. Когда они услышали о начинающемся нижегородском народном движении, то послали «челобитников» в город с просьбой принять их. Нижегородцы с честью их приняли, и они составили первое основное ядро нового войска. К ним присоединились и местные служилые люди. На призыв нижегородского старосты многие ратные люди из понизовых городов собирались в Нижний, чтобы оттуда идти на Москву.

Таким образом, Нижний Новгород стал сборным формировочным пунктом нового народного ополчения.

Как только стало формироваться народное ополчение, перед нижегородцами встал вопрос о выборе военачальника, которому можно было бы доверить ответственное дело — командование ополчением. Военачальник соединял бы в себе опытность в ратных делах с преданностью и верностью своему народу, и был в таком деле искушен, чтобы он «во измене не явился»³¹⁹.

По предложению Кузьмы Минина нижегородцы остановились на кандидатуре князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Дмитрий Михайлович происходил из старинного рода стародубских князей. При Василии Шуйском он служил воеводой в полках и завоевал известность как талантливый и храбрый военачальник, горячо преданный своей Родине. За проявленное мужество в боях с войсками Лжедмитрия II при осаде Москвы, Пожарский был награж-

ден особой грамотой, в которой говорилось: «Пожаловали за его прямую службу, что будучи в Москве, в осаде, в нужное и прискорбное время, против врагов он стоял крепко и мужественно и многую службу и дородство показал, голод и во всем оскуденье и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости...»³²⁰. Особенно высокое мужество и отвагу он показал во время московского восстания 1611 г., что, конечно, было известно нижегородцам. Вот почему они, собирая отовсюду ратных людей, единодушно поддержали предложение Кузьмы Минина о назначении Дмитрия Пожарского воеводой всенародного ополчения. К этому человеку, заслуживающему «уважение за безупречное поведение, за то, что не приставал, подобно многим, ни к полякам, ни к шведам, ни к русским “ворам”»³²¹, нижегородцы отправили посольство, состоящее из архимандрита Феодосия, «из всех чинов лучших людей бить ему челом, чтобы ехал к ним в Нижний Новгород, стал бы за православную веру и помочь государству учинил бы»³²². Предложение выборных людей Пожарский принял и прибыл в Нижний в конце октября 1611 года.

С приездом князя Пожарского в Нижний Новгород началась самая трудная и ответственная работа по созданию ополчения. Так как патриотическое движение стало всенародным, то поэтому необходимо было объединить народ в единой национальной борьбе против общего врага — польских интервентов и русских изменников, казаков. С этой целью Пожарский, от лица всего Нижнего, обратился с призывной грамотой к поморским и поволжским городам, и прежде всего к Вологде, Ярославлю и Рязани. В своей грамоте он много говорит о казачьем «воровстве», о их желании начать «новую кровь» — междоусобие, поэтому он призывал народ объединиться «в одном совете» и «итти на польских литовских людей», «чтобы казаки по-прежнему низовой рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не разгонили»³²³. Грамота Пожарского произвела сильнейшее впечатление на города. «Те, кто желал восстановления порядка не с казачьим правительством, устремились в Нижний. «Поидоша изо всех городов, — говорит летопись, — первое приидоша коломичи, потом рязанцы, потом же из украинских городов многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье»³²⁴.

В результате неутомимой работы нижегородских властей — Минина и Пожарского к началу февраля 1612 года нижегородское ополчение представляло собой грозную военную силу. Таким образом,

«в горниле бедствий очистились и возвысились: русское религиозное воодушевление, русская военная служба и русская торговая чуткость к благу родины, соединились воедино для спасения отечества и выдвинули каждая необыкновенно доровитых и чистых представителей, — Троицко-Сергиевского архимандрита Дионисия, Кузьму Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского»³²⁵.

Вожди ополчения решили еще по зимнему пути выступить в поход на Москву. О движении ополченцев узнали казаки, стоящие под Москвой. Их атаман Заруцкий, стремясь изолировать заволжские города от поморских, послал Андрея Просовецкого с отрядом захватить важный в стратегическом отношении приволжский город Ярославль. Об этом злом казачьем умысле узнал предводитель ополчения Пожарский, и он послал отряд ополченцев под командованием князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопаты и дьяка Самсонова захватить город. В кратчайший срок отряд достиг Ярославля, опередив Просовецкого и заставив последнего отойти в свой подмосковный лагерь. Получив известие об успешных действиях отряда, Пожарский отдает приказ о выступлении главных сил в поход на Ярославль. В начале апреля 1612 года ополчение, усиленное отрядаами из многих приволжских городов, вступило в Ярославль.

«Этим закончился первый период деятельности нижегородских воевод. В Нижнем они были местною властью, в Ярославле им было суждено стать общегосударственную. "Общий совет" нижегородский в Ярославле должен был превратиться в совет "всех земли" и был пополнен новыми элементами. Деятельность воевод и этого совета в Нижнем была военно-административной, а в Ярославле получила характер политический. Словом, в Ярославле нижегородская власть преобразовалась в новое правительство всей Русской земли»³²⁶.

Нижегородское ополчение надолго остановилось в Ярославле. К Москве оно не торопилось двигаться, так как подмосковные таборы, во главе с Трубецким и Заруцким, целовали крест новому самозванцу, и в лице Просовецкого выступили в открытые военные действия против народного ополчения. Казаки вновь показали себя врагами нового ополчения, и «примирение и соединение обеих сторон в совместных действиях против поляков оказалось невозможным, и Пожарскому по одной этой причине не было расчета спешить под Москву»³²⁷.

Из Ярославля власти земского ополчения во главе с Д. Пожарским вновь рассыпают грамоты во все города русской земли. В них они призывают народ к «общему соединению», а казаков называют

«старыми заводчиками великого зла». Они также просят города прислать людей для общего земского совета и по «совету всего государства» избрать русское правительство, чтобы с ним вместе идти «против общих врагов, польских и литовских и немецких людей и русских “воров”, которые новую кровь в государстве всчинают»³²⁸.

О походе на Москву эти грамоты ничего не говорят, считая более важным делом образование законной власти. В Ярославле законное русское правительство не было избрано, но вместо него образовалось временное народное правительство во главе с Мининым и Пожарским. По свидетельству проф. Платонова, «... в совокупности своей оно представляло собою Земский собор обычной московской конструкции, иначе говоря, оно слагалось из духовного совета, заменившего патриарший “освященный собор”, боярского совета, заменившего московскую государеву думу, и земских выборных служилых и тяглых чинов. Во главе освященного собора или “властей”, по терминологии летописи, был поставлен живший на покое в Троицком монастыре бывший Ростовский и Ярославский митрополит Кирилл, тот самый, который был в Ростове перед назначением туда Филарета»³²⁹.

Ярославскому правительству необходимо было иметь представителя Церкви, чтобы вместе с ним решать те или иные государственные вопросы, и чтобы он сопровождал русское народное ополчение и мог почитаться как глава всего русского духовенства. В это время патриарх Гермоген мученически скончался в заключении и церковное управление до избрания нового патриарха должно было перейти к следующему старейшему митрополиту, каким обычно и был Новгородский владыка. Но он находился в шведском плену и не мог управлять Русской Церковью.

За ним правом чести пользовался Казанский митрополит, за которым следовал Ростовский. Казанской митрополией управлял митрополит Ефрем, но он не мог оставить свою паству, так как в Казани не было надежных воевод, а на дьяка Шульгина нельзя было надеяться. Поэтому митрополита Ростовского Кирилла призвали в Ярославль, но по всем важнейшим вопросам обращались в Казань к старейшему в иерархической степени, митрополиту Ефрему, о чем свидетельствует грамота Пожарского от июля м-ца 1612 года. Пожарский пишет от имени всех нижегородских воевод казанскому митрополиту: «За преумножение греха всех нас, православных христиан, Вседержитель Бог наш, по своему праведному наказанию, совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великия светил в мире: отъят от нас главу Московского государства... и паstryря

и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха Московского и всея Руси, но и по градам многие пастыри наши и учителя, митрополиты, архипастыри и епископы, яко пресветлые звезды погасоша; и ныне оставил нас сиротствующих, и быхом в посмех на поругание языком. Но сия вся наведе на ны Бога за грехи наша, понеже-бо несть конца злобе нашей: но еще не до конца оставил нас сирых, дарова нам едино утешение — тебя великого господина, яко некое великое светило положи на свещнице в Российском государстве сию а... И ныне, великий господин, немало скорбь нам налетит, что под Москвою вся земля в собрания, а паstryя и учителя у нас нет: единая соборная церковь осталась на Крутицах и та вдовствует. И мы, по совету всея земли, приговорили в дому Пречистыя Богородицы быти на Крутицах бывшего митрополита на Пафнутьево место, митрополитом Старожевского монастыря игумену Исаию, а тот игумен Исаия от многих свидетельствован, что житье имеет по Бозе. И мы игумена Исаию послали к тебе, господину, в Казань, и молим твое преподобие всею землею, чтобы тебе, великому господину не оставил нас в последней скорби и беспастырных: пожаловати бы тебе игумена Исаию совершити в дом Пречистыя Богородицы на Крутицах митрополитом и отпустить его под Москву к нам в полки вскоре, да и ризницу бы тебе, великому господину, пожаловати дати ему совсем понеже церковь Пречистыя Богородицы в последнем оскудении и разорены да твоим, великого господина, благословением паки на Московском государстве угасший светильник возжется»³³⁰.

Таким образом, на «великое светило», «на Ефрема тогда смотрели все, как на главного архипастыря всей России»³³¹, к которому обращалось по всем делам временное Ярославское правительство. «Поэтому, ярославские воеводы, — говорит Платонов, — чествуя Ефрема, «яко некое великое светило», в то же время не звали его к рати в Ярославль. За казанским митрополитом следующее место принадлежало ростовскому митрополиту, которого местопребывание было всего ближе к Ярославлю. Так как Филарет Ростовский был впольском плену, то вспомнили о его предшественнике, и потому поставили Кирилла во главе духовных властей в Ярославле, а в то же время обращались по важнейшим делам и в Казань к первенствовавшему в иерархии Ефрему. Так образовано было временное церковное управление»³³².

Итак, русское православное духовенство принимало самое энергичное участие в нижегородском движении, и ее представители входили в состав Ярославского временного правительства.

В период нахождения нижегородского ополчения в Ярославле, Минин и Пожарский проявили большие дипломатические способности. Для того чтобы успешно вести борьбу с главным врагом — польскими интервентами и русскими изменниками, необходимо было избавиться от второстепенных противников. Прежде всего, надо было обезопасить свой тыл с северо-запада, т.е. лишить шведов возможности нанесения внезапного удара по русскому войску. С этой целью, стремясь отвлечь их внимание от действий народного ополчения, Пожарский вступил в переговоры о признании шведского королевича царем всей Руси. Затягивая переговоры, Пожарский, в свою очередь, стремился укрепить ряд важных в стратегическом отношении пунктов, которые могли быть в первую очередь захвачены шведами. Так, по его приказу, в очень короткий срок были восстановлены полуразрушенные крепости в районе Тихвина и Белоозера. Так, на время, обе стороны решили мирно ожидать, следя за дальнейшим ходом политических событий.

Обезопасив себя с северо-запада, Пожарский решил умело использовать в своих интересах старую вражду между Австрией и Польшей. В грамоте, посланной австрийскому императору, он напоминал о помощи, оказываемой Россией Австрии в прежние годы, и просил императора воздействовать на Сигизмунда, чтобы последний вывел войска из Русского государства.

Ведя переговоры с Пожарским, Австрия, как и Швеция, лелеяли себя надеждой, что русским царем будет избран один из представителей их династий. В результате переговоров с Швецией и Австрией, Польша лишилась своих вероятных союзников, так как они в некоторой степени были заинтересованы в победе русских над польскими интервентами. Против казаков ярославские власти вновь посылают Пожарского-Лопату, и в результате его действий Сузdalь, Углич, Переяславль-Залесский оказались в руках нижегородских властей.

В результате многогранной деятельности вождей народного ополчения половина всей территории Русского государства — Сибирь, Понизовье, Поморье и др. центры — оказалась под властью народного ополчения.

В то время, когда ярославские власти готовили силы для решающей битвы с врагами родины, в стране еще более увеличился патриотический подъем. Освободительное движение росло и ширилось.

В это же время положение в подмосковных «таборах» казаков было крайне нездоровым: морально разложившиеся казаки грабили местное население и целовали крест новому самозванцу. Питая

злобу к Пожарскому, Заруцкий послал шпиона казака Стеньку, что бы тот убил его. Но, благодаря бдительности ополченцев, бандиту не удалось осуществить свой гнусный план. Потерпев неудачу в своем коварном плане, боясь народной мести, Заруцкий с небольшим казачьим отрядом бежал в Коломну и, разграбив город, объединившись с бандой бывшей жены «тушинского вора» — Марины Минишек, бежал на юг в прикаспийские степи.

Медлительность ярославских властей казалась неуместной троицким властям, и они вновь в своих грамотах призывают нижегородское ополчение объединиться с казаками и идти к Москве. Свою грамоту Троицкие власти отправили к Пожарскому с двумя старцами — Макарием Курковским и Илларионом Бровцыным, напоминая ополченцам, что казаки и земцы — братья во Христе по вере, а потому между ними должно быть взаимное единение. Для освобождения страны от врагов надо забыть взаимную вражду³³³.

Эта грамота Троицкого монастыря написана в таком же примирительном тоне, в каком были написаны и прежние грамоты.

По свидетельству Авраамия Палицына, грамоту Троицких властей Пожарский «в презрение положил»³³⁴. Несмотря на такой результат грамоты, Троице-Сергиева Лавра вновь отправляет послов к Пожарскому — старцев Серапиона Воейкова и Афанасия Ощерина, которые «много моляще Пожарского вскоре притти к Москве помочь учинити, ово пишуше ему с молением, ово же с запрещением... и к сему прирекше... еще прежде вашего пришествия к Москве гетман Ходкевич приидет с множеством войска, то всуе труд ваш будет и тще ваше собрание»³³⁵. Но Пожарский продолжал оставаться в Ярославле. Тогда в Ярославль поехал Авраамий Палицын, и здесь «все воинство довольно поучив от Божественных писаний и много молив их поспешити под град Москву»³³⁶.

В это же время затворник Борисоглебского монастыря — Иринарх — также призывал Пожарского не бояться казаков и идти на Москву. Узнав, что ярославские власти медлят с походом, опасаясь казачьих беспорядков, он прислал им просфору и челобитную, призываю выступать без боязни. Выступая из Ярославля, Минин и Пожарский в Ростове зашли к нему за благословением. Он их благословил и в помощь дал свой подвижнический крест, с которым народное ополчение совершило очищение столицы от врагов³³⁷.

Внимая призыву Троицких властей и слушая совет подвижника Иринарха, в августе 1612 года Пожарский стал готовиться к походу на Москву. Сложившаяся обстановка требовала немедленного выступления, так как польские интервенты под командованием Ходке-

вича двигались к столице на помощь осажденному гарнизону. Узнав о выступлении иноземцев, Пожарский посыпает к Москве передовые отряды народного ополчения под командованием Дмитриева, Пожарского-Лопаты и Самсонова, а сам, «отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба Ярославских чудотворцев (знатного князя Феодора Ростиславича Черного и сыновей его Давида и Константина), взял благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных»³³⁸ и с основными силами выступил из Ярославля.

14 августа народное ополчение под командованием Минина и Пожарского подошло к Троице-Сергиевой Лавре. Троицкие власти с великою радостью встретили ополченцев. Видя народные силы, объединенные ценой великих усилий и страданий, они теперь могли вполне надеяться, что их заветная мечта осуществится и отечество будет спасено. Пожарский предполагал остановиться на некоторое время в стенах обители и окончательно выяснить обстановку, сложившуюся под Москвой. Для него важно было узнать, какую позицию будет занимать казачий атаман Трубецкой, но нижегородским властям долго раздумывать не пришлось. Вскоре они получили известие о том, что польские войска, под командованием Ходкевича, подходят к Москве. 18 августа народное ополчение выстроилось на горе Волкуше по направлению к Москве, ожидая дальнейшего распоряжения. Перед своим выступлением Пожарский просил архимандрита Дионисия отслужить напутственный молебен. После молебна, который был совершен самим архимандритом с братией, ополчение подходило к священнослужителям и прикладывалось к образам. Архимандрит благословлял их крестом и окроплял святою водою, после чего войско двинулось к Москве. Архимандрит Дионисий, осеняя народное ополчение крестом, напутствовал их следующими словами: «Идите, чада мои, Бог да поможет вам, постраждите яко добрые воины Христовы»³³⁹. Напутствуемые молитвами и благословением преп. Дионисия, ополченцы бодро двинулись к Москве, обещая умереть за дом Пречистые Богородицы и за православную христианскую веру.

Вместе с нижегородским ополчением отправился в Москву и А враамий Палицын, вероятно для того, чтобы уговорить казаков поддержать Пожарского, так как он среди них пользовался большим авторитетом. Так Троицкая обитель напутствовала русский народ на последнюю решительную битву с врагами своей веры и государственности.

20 августа 1612 года народное ополчение достигло Москвы и расположилось отдельно от казацкого войска. В это время к Пожарско-

му прибыли послы от Трубецкого с предложением соединиться и действовать сообща против Ходкевича и польского гарнизона, находящегося в Москве. Но вожди ополчения отвергли это предложение, и объединение казаков с земцами не состоялось.

Мы не будем описывать ход битвы русских с поляками, но укажем на то обстоятельство, что казаки, хотя и были недовольны земскими людьми, но тем не менее участвовали в сражении и во многом помогли делу. В решающей битве русских с поляками 24 августа 1612 года они сыграли важную роль. Несмотря на все их жестокие действия, в них еще жило религиозное чувство, на которое воздействовал Палицын в решающий момент битвы.

Решив нанести удар врагу общими силами, Минин и Пожарский послали в стан Трубецкого Авраамия Палицына, прося его убедить казаков поддержать их. Со слезами на глазах он обратился к казакам: «От вас начась дело добре крепкого стояния за истинную православную христианскую веру. Вы приняли многие раны, терпели наготу и голод, — храбрость ваша известна во многих дальних государствах... Теперь ли это добре начинание единим разом хотите погубить». Умная речь Палицына имела успех. Большинство казаков обещало умереть, чем вернуться без победы. Он переходил от одного табора в другой, призывая казаков «пострадать за православную веру». В решающий момент битвы (24 августа) казаки, с криками воодушевления «Сергиев, Сергиев», бросились в бой и решили исход битвы. Пораженный Ходкевич ушел в свой лагерь к Донскому монастырю, а оттуда перебрался на Воробьевы горы.

После этой победы в стане Пожарского Авраамий отслужил благодарственный молебен пред сопровождавшими ополчение иконами из Троице-Сергиевой Лавры³⁴⁰.

Так была одержана решающая победа над Ходкевичем, в которой участвовали земцы и казаки. Но после этой победы вражда между ними не прекратилась. Казаки были недовольны тем, что земцы живут в полном довольствии, а они наги и голодны, и вследствие этого казаки хотели уйти из-под Москвы. О всех этих беспорядках знали Троицкие власти. Принимая самое энергичное участие в последних политических событиях родного государства, они не могли не скорбеть о тех неурядицах, происходивших под Москвой. И вот монастырские старцы решили использовать последнее средство. К воеводам Пожарскому и Трубецкому они отправили увещательную грамоту, призывая их к объединению и любви³⁴¹, а казакам, за неимением казны, решили послать всю драгоценную церковную утварь.

Мы не имеем исторических сведений о том, какое впечатление произвела Троицкая грамота на воевод. Но по свидетельству автора «Очерков по истории смуты», «в конце сентября или в начале октября 1612 года в тaborах совсем оставили мысль о борьбе с земским войском, и боярин Трубецкой уступил стольнику Пожарскому и “выборному человеку” Кузьме Минину»³⁴².

Поразительное впечатление произвела и имела прекрасные последствия посылка казакам Троицкими властями церковной утвари в залог уплаты 1000 рублей. Вместе с материальной помощью Троицкая обитель на имя казаков послала грамоту, призывая их донести свой подвиг во имя родины до конца и от стен Москвы не отходить. Казацкая вольница, увидев пред собою вековые труды насельников Троицкой обители, по выражению Палицына, «при-
и-
до-
ша в разум и страх Божий»³⁴³, «и рече сия, многими леты соби-
рана и возложена в дар Господеви на службу устыдешася»³⁴⁴, и все присланное отослали обители. После этого, прослушав Троицкую грамоту, казаки были тронуты приношением иноков и, избрав из своей среды двух прославленных атаманов, отправили их с ризницей в монастырь и с грамотами к Троицким властям, в которых они обещали, не взявши Москвы и не отомстивши врагам христианской веры, не отходить из ополчения³⁴⁵.

Таким образом, в примирении этих двух враждующих элементов, только при их объединенном и взаимном действии наша родина могла освободиться от иностранной интервенции. В этом примирительном действии заслуга Троицкого монастыря неоценима, так как «своими грамотами, своим призывом русских людей к скорейшей и дружной защите от иноверных, своей широкой благотворительностью и своим участием на поле брани, в рядах ополчения, Троицкий монастырь явился живой, деятельной силой в народном движении, — имел большое значение в организации ополчения и в успехе его деятельности»³⁴⁶. NB

Данное слово Троицким властям казаки с честью выполнили. Поляки, истощенные голодом, не могли оказывать упорного сопротивления. Объединенные народные силы 22 октября 1612 года захватили Китай-город. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, поляки, сидевшие в Кремле, сдались. 27 октября 1612 года русские войска вступили в Кремль, и столица русского государства была очищена от интервентов.

Свою величайшую победу над иностранными захватчиками русские люди решили торжественно отпраздновать. После освобождения Кремля, первый воскресный день, объединенное народное опол-

чение собралось на Красной площади у Лобного места. Здесь архимандрит Дионисий, по случаю победы прибывший из Троицкой обители, при стечении многочисленного народа, отслужил торжественный благодарственный молебен. В этом духовном торжестве русского народа участвовал и архиепископ Елласский (Архангельский) Арсений, который «пришел из Кремля со всем освященным собором, с крестами, иконами и с главною святынею московскою, иконою Владимирской Богородицы, один вид которой привел в умиление все православное воинство»³⁴⁷.

По совершении благодарственного молебна все направились в Кремль и их взору представилась страшная картина бесчинства польских интервентов: церкви и престолы были осквернены, иконы рассечены и уничтожены, а в чанах находились человеческие трупы. «Что безумия сего безумнейши, — пишет Палицын, — еже сотвориша оказияни лютори с треклятыми и богомерзкими отступники и прелагатай с русскими изменники? Видяху бо святыя Божии церкви осквернены и обруганы и скверных мотыл наполнены. Святыя же и поклоняемые образы Владыки Христа и Пречистые Его Богоматери и всех святых рассечены и очеса извергаемы и престола Божия осквернены и ободраны и всяку святыню до конца разорену и обругану злым поруганием и множество трупа человечка рассечены от человекоядец и в сосудех лежащих»³⁴⁸.

«Обеднею и молебном в Успенском соборе окончилось великое народное торжество, подобное которому видели отцы наши ровно через два века»³⁴⁹.

Освободив столицу от иноземных захватчиков, народное ополчение положило прочное основание делу освобождения всей страны и восстановлению независимого русского государства. Одержанная победа окружила ореолом немеркнущей славы героев битвы за Москву, «выборного человека» Кузьму Минина и «большого богатыря» Дмитрия Пожарского.

С уничтожением интервентов под Москвой и в Москве еще не была окончательно ликвидирована опасность, угрожавшая родному отечеству. Польские паны, несмотря на неоднократные поражения, не хотели отказываться от мысли о захвате всего Русского государства. Польский король Сигизмунд III, узнав о взятии Москвы русскими войсками, в конце ноября 1612 года выступил из Смоленска походом на Москву. В Вязьме к нему присоединились разбитые остатки войск Ходкевича. Выступив из Вязьмы, польский король вновь военною силой хотел заставить русский народ признать его власть. Однако, в самом начале своего похода, он встретил упорное сопро-

тивление жителей небольшого города Погорелое, откуда и пошел на Волоколамск. Из-под Волоколамска он отправил в Москву «великое посольство», охраняемое большим отрядом войск, которое везло в Москву «приказ» о признании Владислава русским царем. Но русские не допустили «посольство» к Москве и с боем их прогнали. В этом бою к полякам попал в плен русский и на вопрос интервентов, хотят ли русские взять на царство Владислава, отвечал: «Все обещались помереть за православную веру, а королевича на царство не брать»³⁵⁰.

Простояв около месяца под Волоколамском, Сигизмунд не взял его. Преследуемые русскими войсками, королевские войска, неся потери от голода и холода, позорно бежали в Польшу. Так бесславно закончился поход Сигизмунда на Русское государство.

«Итак, — говорит Иловайский, — важнейшая и труднейшая задача была исполнена: Москва очищена от неприятелей и снова стала средоточием самобытной Русской государственной жизни»³⁵¹.

После восстановления порядка в Москве, перед русским народом встал вопрос о формировании своего национального правительства; надобно было избрать своего русского царя. «Царское избрание, — по свидетельству проф. Платонова, — должно было завершить земский подвиг, дав временной московской власти характер постоянного и законного правительства»³⁵². Но такое важное дело необходимо было решить общим советом всей земли. С этой целью, уже в первые недели после очищения Москвы, по всем городам русской земли рассылаются грамоты, приглашая «прислать в Москву от всяких чинов людей, т.е. духовных, дворян, детей боярских, гостей, посадских, служилых и уездных, от каждого города лучших по десяти человек»³⁵³, для государственных и земских дел.

В январе 1613 года в Москве собрался новый земский совет, и в его состав вошли следующие представители от священного собора: Казанский митрополит Ефрем приехал в Москву с представителями Казанского монашествующего духовенства с «Свиятским архимандритом Корнилием, впоследствии архиепископом Вологодским, и игуменом старейшего Казанского Успенского Зиланта монастыря, Иосифом»³⁵⁴, глава русской церкви Ростовский митрополит Кирилл, Сарский митрополит Иона, архиепископы и епископы и многие другие представители духовенства.

Сознавая всю важность предстоящего избрания, собравшиеся начали свою работу молитвою и трехдневным постом³⁵⁵. Постом и молитвою лучшие представители русской земли хотели очиститься от своих прежних грехов перед важным и общенародным делом.

По окончании поста собравшиеся начали совещания. Первый главный вопрос — избрать ли царя из иностранцев — был решен отрицательно. Собравшиеся постановили: «Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных, не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом»³⁵⁶.

Этот приговор разрушил все замыслы интервентов и утвердил прочное положение — избрать природного русского православного царя. В начале на соборе не было единства. Каждая партия выдвигала своих кандидатов, называя лиц со славными историческими фамилиями — князей Голицына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого и др. Но среди них, согласно официальной версии, 7 февраля впервые было названо имя Михаила Романова, — на ком все и остановились. Он и был предызбран в цари. Избрав Михаила царем, собор отложил обнародовать свое решение до 21 февраля. А в это время из Москвы были посланы люди по городам и уездам, чтобы узнать народное мнение — кого они желают избрать царем? К 21 февраля посланные возвратились в Москву с хорошими вестями, сообщив о том, что у всех людей одна мысль, — быть царем Михаилу Романову.

Таким образом, «М. Ф. Романов был провозглашен царем в большом Московском дворце в присутствии, внутри и вне, всего народа из всех городов России»³⁵⁷.

После избрания Романова царем, к нему было отправлено в Ипатьевский монастырь посольство из следующих лиц: Рязанского архиепископа Феодорита, Чудовского архимандрита Авраамия, Троицкого келаря Авраамия и иных монастырей архимандритов и игуменов, боярина Шереметьева и др. Их стараниями и уговорами юный Романов согласился на избрание. 18 апреля он прибыл в Москву. 11 июля митрополит Ефрем, при участии митрополита Кирилла Ростовского и Вологодского архиепископа Корнилия, в Успенском соборе совершил коронование на царство Михаила.

Так была восстановлена в рассматриваемую нами эпоху наша национально-государственная самобытность, сохранена Православная вера, разрушенная и поруганная самозванцами и польско-шведскими интервентами. Величайшие заслуги перед Родиной в этой борьбе принадлежат православному русскому духовенству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описав всю деятельность православного русского духовенства в эпоху польско-шведской интервенции, мы постараемся установить, какую же цель преследовали русские пастыри в «смутную эпоху».

В царствование Годунова и Шуйского вся деятельность русского духовенства направлялась к тому, чтобы восстановить в родной стране мир и спокойствие, поддержать законный порядок и внушить повиновение законной государственной власти. Эта мысль проходит красной нитью в грамотах первого русского патриарха Иова, на долю которого выпал первый жребий стать на защиту национально-государственных основ родного государства и православной веры. Однако, как ни старался русский первосвятитель поддержать Годунова, как ни просил русских людей оставить беспорядки, участь Годунова была решена. Явился самозванец, который при поддержке польских интервентов и русских изменников занял Московский трон; уничтожил Годунова, а патриарха Иова низложил, поставив вместо него Игнатья. Русское духовенство продолжало бороться против авантюриста, призывая народ объединиться и изгнать оккупантов и тем самым умиротворить страну. Но страну не удалось умиротворить и народные страсти только разгорались.

Не успели еще замолкнуть радостные народные крики по случаю вступления на престол мнимого царевича Димитрия, как толпа надругалась над его несчастным трупом. Авантюрист погиб, и на престол вступил виновник переворота — Шуйский, но вражда и ненависть нисколько не прекращалась, а только из верхних боярских слоев перешли вниз и стали социальной. Тогда появилось в стране еще больше беспорядков, кругом действовали разнузданные животные страсти. В это время вокруг было одно бессмысленное, бесцельное избиение людей, вандальское истребление имущества; люди обезумели от крови и мести; шатались как звери; власть управляла неумело; религия втаптывалась в грязь; чувства национального патриотизма исчезли; свои были хуже чужих; не было ни чести, ни правды, ни порядка, ни совести.

В это-то грозное время и выступила на помощь государству со своими духовными средствами церковь в лице своих доблестных иерархов. Русские иерархи пытаются нравственно объединить народ общим раскаянием в клятвопреступлениях, что и было торжественно исполнено при Шуйском патриархами Гермогеном и Ио-

вом, специально вызванным из заточения. Однако эта церемония не имела успеха, народ не мог объединиться и свободно подчиниться Шуйскому, и он был низложен с престола и пострижен в монахи.

После этого Русское государство осталось без своего русского правителя, и на этот раз выбор его представлял большие трудности. Вначале для формы присягнули семибоярской думе, но вскоре передумали и остановились на польском королевиче Владиславе. К Сигизмунду под Смоленск было направлено посольство, а польское войско впущено в Москву. Узнав о всем, что происходит в русской земле, польский король был не особенно обрадован такими известиями, так как он сам хотел занять русский престол и, предполагая, что русское государство окончательно ослабло и распалось, стал самовластно, как действительный государь, рассыпать указы и раздавать поместья.

Тогда-то русский народ понял, к чему привела его междоусобная вражда, какая великая и страшная опасность угрожает русскому государству, нации и православной вере с воцарением Сигизмунда; и взоры всех невольно обратились к патриарху Гермогену — «начальному человеку земли русской». Патриарх Гермоген давно глубоко переживал народные настроения и хорошо понимал всю страшную опасность для отечества и православной веры от торжества поляков, почему он так настойчиво требовал перекрещивания Владислава еще до его вступления в русское государство. И когда определенно выяснилось, что Сигизмунд не отпускает Владислава, а стремится сам стать во главе русского государства и о перемене веры он даже не упоминает, патриарх решил не допускать такого насилия и поставить во главе русского государства своего единокровного правителя. Для этого необходимо было призвать русских людей оставить взаимную вражду и несогласия.

Этот призыв к нравственному объединению во имя православной веры не замедлил раздаться из уст русского первосвятителя. В результате было сформировано Ляпуновское ополчение. Смоленские жители, а за ними и москвичи писали ко всем русским людям: «Братья есми и сродницы, понеже от святыя купели и крещением породихомся и обещахомся веровать во Святую и Едину сущную Троицу, Богу живу и истину»³⁵⁸.

Итак, идея братства во Христе, провозглашенная патриархом Гермогеном и воспринятая народом, и организовала первое ополчение под командованием Ляпунова и привела его к Москве. Однако деятельность народного ополчения, как известно, окончилась печально; среди ополченцев поднялась вражда, которая закончилась убийст-

вом Ляпунова и разложением ополчения. Очевидно, во всей полноте русский народ еще не проникнулся идеей братства во Христе, так как во имя любви друг к другу необходимо было отречься от своих эгоистических расчетов, уничтожить ненависть и вражду. Но казаки не хотели большинству уступить своих прав, и беспорядки с новой силой стали продолжаться в родном государстве. В это критическое время жив был еще патриот родины — патриарх Гермоген, и к нему обратили свой взор лучшие люди того времени, ожидая от него дальнейших указаний. Несмотря на то, что он находился в заточении в Чудовом монастыре, первоиерарх российский продолжал по-прежнему призывать русских людей подняться на защиту веры и отечества, указывая им программу действий. Его призыв упал на добрую почву народных сердец, и в Нижнем Новгороде вновь стало формироваться народное ополчение под руководством Минина и Пожарского.

Смерть патриарха не парализовала патриотической деятельности русского духовенства, и его великое святое дело продолжают иноки Троице-Сергиевой Лавры. В своих грамотах они настойчиво призывают народ во имя любви к святой православной вере объединиться и спасти национально-государственную самобытность и православную веру от иностранного порабощения. «Вспомните православную христианскую веру, — пишут троицкие иноки, — яко вси родихомся от крестьянских родителей и знаменовахомся печатью и святым крещением и обещахомся веровать во Святую Живоначальную Троицу, Богу живу и истинну, — отложите всякое недовольство и вражду между собою Бога ради». Троицкие грамоты ярко рисуют картину глумления интервентов над религиозным чувством русских людей. «Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и поругано злым поруганием»³⁵⁹.

На этот раз призыв русского духовенства увенчался успехом. Народ понял, что для своего избавления от иностранного засилья он должен, прежде всего, изменить свою жизнь и очистить свою совесть молитвой, постом и покаянием, что и выразилось в многочисленных видениях и откровениях. Как только известия об этих откровениях и видениях распространились по всей стране, то по совету «всей земли» во всех городах, всем православным христианам было положено поститься три дня. Это постановление было точно выполнено русским народом. Этот добровольный, истинно христианский подвиг принес свои плоды. Очищение посредством покаяния, поста

и молитвы объединило русских людей; взаимная вражда была уничтожена, и обновленный народ изгнал с родной земли полчища иностранных интервентов.

Итак, в начальную эпоху XVII века, в период польско-шведской интервенции, русское православное духовенство своими действиями спасло родное отечество от иностранного порабощения, а православную веру от окатоличивания. Заслуги духовенства пред Родиной и Церковью заключаются в том, что оно объединило народ, призвало его к посту, молитве и покаянию и воодушевило на героическую борьбу с врагами за свою Родину и веру. Объединение народа вокруг православной веры, сознание своего единства привело к прекращению вражды и ненависти; примирение всех во имя веры, любви друг к другу, как брату во Христе, и спасло православие от римского посягательства, а государство — от уничтожения.

Таким образом, могущественной силой Русского народа, уничтожившей врагов, отстоявшей целостность и независимость Русского государства и восстановившей в нем законную русскую власть, и была православная вера. И в национально-освободительной борьбе русских людей против иностранных захватчиков в XVII веке «нельзя не остановиться с благодарным вниманием на русской церкви и не признать за нею огромного значения. Церковь, в лице своего духовенства, помогла народу выстрадать свою самобытность, пробудив в нем своим религиозно-нравственным влиянием угасшие силы любви к отечеству и вере»³⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. С. 82.
- ² Жукович П. Московская смута начала XVII века и ее отражение в литовско-польском государстве // Христианское чтение 1902. С. 660.
- ³ Там же. С. 659.
- ⁴ Там же. С. 660.
- ⁵ Царевский А. Значение православия в жизни и исторической судьбе России // Православный собеседник. 1898. Ч. II. № 5–8. Июнь. С. 317 – 318.
- ⁶ Там же. С. 303.
- ⁷ Покровский И. Значение высшей русской иерархии и исторические условия ее служения Церкви и государству до конца XVII века // Православный собеседник 1898. Ч. 1. С. 439.
- ⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. XII. С. 76.
- ⁹ Преображенский И. В. Исторические заслуги нашего духовенства перед престолом и Отечеством. СПб., 1900. С. 10.
- ¹⁰ Глубоковский Н. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. Петроград, 1917. С. 8.
- ¹¹ Завитневич В. Значение великой московской смуты в общем ходе политического развития до-Петровской Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1908. Т. 2. С. 53.
- ¹² Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 1.
- ¹³ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). М., 1937. С. 95.
- ¹⁴ Там же. С. 151. (Ср. у Соловьева: История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 541).
- ¹⁵ Завитневич В. Цит. соч. в Трудах Киевской Духовной Академии. 1908. С. 86.
- ¹⁶ Там же. С. 87.
- ¹⁷ Кому нужна была смерть царевича Димитрия? // Христианское чтение. 1891. Т. 2. С. 396.
- ¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2.
- ¹⁹ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888. С. 20.
- ²⁰ Там же. С. 21.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² Там же. С. 22.
- ²³ Кому нужна была смерть царевича Димитрия? // Христианское чтение. 1891. Т. 2. С. 408.
- ²⁴ Там же. С. 409.
- ²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 746.
- ²⁶ Кому нужна была смерть царевича Димитрия? // Христианское чтение. 1891. Т. 2. С. 419–420.

- ²⁷ Тихомиров Г. Царь Борис Феодорович в церковных и гражданских событиях и мероприятиях его времени // Христианское чтение. 1903. Ч. 2. Апрель. Т. ССХV (215). С. 636.
- ²⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... СПб., 1901. С. 163.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 174–175.
- ³¹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 693.
- ³² Соколов Н. Иов, патриарх Московский // Московские Университетские известия. 1871. № 7. С. 344.
- ³³ Там же. С. 345.
- ³⁴ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 727.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 165.
- ³⁷ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 739.
- ³⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 195.
- ³⁹ Коялович М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут // Христианское чтение. 1880. № 3–4. С. 4.
- ⁴⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 190.
- ⁴¹ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 2.
- ⁴² Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 745.
- ⁴³ Лилов А. О зловредных действиях иезуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века. Казань, 1856. С. 224–225.
- ⁴⁴ Пташицкий С. Л. Письмо первого самозванца к папе Клименту VIII от 24 апреля 1604 г. СПб., 1899. С. 2.
- ⁴⁵ Там же. С. 3–11.
- ⁴⁶ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 751.
- ⁴⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 195.
- ⁴⁸ Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 36.
- ⁴⁹ Завитневич В. Цит. соч. в Трудах Киевской Духовной Академии. 1908. С. 89.
- ⁵⁰ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 20.
- ⁵¹ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13. С. 925.
- ⁵² Там же. С. 927.
- ⁵³ Там же. С. 928.
- ⁵⁴ Николаевский П. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. Ч. 2. С. 11. (Ср.: Учреждение Патриаршества в России в 1589 г. // Прибавления к изданию творений Святых Отцов в русском переводе. М., 1859. С. 298–309).
- ⁵⁵ Иов, патриарх Всероссийский // Богословская энциклопедия. СПб., 1906. Т. VII. С. 215.
- ⁵⁶ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 677.
- ⁵⁷ Никольский Н. К. Лекции по Русской церковной истории. СПб., 1907. С. 57.
- ⁵⁸ Соколов Н. Иов, патриарх Московский // Московские Университетские известия. 1871. № 7. С. 335.

- ⁵⁹ Там же. С. 336.
- ⁶⁰ Никольский Н. К. Лекции по Русской церковной истории. СПб., 1907. С. 58.
- ⁶¹ Бутурлин А. История смутного времени в России в начале XVII века. М., 1839. С. 96.
- ⁶² Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 756. (Ср.: Сборник материалов по Русской истории начала XVII века, в котором помещено письмо царя Бориса Годунова к императору Рудольфу от ноября м-ца 1604 года. С. 64).
- ⁶³ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904. Т. 4—6. С. 85—87.
- ⁶⁴ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 761.
- ⁶⁵ Иов, патриарх Московский // Православный собеседник. 1867. Ч. 3. Октябрь. С. 91—92.
- ⁶⁶ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 758.
- ⁶⁷ Соколов Н. Иов, патриарх Московский // Московские Университетские известия. 1871. № 7. С. 357—358.
- ⁶⁸ Иов, патриарх Московский // Православный собеседник. 1867. Ч. 3. Октябрь. С. 94.
- ⁶⁹ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904. Т. 5. С. 108.
- ⁷⁰ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 29.
- ⁷¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 216.
- ⁷² Цит. соч. в Православном собеседнике. 1867. Ч. 3. С. 97.
- ⁷³ Летопись о мятежах. СПб., 1771. С. 92—93.
- ⁷⁴ Соколов Н. Цит. соч. в Московских Университетских известиях. 1871. С. 374.
- ⁷⁵ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 773.
- ⁷⁶ Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 42.
- ⁷⁷ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 785.
- ⁷⁸ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 98. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 785).
- ⁷⁹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 786.
- ⁸⁰ Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 60.
- ⁸¹ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 170.
- ⁸² Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 67—68.
- ⁸³ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 207.
- ⁸⁴ Левитский Н. Лжедимитрий I... СПб., 1886. С. 81.
- ⁸⁵ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 792.
- ⁸⁶ Лилов А. О зловредных действиях иезуитов... Казань, 1856. С. 240.
- ⁸⁷ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 82.
- ⁸⁸ Воробьев Г. А. Смутное время. Деятельность русского духовенства с 1605—1613 гг.: Исторический очерк//Русский Архив. 1892. С. 10.

- ⁸⁹ Левитский Н. Игнатий, патриарх московский // Христианское чтение. 1886. Ч. 2. Ноябрь, декабрь. С. 553.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 95.
- ⁹² Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 72. (Ср.: Дмитриевский А. Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 106).
- ⁹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13. С. 740.
- ⁹⁴ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 79. (Он же ссылается на кн.: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб., 1881. Т. 10. С. 122. Прим. 85).
- ⁹⁵ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 9.
- ⁹⁶ Покровский И. Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский (а затем патриарх Всероссийский) и его заслуги для Казани (с 1579 по 1606 г.) // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 331.
- ⁹⁷ Там же. С. 347.
- ⁹⁸ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 30.
- ⁹⁹ Покровский И. Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский... // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 349.
- ¹⁰⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13. С. 739–740.
- ¹⁰¹ Там же. С. 740. (Ссылку Коломенского епископа Иосифа признают преосв. Макарий: Т. 10. С. 115; Карамзин И. М.: Т. 11. С. 264).
- ¹⁰² Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 794. (Ср.: Левитский Н. Игнатий, патриарх Московский // Христианское чтение. 1886. Ч. 2. С. 587).
- ¹⁰³ Левитский Н. Игнатий, патриарх Московский // Христианское чтение. 1886. Ч. 2. Ноябрь, сентябрь. С. 588.
- ¹⁰⁴ Протоколы совета Киевской Духовной Академии 1900 г. // Труды Киевской Духовной Академии. 1901. Ч. 3. С. 170. (Там указан разбор сочинения Дмитриевского Завитневичем.)
- ¹⁰⁵ Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602–1903 гг.). Астрахань, 1903. С. 25.
- ¹⁰⁶ Астраханские епархиальные ведомости. 1880. С. 139.
- ¹⁰⁷ Иерархия Астраханской епархии // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1848. Кн. VII. С. 66.
- ¹⁰⁸ Дмитриевский А. К трехсотлетнему юбилею Астраханской епархии: (Житие и подвиги первого архиепископа Астраханского Феодосия). Киев, 1903. С. 8–9.
- ¹⁰⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 217.
- ¹¹⁰ Левитский Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 116–117.
- ¹¹¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 221.
- ¹¹² Завитневич В. Значение великой московской смуты в общем ходе политического развития до-Петровской Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1908. Т. 2. С. 90–91.
- ¹¹³ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 224.
- ¹¹⁴ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 805–806.

- ¹¹⁵ Там же. С. 807.
- ¹¹⁶ Бутурлин А. История смутного времени... М., 1839. С. 12.
- ¹¹⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 238.
- ¹¹⁸ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Т. 8. С. 810.
- ¹¹⁹ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Академия наук СССР, 1951. С. 109.
- ¹²⁰ Там же. С. 8.
- ¹²¹ Там же. С. 136.
- ¹²² Там же. С. 139. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Т. 8. С. 812).
- ¹²³ Там же. С. 284.
- ¹²⁴ Там же. С. 502.
- ¹²⁵ Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938. С. 9.
- ¹²⁶ Смирнов И. И. Восстание Болотникова... С. 502.
- ¹²⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 268.
- ¹²⁸ Там же. С. 277.
- ¹²⁹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 842.
- ¹³⁰ Там же. С. 847.
- ¹³¹ Муравьев А. История Российской Церкви. СПб., 1845. С. 200.
- ¹³² Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 358.
- ¹³³ Там же. С. 359.
- ¹³⁴ Там же. С. 363.
- ¹³⁵ Чернышев С. Святейший Всероссийский патриарх Гермоген, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // Труды Киевской Духовной Академии. 1912. Т. 2. С. 247.
- ¹³⁶ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 365.
- ¹³⁷ Дмитриевский А. Святейший патриарх Гермоген и русское духовенство в их служении отечеству в смутное время. СПб., 1912. С. 29–30.
- ¹³⁸ Чернышев С. Святейший Всероссийский патриарх Гермоген, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // Труды Киевской Духовной Академии. 1912. Т. 2. С. 249.
- ¹³⁹ Творения Святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 90–91.
- ¹⁴⁰ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 63.
- ¹⁴¹ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 118.
- ¹⁴² Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 190.
- ¹⁴³ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 367.
- ¹⁴⁴ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 184.
- ¹⁴⁵ Служение Филарета, митрополита Ростовского, бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1886. Ч. 1. С. 314.
- ¹⁴⁶ Никольский Н. К. Лекции по русской церковной истории. С. 97.
- ¹⁴⁷ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич, Московский и

всех России // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. М., 1873. С. 343.

¹⁴⁸ Служение Филарета, митрополита Ростовского, бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1886. Ч. 1. Апрель. С. 315.

¹⁴⁹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб., 1881. Т. 10. С. 139.

¹⁵⁰ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 344. Прим. 97. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Т. 8. С. 841–847).

¹⁵¹ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 118.

¹⁵² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 317.

¹⁵³ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 349.

¹⁵⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 317.

¹⁵⁵ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб., 1881. Т. 10. С. 140. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Т. 8. С. 863).

¹⁵⁶ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 184–185.

¹⁵⁷ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 347–348.

¹⁵⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 317–318.

¹⁵⁹ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 367.

¹⁶⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 291–292.

¹⁶¹ Там же. С. 313.

¹⁶² Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 131–132.

¹⁶³ Там же. С. 134–135.

¹⁶⁴ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 856.

¹⁶⁵ Там же. С. 856–857.

¹⁶⁶ Там же. С. 858.

¹⁶⁷ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 128. (Цит. у Костомарова: С. 212. Прим. 1).

¹⁶⁸ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 215.

¹⁶⁹ Там же. С. 243.

¹⁷⁰ Кедров С. Авраамий Палицын // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1880. Кн. IV. С. 11. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Т. 8. С. 855).

¹⁷¹ Кедров С. Авраамий Палицын... С. 33–34.

¹⁷² Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 272.

¹⁷³ Там же. С. 273.

¹⁷⁴ Успенский Д. Страдальцы за землю Русскую патриарх Гермоген и Троицкий архимандрит Дионисий. М., 1911. С. 31–32.

¹⁷⁵ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890. С. 57.

¹⁷⁶ Там же. С. 57.

¹⁷⁷ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. С. 393.

¹⁷⁸ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 309.

¹⁷⁹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 894.

¹⁸⁰ Там же. С. 897.

- ¹⁸¹ Там же. С. 898.
- ¹⁸² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 321.
- ¹⁸³ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 904; Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 420; Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 153.
- ¹⁸⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 322.
- ¹⁸⁵ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 356.
- ¹⁸⁶ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 167.
- ¹⁸⁷ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 151—152.
- ¹⁸⁸ Подгурский Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3. С. 259—260.
- ¹⁸⁹ Чернышев С. Святейший Всероссийский патриарх Гермоген, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // Труды Киевской Духовной Академии. 1912. Т. 2. С. 259. (Он же ссылается на П.С.Р.Л., Т. V, прибавление. С. 60).
- ¹⁹⁰ Мерцалов А. Очерки по истории смутного времени. СПб., 1895. С. 138.
- ¹⁹¹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 930.
- ¹⁹² Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 121.
- ¹⁹³ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 155. (Договор помещен в Собрании государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 189.)
- ¹⁹⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 351—352.
- ¹⁹⁵ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 70.
- ¹⁹⁶ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 932.
- ¹⁹⁷ Свящ. Иванов Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 156—157. (Ср.: Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. Т. 3. С. 27—28; Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 933.)
- ¹⁹⁸ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 373.
- ¹⁹⁹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 935—936.
- ²⁰⁰ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 71.
- ²⁰¹ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6. С. 135.
- ²⁰² Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 373.
- ²⁰³ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 72—73.
- ²⁰⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 335.
- ²⁰⁵ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 181.
- ²⁰⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 353.
- ²⁰⁷ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 492.

- ²⁰⁸ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 786.
- ²⁰⁹ Там же. С. 786.
- ²¹⁰ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 948.
- ²¹¹ Там же. С. 949.
- ²¹² Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 787. (Ср.: Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 949.)
- ²¹³ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич... М., 1873. С. 787–788.
- ²¹⁴ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 950.
- ²¹⁵ Там же. С. 951.
- ²¹⁶ Там же. С. 956.
- ²¹⁷ Там же. С. 959.
- ²¹⁸ Там же. С. 961.
- ²¹⁹ Там же. С. 978.
- ²²⁰ Там же. С. 980–981.
- ²²¹ Подгурский Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3. С. 263–264.
- ²²² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 364.
- ²²³ Там же. С. 366.
- ²²⁴ Там же. С. 366.
- ²²⁵ Летопись о мятежах. СПб., 1771. С. 205; Новый летописец. М., 1853. С. 127. (Цит. у свящ. Иванова Ф.: Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 170.)
- ²²⁶ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 80.
- ²²⁷ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4–6. С. 139.
- ²²⁸ Коялович М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут. СПб., 1880. С. 36–37.
- ²²⁹ Соловьев С. М. История России. СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 969.
- ²³⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 368–369.
- ²³¹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 970–971.
- ²³² Там же. С. 971.
- ²³³ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 188. С. 321. (Ср.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 241.)
- ²³⁴ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 179. С. 305.
- ²³⁵ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 973.
- ²³⁶ Подгурский Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3. С. 266–267.
- ²³⁷ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 384.
- ²³⁸ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 523.
- ²³⁹ Подгурский Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3. С. 268.
- ²⁴⁰ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 524.

- ²⁴¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 374—375.
- ²⁴² Коялович М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут. СПб., 1880. С. 39.
- ²⁴³ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6. Апрель, май, июнь. С. 143—144.
- ²⁴⁴ Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1907. Т. 1. С. 386—387.
- ²⁴⁵ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 971.
- ²⁴⁶ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6. С. 145.
- ²⁴⁷ Дмитриевский А. Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 149.
- ²⁴⁸ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6. С. 145.
- ²⁴⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 375.
- ²⁵⁰ Сухотин Л. М. Народное движение в 1611 и 1612 гг. // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1913. Кн. 4. С. 12.
- ²⁵¹ Там же. С. 12.
- ²⁵² Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 996.
- ²⁵³ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 389—390.
- ²⁵⁴ Там же. С. 392.
- ²⁵⁵ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. Т. 2. С. 191.
- ²⁵⁶ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 990.
- ²⁵⁷ Форстен Г. В. Политика Швеции в смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. С. 341.
- ²⁵⁸ Там же. С. 347.
- ²⁵⁹ Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 569.
- ²⁶⁰ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 999.
(Ср.: Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 570.)
- ²⁶¹ Там же. С. 999.
- ²⁶² Костомаров Н. И. Смутное время... СПб., 1904. С. 589.
- ²⁶³ Фаминский В. И. Основные переживания русской народной души в годину смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1915. Т. 3. С. 420.
- ²⁶⁴ Там же. С. 428.
- ²⁶⁵ Там же. С. 431.
- ²⁶⁶ Там же. С. 434.
- ²⁶⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 393.
- ²⁶⁸ Фаминский В. И. Основные переживания русской народной души в годину смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1915. Т. 3. С. 446—447.
- ²⁶⁹ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13. С. 240—242.
- ²⁷⁰ Завитневич В. Значение великой московской смуты в общем ходе политического развития до-Петровской Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1908. Т. 2. С. 221.
- ²⁷¹ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 216.
- ²⁷² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 395.

- ²⁷³ Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1843. Т. 12. С. 339.
- ²⁷⁴ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 194. С. 333—334.
- ²⁷⁵ Там же. С. 333—334.
- ²⁷⁶ Там же. С. 333—334.
- ²⁷⁷ Там же. С. 333—334.
- ²⁷⁸ Там же. С. 333—334.
- ²⁷⁹ Там же. С. 333—334.
- ²⁸⁰ Там же. С. 333—334.
- ²⁸¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 397.
- ²⁸² Там же. С. 397.
- ²⁸³ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 101.
- ²⁸⁴ Чернышев С. Святейший Всероссийский патриарх Гермоген, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // Труды Киевской Духовной Академии. 1912. Т. 2. С. 276. (Ср.: Летопись о мятежах. СПб., 1771. С. 238.)
- ²⁸⁵ Там же. С. 277.
- ²⁸⁶ Дмитриевский А. Святейший патриарх Гермоген и русское духовенство в их служении отечеству в смутное время. СПб., 1912. С. 54.
- ²⁸⁷ Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6. С. 77.
- ²⁸⁸ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13. С. 91.
- ²⁸⁹ Там же. С. 207.
- ²⁹⁰ Там же. С. 197.
- ²⁹¹ Там же. С. 203.
- ²⁹² Там же. С. 206.
- ²⁹³ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб., 1881. Т. 10. С. 164.
- ²⁹⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 369.
- ²⁹⁵ Воробьев Г. А. Смутное время. Деятельность русского духовенства с 1605—1613 гг.: Исторический очерк// Русский Архив. 1892. С. 47.
- ²⁹⁶ Кедров С. Жизнеописание Святейшего Гермогена... М., 1912. С. 209.
- ²⁹⁷ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 1006.
- ²⁹⁸ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 301—303.
- ²⁹⁹ Там же. С. 304.
- ³⁰⁰ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 190. С. 329—330.
- ³⁰¹ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890. С. 98.
- ³⁰² Там же. С. 99.
- ³⁰³ Коялович М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут. СПб., 1880. С. 56.
- ³⁰⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 398.
- ³⁰⁵ Там же. С. 399.
- ³⁰⁶ Там же. С. 399.
- ³⁰⁷ Там же. С. 400.
- ³⁰⁸ Забелин И. Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время. М., 1883. С. 79—80.

- ³⁰⁹ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890. С. 131.
- ³¹⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 400–401.
- ³¹¹ Кедров С. Авраамий Палицын //Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1880. Кн. IV. С. 97.
- ³¹² Там же. С. 97.
- ³¹³ Там же. С. 98.
- ³¹⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 401.
- ³¹⁵ Там же. С. 402.
- ³¹⁶ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890. С. 110–111.
- ³¹⁷ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т 8. С. 1010.
- ³¹⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 404.
- ³¹⁹ Новый летописец. М., 1853. С. 145.
- ³²⁰ Забелин И. Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время. М., 1883. С. 54.
- ³²¹ Там же. С. 32.
- ³²² Летопись о мятежах. СПб., 1771. С. 234–235.
- ³²³ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 201. С. 250.
- ³²⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 412.
- ³²⁵ Коялович М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут. СПб., 1880. С. 62.
- ³²⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 413.
- ³²⁷ Там же. С. 413.
- ³²⁸ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 203. С. 256.
- ³²⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 416.
- ³³⁰ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 283.
- ³³¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. СПб., 1881. Т. 10. С. 168.
- ³³² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 416.
- ³³³ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 202. С. 252–253.
- ³³⁴ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 314.
- ³³⁵ Там же. С. 314–315.
- ³³⁶ Там же. С. 316.
- ³³⁷ Забелин И. Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время. М., 1883. С. 102.
- ³³⁸ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 1025.
- ³³⁹ Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890. С. 156.
- ³⁴⁰ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 323–327.
- ³⁴¹ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2: № 219. С. 369.
- ³⁴² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 423.
- ³⁴³ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 329.
- ³⁴⁴ Кедров С. Авраамий Палицын //Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1880. Кн. IV. С. 151.

- ³⁴⁵ Там же. С. 151. (Ср.: Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 329.)
- ³⁴⁶ Успенский Д. Страдальцы за землю Русскую патриарх Гермоген и Троицкий архимандрит Дионисий. М., 1911. С. 39.
- ³⁴⁷ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 241.
- ³⁴⁸ Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 334.
- ³⁴⁹ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 1037.
- ³⁵⁰ Там же. С. 1038.
- ³⁵¹ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 243.
- ³⁵² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 424.
- ³⁵³ Иловайский Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4. С. 243.
- ³⁵⁴ Покровский И. Святитель Ефрем, митрополит Казанский и Свияжский и его церковно-политическая деятельность в смутное время начала XVII века // Церковные ведомости. 1913. С. 2381.
- ³⁵⁵ Соловьев С. М. История России... СПб., 1894. Кн. II. Т. 8. С. 1039.
- ³⁵⁶ Там же. С. 1039.
- ³⁵⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты... М., 1937. С. 428.
- ³⁵⁸ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2. № 226.
- ³⁵⁹ Там же. С. 275.
- ³⁶⁰ Подгурский Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3. С. 277.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1842. Т. 2.
Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2.
Акты исторические археографической комиссии. СПб., 1841. Т. 2.
Летопись о мятежах. СПб., 1771.
Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13.
Новый летописец. М., 1853.
Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909.

ПОСОБИЯ

- Астраханские епархиальные ведомости. 1880.
БУТУРЛИН А. История смутного времени в России в начале XVII века. М., 1839.
Иов, патриарх Всероссийский // Богословская энциклопедия. СПб., 1906. Т. VII.
ВОРОБЬЕВ Г. А. Смутное время. Деятельность русского духовенства с 1605—1613 гг.: Исторический очерк// Русский Архив. 1892.
ГЛУБОКОВСКИЙ Н. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. Петроград, 1917.
Творения Святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912.
ДМИТРИЕВСКИЙ А. Святейший патриарх Гермоген и русское духовенство в их служении Отечеству в смутное время. СПб., 1912.
ДМИТРИЕВСКИЙ А. К трехсотлетнему юбилею Астраханской епархии: (Житие и подвиги первого архиепископа Астраханского Феодосия). Киев, 1903.
ДМИТРИЕВСКИЙ А. Архиепископ Элассонский и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. (Разбор этого сочинения проф. Завитневичем помещен в протоколах Совета Киевской Духовной Академии за 1900—1901 г.).
ЖУКОВИЧ П. Московская смута начала XVII века и ее отражение в литовско-польском государстве // Христианское чтение. 1902.
ЗАБЕЛИН И. Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время. М., 1883.
ЗАВИТНЕВИЧ В. Значение великой московской смуты в общем ходе политического развития до-Петровской Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1908. Т. 2.
Свящ. ИВАНОВ Ф. Церковь в эпоху смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906.
ИЛОВАЙСКИЙ Д. Смутное время Московского государства. М., 1894. Т. 4.
КАРАМЗИН И. М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. 12.
КЕДРОВ С. Жизнеописание Святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912.
КЕДРОВ С. Авраамий Палицын // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1880. Кн. IV.
КОСТОМАРОВ Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904.

- КОЯЛОВИЧ М. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут. СПб., 1880.
- ЛЕВИТСКИЙ Н. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886.
- ЛЕВИТСКИЙ Н. Игнатий, патриарх Московский // Христианское чтение. 1886. Ч. 2.
- ЛИЛОВ А. О зловредных действиях иезуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века. Казань, 1856.
- МАКАРИЙ, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. СПб., 1881. Т. 10.
- МЕРЦАЛОВ А. Очерки по истории смутного времени. СПб., 1895.
- МУРАВЬЕВ А. История Российской Церкви. СПб., 1845.
- НИКОЛЬСКИЙ Н. К. Лекции по Российской церковной истории. СПб., 1907.
- НИКОЛАЕВСКИЙ П. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. Ч. 2.
- ПЛАТОНОВ С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время.) М., 1887.
- ПЛАТОНОВ С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888.
- ПОДГУРСКИЙ Ю. Русская церковь на служении государству в период смутного времени // Труды Киевской Духовной Академии. 1861. Т. 3.
- ПОКРОВСКИЙ И. Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский (а затем патриарх Всероссийский) и его заслуги для Казани (с 1579 по 1606 г.) // Православный собеседник. 1907.
- ПОКРОВСКИЙ И. Значение высшей русской иерархии и исторические условия ее служения церкви и государству до конца XVIII века // Православный собеседник. 1898. Ч. 1.
- ПОКРОВСКИЙ И. Святитель Ефрем, митрополит Казанский и Свияжский и его церковно-политическая деятельность в Смутное время начала XVII века // Церковные ведомости. 1913. № 50—52.
- Иов, патриарх Московский // Православный собеседник. 1867. Ч. 3.
- Служение Филарета, митрополита Ростовского, бедствующему Отечеству // Православный собеседник. 1866. Ч. 1.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. В. Исторические заслуги нашего духовенства перед престолом и Отечеством. СПб., 1900.
- Учреждение Патриаршества в России в 1589 г. // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе. М., 1859.
- ПТАШИЦКИЙ С. Л. Письмо первого самозванца к папе Клименту VIII от 24 апреля 1604 г. СПб., 1899.
- РУБЛЕВСКИЙ П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. № 4—6.
- САВВИНСКИЙ И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602—1903 гг.) Астрахань, 1903.
- Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896.
- СКВОРЦОВ Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавра). Тверь, 1890.